

Антон
Бердников

У
З
О
С

В
О
З
Р
О
Ж
Д
Е
Н
Н
Ы

Вековое спокойствие закончилось. Мир Энхор на грани новой битвы Порядка и Хаоса. Пробуждаются древние силы, плетутся заговоры, зреют зерна предательств и пути перестают быть безопасными. Грядет великое столкновение магий, которое коснется каждого живого существа. И когда в этот бурлящий котел не по своей воле попадет человек из нашего мира, никто не возьмется предсказать, чем завершится противостояние вечных врагов. Запланирована тетралогия.

Антон Романович Бердников

Хаос Возрождённый

Я открыл глаза и тут же закрыл. Ну и кто додумался сначала разбудить меня чувствительным тычком в бок, а потом светить в глаза фонарем или настольной лампой? Конечно, это шуточка вполне в духе Марины, но она-то уже две недели у родителей, в ста километрах от меня! Хотя могла и внезапно вернуться, устроить очередной сюрприз, а от них, бывает, сердце екает. Ключ от квартиры есть, конечно, еще у хозяйки. Но неужели Анна Петровна, эта милая женщина бальзаковского возраста, снизойдет до такого издевательства над тем, кто исправно платит за снимаемое жилье и содержит его в идеальном порядке? Вспомнилось, что в боевиках в лицо любят светить всякие силовые службы, правда, для этого надо сидеть на стуле. Я же прекрасно ощущал, что как лег ночью спать в любимую кровать, так и продолжал лежать. Только вот жестковато как-то, матрас, наверное, пора менять.

— Так, Марин, — не открывая глаз, заговорил я хриплым спросонья голосом, — шутка удалась, заканчивай. — Однако даже сквозь закрытые веки я чувствовал, что свет никуда не делся, а на первое за сегодняшний день мое предложение ответом оказалась тишина. Ну что ж, не хочешь по-хорошему, будем по-плохому. Я резко вскочил... Вернее, попытался вскочить, поскольку остался в неизменном положении. Бывало, я отлеживал руку или ногу и потом долго не мог ими пошевелить, но чтоб все тело сразу? В голове фейерверком вспыхнули две мысли, одна хуже другой. Либо я привязан к кровати, либо полностью парализован. Я вдруг почувствовал такой жуткий страх, которого не испытывал ни разу за долгую двадцатипятилетнюю жизнь. Спокойно Дима, спокойно, без паники — по крайней мере, язык работает, помощь позвать сможешь. Если меня связали бандиты или полицейские, они бы молчать не стали, что-нибудь да сказали. Да что с меня бандитам взять? Живу на съемной квартире с девушкой, зарабатываю скромные по современным меркам деньги, которых хватает для того, чтобы зваться представителем среднего класса. Ну а полиция? Закон уважаю, никогда преступных деяний не совершал, даже в глубокой юности не хулиганил. Накануне вообще целый день дома просидел — рубился в компьютерную игрушку, прихлебывая холодное пиво. Повода для задержания нет! А если не связан, а парализован? Это ж кошмар! Что делать?

Звать на помощь я пока не стал, в конце концов, может, и затекло все тело, мало ли что в жизни случается. Но проклятый свет не выходил у меня из головы. Я, набравшись храбрости, медленно стал поднимать веки, чтобы привыкнуть к бьющему сверху свету. Вначале не разглядел ничего, но спустя пару минут разобрал, что было надо мной. От увиденной картины у меня непроизвольно открылся рот, а закрыл я его только тогда, когда почувствовал, что по левой щеке уже потекла струйка теплой слюны. Это походило на бред сумасшедшего, но, судя по всему, я каким-то неведомым образом очутился в пещере. Ну да, в пещере, я по каналу «Дискавери» такие видел. Полости в верхней части земной коры, карстовые там, тектонические и другие. В меня целились со всех сторон коричневые сталактиты, а прямо над головой высоко зияла дыра, через которую я смотрел на голубое небо и солнце, чьи лучи поначалу и били в лицо.

Великолепно! Просто замечательно! Какого хрена, спрашивается, я тут делаю? Как можно оказаться в пещере, если до этого преспокойно спал дома? Во сне, конечно, разное происходит, но я-то уже не сплю, на кошмар мое чудесное перемещение в пространстве не

спишешь. Перетаскивать меня в пещеру тем более никто не будет, даже Марина. Да и откуда в нашем городе пещеры? У нас ни гор, ни холмов, сплошная равнина! Нет, естественно, меня могли вывезти в область, холмов там хватает, вот только кому это надо? К тому же за время путешествия я бы проснулся, ну невозможно спящего человека таскать на такое расстояние, не разбудив его в итоге. Оставалось только одно рациональное объяснение. То есть совсем не рациональное. Я переместился в другой мир или измерение. Читал же я такие книги, вон, когда в поезде или на автобусе долго едешь, эти истории с попаданцами неплохо так время убивают. Так что, выходит, я сам попал. Попаданец, блин. Тут уж я не выдержал и закричал. Долго кричал. Протяжно, с надрывом. Как младенец. Эхо загуляло по пещере, и я, вскоре обессилев, умолк.

Мысли беспокойно носились в голове, я хватался за каждую из них, но так и не мог решить, что делать дальше. Не знаю, сколько точно прошло времени, прежде чем я сумел повернуть голову влево. Это небольшое движение, которое я сделал совершенно случайно, придало мне сил. Движение — это жизнь! Одно дело попасть в иной мир полностью парализованным, другое — обладая своим телом. Если получилось повернуть голову, рано или поздно смогу пошевелить рукой, а там уже и остальными частями. Слева я обнаружил лишь сплошную горную породу в паре метров от меня. Ни наскального рисунка, ни надписей, только голый необработанный камень. Хотя какая разница, ну нашли бы они там, что мне до этого? Неужели там бы я увидел способ вернуться домой или еще что-нибудь полезное? Я повернул голову вправо. Здесь также в паре метров оказалась стена, но в ней был прорублен широкий проход. Уже что-то, из моей пещеры есть выход. Правда, туда солнце не светило, поэтому я не знал, что скрывается за тьмой. Там вполне могло ожидать местное кровожадное чудовище, яма или тупик, что не многим лучше. Это мне и предстояло выяснить, как только я, наконец, восстановлю былую подвижность. Пока что я продолжал осматривать место своего пребывания.

Чуть приподняв голову, я увидел, что лежу с голым торсом, но в странных темных штанах и в сапогах. Ого, это что — бонус при переносе? Незачем в другой мир являться в трусах, вот тебе штаны и обувь! Что ж на рубаху-то поскупились? Жадобы! Кому и зачем вообще понадобилось выдергивать меня с Земли?! Я не военный, познаний в медицине тоже не имею. Учился на юриста, а последние пару лет работаю в службе взыскания просроченной задолженности в одном из банков. В этом мире нехватка законов что ли? Местные аборигены хотят жить по Уголовному кодексу Российской Федерации? Или у тех, кто забросил меня сюда, проблемы с заемщиками? Ха! И еще раз — ха!

Но ведь на самом деле ситуация может быть хуже некуда. Вдруг никто меня не переносил в иной мир, а это произошло случайно? Или вот минуту назад я думал, что во тьме прохода, вероятно, прячутся чудовища. А что, если здесь вообще больше нет никого живого? Что, если кто-то по ошибке забросил меня в края, где я проведу оставшиеся годы в одиночестве, причем, отнюдь не гордом? Какие противные и нехорошие мысли лезут тебе в голову, Дима! Положение сложное, так ли надо его еще накручивать? Я разозлился, хотел уже громко, чтобы каждый сталактит в пещере услышал, сказать: «Не будь тряпкой, Ладыженский! Рано паниковать». Тут-то и понял, что уже несколько секунд сжимаю кулаки. Ура, пальцы заработали! Ноги вон тоже шевельнулись, никогда бы не подумал, что столь простые мелочи умеют доставлять неопишуемую радость.

Подниматься я не стал, решил еще немного подождать, ведь паралич мог вернуться и свалить меня на пол, а падать с высоты своего роста очень опасно, говорят, и на смерть

убиться легко. Кажется, я даже чуть-чуть задремал. Мне снилась большая белая пирамида, сложенная из массивных гранитных плит. Она стояла посреди густого леса и смотрелась здесь бельмом на глазу. Сам я как будто парил в воздухе на приличном от этого места расстоянии. На вершине пирамиды кто-то стоял, воздев руки к небу, вроде бы темноволосая женщина в черном платье. Она словно молила небеса, периодически складывала ладони вместе и снова поднимала их вверх, но отсюда я не слышал ее слов. Потом неожиданно женщина взорвалась сонмом ярко-красных огней, а я вдруг стремительно понесся к земле. Наверное, все знают это чувство, когда лежишь на своей любимой кровати и пытаешься заснуть, а затем внезапно проваливаешься в яму. Неприятное ощущение, и вот сейчас подобная штука и случилась со мной.

Я вздрогнул от ложного падения, а дремота сразу исчезла. Сон продлился не больше десяти минут — солнце в дыре надо мной не сдвинулось с места. Хотя откуда у меня такая уверенность? Сколько здесь длятся дни, ночи? Существует ли тут вообще время? Я отбросил эти пугающие вопросы в сторону. Во-первых, ответить на них пока никому; во-вторых, сначала надо подробнее осмотреть таинственное место, где мне сегодня довелось встретить утро. Кстати, я почему-то не подумал, что меня могло перенести не в другой мир, а в прошлое! Ну, или в будущее, чем черт не шутит! Только разница какая? Планета Земля, конечно, роднее неизведанных параллельных вселенных, но будет ли мне легче, если за пределами пещеры сейчас бродят динозавры или кроманьонцы бьются с неандертальцами за господство под небесами?

Встать в итоге вышло без особого труда, не верилось, что несколько минут назад мое тело отказывалось повиноваться. Я стряхнул кое-как со спины, рук и затылка каменную крошку, огляделся, теперь твердо стоя на ногах. Пещера оказалась небольшой, на первый взгляд, метра три на четыре. Никаких новых деталей я не обнаружил: голая порода, сталактиты, дыра вверху. Здесь было тихо, из чернеющего прохода тоже не доносилось ни звука. Я вперился в темноту, будто имел кошачьи глаза или прибор ночного видения. Не скажу, что считаю себя трусом, но смельчаком тоже назвать не могу. В школьные годы в основном молчал, когда меня задевали, но если доходило до драки — никогда не убегал и не прятался. Но сейчас-то я не на перемене, а передо мной не здоровый старшеклассник. Мне было очень страшно идти в этот проход, бесспорно, но оставаться тут истуканом — полнейшая глупость. Давай, Дима, подбодрил я себя, если тебя кто-то хочет сожрать, он может устроить трапезу и здесь, а так хоть узнаешь, что там, за этой пугающей темнотой.

Я медленно зашагал к выходу из пещеры, слушая хруст камешков под ногами. Хм, хорошие сапоги, удобные. Проход на деле был длинным узким коридором, не таким уж темным, каким изначально представлялся. В конце этого пещерного туннеля висел факел, который разгонял мрак. Чудовища меня здесь не ждали, за что им огромное человеческое спасибо. У факела коридор сворачивал вправо и выводил в просторное помещение; отсюда было видно, что оно освещается солнцем. Я разглядел из коридора лежащий на полу ковер и книжный шкаф у стены, заставленный толстенными фолиантами. Хорошая новость, я не просто в какой-то пещере, а в обжитом доме. Правда, в той же степени это может быть библиотека в горах или обсерватория, или еще бог весть что. Главное, что разумные существа тут присутствуют, очень хотелось бы еще, чтоб они выглядели как люди, а не как неведомы зверушки, выражаясь словами Александра Сергеевича Пушкина.

— Добрый день! — робко крикнул я. Только сейчас обратил внимание, что голос как будто вообще не мой, то ли охрип при переносе, то ли еще что. Я откашлялся и спросил:

— Кто-нибудь меня слышит? — Ответа из комнаты или кабинета не последовало. Тогда я не стал больше ждать и вышел из туннеля.

Проход привел меня в просторное помещение, которое было спальней. По крайней мере, у одной из стен стояла невероятно красивая деревянная кровать, на которой лежали две подушки с одеялом. Постельное белье чуть ли не искрилось в лучах солнца, которое проникало сюда из нескольких маленьких застекленных окошек в потолке. Интересно, что за материал такой? До потолка было метра четыре, не меньше, стены представляли собой ту же горную породу, что и в первой пещере. Шкафов с книгами я насчитал три. Возле одного из них стояли резной красный столик и каменное кресло с высокой спинкой, на которой висело что-то, похожее на плащ с капюшоном. На столе я увидел чернильницу, сделанную в форме кулака, перо для письма и раскрытую книгу. Или это записная книжка? Я немного подождал, вдруг хозяева этого места соизволят показаться передо мной. Проход в другое помещение выглядел шире, чем коридор, который привел меня сюда в спальню. Там тоже горел факел, пламя его едва дрожало. Но ни человек, ни какая-нибудь тварь с тремя глазами, ни змея на ножках в итоге не явились оттуда со словами: «Приветствую, избранный» или «Сейчас я тебя съем». Похоже, пока что я действительно одинок.

Я подошел к каменному креслу, вблизи заметил на нем какие-то непонятные то ли рисунки, то ли иероглифы там, где их не закрывал плащ с капюшоном. Потрогал плащ. Шерсть вроде бы, не синтетика уж точно. Марина, конечно бы, мигом определила, из чего сделана эта вещь, но рядом ее нет, и слава богу. Не хватало, чтобы мою любимую девочку тоже сюда занесло.

С Мариной мы познакомились чуть больше года назад. Я таких на голову повернутых девушек до нее не встречал, видимо, это и привлекло меня. Я высокий, метр восемьдесят шесть, если память не изменяет, Марина на двадцать сантиметров ниже. Когда я подошел к ней знакомиться в фойе кинотеатра, она заявила следующее: «Уважаемый молодой человек, вы загородили мне свет. Что вам надо от несчастного карлика?» Тут я вспомнил сцену из старого отечественного фильма «Ширли-Мырли», где главный герой Васька Кроликов (он же Изя Шниперсон) в исполнении замечательного актера Валерия Гаркалина произносит фразу про бабушку Мусю, которая карлик была. И заржал. Почти как конь. Здесь нормальная девушка должна была покрутить пальцем у виска и послать меня куда подальше. Но не Марина. Она просто взяла и спросила:

— Что ржешь? Давай-давай, говори, я тоже хочу смеяться, а то до фильма еще десять минут, скучно!

— Тебя не Муся случайно зовут? — спросил я. Выяснилось, что зовут карлицу Марина, а «Ширли-Мырли» — фильм, который загубил ее счастливое детство. Ее родители часто смотрели эту великолепную картину на видеокассете, поэтому бедная девочка сошла с ума. Образно говоря, конечно. Совпадение? Не думаю. Скорее судьба. Через некоторое время я узнал, что в моем городе Марина учится на экономическом факультете в технологическом институте, снимает квартиру с подругой и уже год как без отношений. Я теряться не стал, и скоро мы стали встречаться. К чему я вообще сейчас все это вспоминаю? Боюсь, что мы больше не увидимся? А кто сказал, что так будет? Я все сделаю, чтобы вернуться к Марине, к родным, друзьям. Знать бы еще поконкретнее, что именно нужно сделать.

Я поднял записную книжку, закрыл, осмотрел переплет — однозначно кожаный. Надписей на нем не нашлось, поэтому открыл те страницы, где неведомый мне владелец этого места оставил свои последние закорючки. Сначала буквы, которыми щедро усеял

серые страницы человек (я решил для себя — пусть это будет все-таки человек), ровным счетом ничего мне не сказали. Таких я не видел нигде на Земле. А спустя неумолимое мгновение все эти записи внезапно стали понятны. От неожиданности я даже опустился в кресло, камень, кстати, на удивление ощущался теплым. Нет, буквы не превратились в кириллицу, как можно подумать, просто... Это сложно объяснить. Символы, которые оставила рука хозяина пещеры, не изменились, я вдруг стал знать их значение. Как будто я выучил, к примеру, китайский язык, и теперь, глядя на иероглифы, могу их читать. Как там говорила Алиса в стране Чудес? Все чудесатее и чудесатее, все страньше и страньше. Я принялся за чтение.

«Пятый день месяца дубов, год три тысячи двадцать второй от сотворения Энхора. Я, Аархин Маггорайхен, последний оставшийся в живых н'шаст, вынужден признать, что Источник загрязнен настолько, что моих сил очистить его не хватит. Я чувствую, что Хаос возвращается, чувствую, что запертые н'уданы могут быть освобождены. Если произойдет прорыв, я уверен, что справлюсь один, силы н'уданов иссякли за время спячки, быстро восстановить их возможно только через Источник. Но эти отвергнутые Порядком предатели не только лишили нас возможности обучать новых н'шастов и увеличивать продолжительность жизни, они отрезали себе путь к прежней мощи и могуществу».

Я читал эти строки и некоторые слова не понимал. Энхор? Видимо, это название мира, в который я угодил. Что ж, прощай, Земля, но, надеюсь, мы скоро увидимся. Этот Аархин явно кто-то не простой, вероятно, маг; может, он и вернет меня назад. А если это он тебя призвал, Дима? Как призвал, так и на дембель отправит. Я в Источниках, Хаосе и н'шастах непонятных не смыслю, поэтому в его деле плохой помощник. Я вообще уже стал думать, что в Энхор меня затянуло по ошибке. Маггорайхен, твою мать! Я стал читать дальше.

«Седьмой день месяца дубов, год три тысячи двадцать второй от сотворения Энхора. Я перечитал письмо старому другу Мийэну Заурбанзу, которое месяц назад отправил в Грелимарай, с указанием собрать тех детей, в которых жизненная энергия уже кипит так, что их ауры скоро будут видны для обычных людей. Я долго их искал и надеялся, что найду больше, но трое — лучше, чем ничего. Необходимо обучить их, пока энергия не убьет их или до них не доберутся хаоситы. Со временем, если дети быстро обуздают дар Порядка, я попробую очистить Источник от скверны с их помощью. Кроме того, так как теперь я не могу прибавить к своей жизни еще десяток лет, нет гарантии, что я доживу до прорыва Хаоса. Если я умру, хотя бы останется шанс, что мои новые ученики смогут защитить Энхор в очередной битве Порядка и Хаоса.

Сегодня отправлюсь в Шантайз провести Крамди Палстарника. Если со мной что-нибудь случится до того, как дети полностью пройдут обучение, он должен будет проводить их обратно к Мийэну, с указанием доставить их в Первый Храм Порядка в Нагарских горах. Там знают, что делать, если в Энхоре не останется н'шастов, хотя это не сильно поможет».

Господи, что за имена у них тут?! Палстарник, Заурбанз, Маггорайхен. Язык сломаешь,

но меня волновало другое — противостояние Порядка и Хаоса. Что вообще происходит в этом долбанном Энхоре? В дневнике, а иначе эту тетрадь в кожаном переплете я назвать уже не мог, оставалась последняя запись.

«Одиннадцатый день месяца дубов, год три тысячи двадцать второй от сотворения Энхора. Не делал записей три дня, очень устал. Сказывается загрязнение Источника, и, клянусь Порядком, впервые за долгую жизнь я почувствовал страх. Он полз по мне змеей этой ночью, мешая спать. Он и сейчас сдавливает мне плечи невидимыми руками, пока я пишу эту заметку. Мне не было страшно, когда мы сражались с н'уданами. Я не испугался, когда выяснилось, что Источник отравили прислужники Хаоса. Меня не ужаснуло то, что после коварного убийства Ритайлины хаоситами, я остался последним н'шастом. Я никогда не страшился смерти и прожил долгую жизнь, дарованную не всем. Меня пугает лишь одно — что я могу не успеть даже начать обучение детей! Тогда Энхор обречен, силы Хаоса поглотят его, Саусесан высосет из нашего мира всю энергию до последней капли. Последователи Порядка, не прошедшие испытание Источником и не получившие всех знаний н'шастов, не выстоят. Надежда только на детей, они способны использовать энергию, которая их переполняет сейчас, в обучении. Ждать я больше не буду. Отправляюсь в Грелимарай сегодня сам, на такое расстояние я давно не перемещался, но силы на это должно хватить даже при отравленном Источнике. Если не выйдет, тогда сяду на корабль».

Я положил дневник на стол. Стоило обдумать все, что я прочитал, а думать было над чем. Что за Саусесан? Японец? Почему он жаждет высосать энергию? Какую энергию, магическую? Как вообще живое существо способно высосать из чего-либо энергию? Взять электрический провод и приложиться к нему губами можно, хотя вряд ли так получится что-то высосать. Ясно, что речь шла об энергии другого толка, но мой разум отказывался понять этот странный процесс. И главный вопрос — удалось Аархину телепортироваться в этот Греми... Глире... Грелимарай?! Или он все-таки отправился туда на корабле к детям, которых собирался научить магии. В любом случае, хозяин пещеры сейчас находился далеко. Где же искать помощи? Шевели мозгами, Ладыженский, напряги серые клеточки. Ты же всегда находишь, что сказать должнику, когда он выдает очередную отмазку, лишь бы не возвращать деньги. Почему же сейчас как будто тормозной жидкости выпил? Здесь рядом есть город, как его, Шантайз. Там живет Крамди Палстарник, знакомый Аархина. Возможно, он знает, как попасть домой или как найти местных магов не из числа н'шастов. Из записей Маггорайхена понятно, что они есть. Я пока мог только предполагать, способны ли эти люди на такую магию, но терять надежду не собирался. К тому же есть вероятность, что Крамди каким-то образом поддерживает связь с Аархином. Чем быстрее отсюда выберусь, тем лучше. Оставаться в мире, который находится на пороховой бочке? Только без меня. У нас-то на Земле, положим, тоже беспокойно сейчас: санкции, террористы, эмигранты. Но там свой, знакомый Хаос, к которому люди давно привыкли, да и Порядок на нашей голубой планете не в таком плачевном состоянии, как на Энхоре.

Я поднял руки к лицу, чтобы протереть глаза, и заметил что-то у себя на ладонях. Две черных восьмиконечных звезды красовались там, где их отродясь не было, что за дела! Я послунял большой палец правой руки и попробовал стереть им звезду с левой ладони. Тер сильно, тщательно, аж горячо стало, но рисунок даже не потускнел. Что же это такое. Татуировки? Или клейма? Е-мое, а сами кисти! С ними тоже произошла какая-то метаморфоза, ведь Марина всегда смеялась надо мной, утверждала, что меньше моих рук могут быть только детские. А тут я гляжу прямо на большие кисти с толстыми пальцами,

куда делись мои тонкие, которыми я струны на гитаре перебирал?! Мурашки стремительной волной набежали на меня в тот же момент, рот сам собой открылся, когда до меня дошло, что случилось на самом деле. Неужели, неужели это действительно так? Не просто перемещение, а с особой изюминкой. Бред, но разве проснуться в пещере не бред? Я рванул сам не свой в проход в следующую комнату. Теперь мне было все равно, ждут ли меня в полумраке монстры. Мысль, которая посетила мозг при виде чужих рук, шокировала сильнее. Во второй комнате я не стал осматриваться, потому что сразу обнаружил то, что хотел увидеть сейчас больше всего на свете — большое зеркало в кованой металлической раме золотого цвета. Но вот отразился в нем не двадцатипятилетний блондин Дмитрий Ладыженский, собственно, именно это я уже и ожидал. Из зеркала на меня взирал мужчина лет под сорок с темными волосами, по краям отливающими сединой. Ну, здравствуй, Аархин Маггорайхен, приятно познакомиться.

Ночь спустилась на город Тримашлонап быстро, словно кто-то гигантской рукой сорвал с небес солнце. Звезды высыпали на черную скатерть белыми каплями, воздух стал прохладным, а вистлы, дождавшись любимой поры, завели свои веселые песни. Пантак тоже ждал этого времени. Вот уже несколько дней он был сам готов подпевать маленьким мохнатым существам, когда день сменяла его извечная подруга. Пант, как называли его друзья, закончил приготовления и внимательно осмотрел себя в зеркале. Украденных денег хватило, чтобы купить прекрасную атласную рубаху фиолетового цвета, бархатный черный жилет, мазь, которая скрывала прыщи, и букет цветов, таких прекрасных и душистых, что Пантак забыл выяснить у уличной торговки, как они называются. Штаны ему одолжил его напарник Ваншкиг, или для своих товарищей-воров Ванш, когда узнал, что Панту они просто жизненно необходимы для свидания с некой благородной дамой. Легкие полусапожки Пантак стянул прямо из лавки обувщика, пока тот собирался закрываться на ночь. Пояс с ножнами из кожи капита и кинжал из когтя беурга Панту пожаловал сам мастер-вор Лигрил, когда мальчику исполнилось шестнадцать; поистине дорогой и великолепный подарок. Вооруженный этой красотой, в новой чистой одежде Пантак походил на молодого дворянина. Это определенно радовало по уши влюбленного юношу.

Белая пирамида возвышалась над лесом всего в часе пешего пути от Тримашлонапа. Пугающая громада стояла там уже сто шесть лет, служа напоминанием о давних событиях. Когда-то подступы к ней охраняли солдаты Наместника, но вот уже год, как министры убедили нынешнего правителя города сократить расходы на этот пережиток прошлого. Все равно каждый, от мала до велика, знал, кто захоронен в гигантской каменной гробнице, и только глупец отважился бы проникнуть в нее. До того момента, пока кто-то не пустил слух, что в пирамиде есть сокровища. Тогда-то и появились желающие. Весь воровской мир Тримашлонапа забурился кипящим котлом. Главари шаек спорили с пеной у рта, кому принадлежит право первыми наведаться туда, где вместе с поверженным н'уданом Хашайей из рода Чеенув погребли несметное количество самоцветов. Правда, некоторые из опытных воров напомнили, что опасно тревожить бездыханное тело слуги Хаоса, даже спустя век. Кроме того, доказательств, что сокровища действительно лежат в пирамиде, никто не видел. Не существовало карт даже с приблизительным планом гробницы; ни одна из книг того времени не упоминала, что драгоценные камни заносились внутрь. Да и зачем бы оставлять там богатства? Поэтому всеобщее волнение немного утихло, но слухи никогда не рождаются на пустом месте, значит, что-то ценное в недрах пирамиды было.

Однажды пробудившись после продолжительного сна, Пантак понял, что станет тем самым вором, чье имя войдет в легенды! Нельзя было сказать, что юноша не довольствовался нынешней жизнью. Панта уважали за его способности как ровесники, так и мастера. Но ограничиваться статусом умелого вора, Пантак не собирался. Его учитель и покровитель Лигрил давно стал известен по всему Виленсбашигу за его дерзкие преступления; про одно из них известный тримашлонапский менестрель даже похабную песню сложил. Почему бы не достичь большего, например, прославиться на весь Энхор? Чтобы песня о Пантаке Великолепном звенела на севере, западе, юге и востоке! А как это сделать? Совершить нечто такое, о чем станут говорить в каждом, даже самом дальнем уголке мира — ограбить одну из четырех Белых пирамид. Пант, конечно, боялся Хаоса, истории о том, что творили н'уданы

были знакомы всем. Нынешние последователи черных служителей Великого Саусесана тоже не раз наводили шороху в соседних городах. Но, в конце концов, сама Хашайя давно мертва, тело ее, скорее всего, обратилось в пыль, а душа давно выброшена в первозданный Хаос. Так говорили в народе.

В третий день месяца дубов Пантак приступил к осуществлению дерзкой задумки. Он предупредил Ваншкига, что собрался покутить в одном из многочисленных кабаков, а сам через тайный лаз в городской стене покинул Тримашлонап. Конечно, друга можно было посвятить в план, но Ванш бы сначала попытался отговорить его, а потом, конечно, рассказал бы об этом Лигрилу, чтобы тот образумил своего нерадивого ученика. Поэтому Пантак твердо решил оставить Ваншкига в неведении. Зато как потом будет приятно увидеть изумленное лицо Ванша, когда Пантак вернется с мешком самоцветов. Ох, и загуляют они тогда! На неделю, а то и на две, пусть все поймут, что Пантак не только храбрейший из воров, но и щедрейший.

Ночь за городом приятно пахла травами. Пант шагал неторопливо, наслаждаясь путешествием. Сподручнее было бы взять капита, но в лаз животное не пролезало, а у стражника врат непременно бы возникли вопросы, куда этот на ночь глядя собрался одинокий мальчишка, да еще с мешком за плечами. К лесу широкая дорога не вела, поэтому Пантак свернул с нее. Тримашлонап медленно удалялся, под ногами была сырая после мелкого дождя земля, иногда сменяющаяся островками стекла. Следы энергетических ударов сохранились до сих пор там, где в землю били огонь и молнии, когда н'шасты и н'уданы сражались здесь не на жизнь, а на смерть. Эти стеклянные пятна окружали город со всех сторон, словно замерзшие навечно лужи.

Впереди неспешно вырастал лес, над которым верхняя часть пирамиды в этот час казалась не белой, а черной. Пантак помнил из историй, что раньше вместо леса тут располагался луг, но после постройки гробницы вокруг нее высадили деревья, чтобы затруднить путь к телу Хашайи. Хаоситы несколько раз пытались пробиться к н'удану, но это случилось лишь пару раз в первые годы после последней войны. Подлеска здесь не росло, хвойные высокие стволы поднимались тут словно частокол, оберегающий какой-нибудь поселок от налета. Пант вошел под сень деревьев, сразу же стало тише, запах трав сменился нежным ароматом хвои, а песни вистлов остались позади. Юноша вытащил из ножен кинжал. Не то чтобы Пантак страшился зверей, в этом лесу даже мадиусов не водилось, но с оружием в руке юноша чувствовал себя гораздо спокойнее. Тропы ведущей к пирамиде никогда не было, даже солдаты, ранее стерегущие гробницу, вынужденно добирались до нее напролом.

Пантак шагал по земле, слегка присыпанной уже павшими иголками, вслушиваясь в лес. Он шумел только ветвями, которые раскачивал легкий ветер. Птицы и звери стороной обходили это место, видимо их пугала близость белой громадины.

Юноша вышел к пирамиде внезапно. Вокруг стояла тишина. Пантак подкрался к основанию гробницы и потрогал гранитный блок. Он был гладким и теплым на ощупь. Земля при этом не разверзлась, страшные твари не появились из воздуха, а слуги Хаоса не выбежали с криком с приготовленной засады. Пант усмехнулся, бояться тут нечего. Пирамида была ступенчатой, блоки доходил юноше до шеи, при желании он мог забраться на вершину гробницы и посмотреть на Тримашлонап с высоты птичьего полета. Но пришел-то Пантак сюда не за прекрасным видом сверху. Он зашагал вдоль основания пирамиды, высматривая вход. С собой Пант взял всевозможные отмычки, перед которыми не устоит ни

один замок. Их мастерили по чертежам самого Лигрилла, а он свое дело знал.

Вдруг впереди послышался плач. Пантак резко остановился, подавляя желание убежать в ту же секунду. Что еще за напасть? Плач определенно женский, но откуда ночью у гробницы злобного н'удана взялась женщине, когда не все мужчины осмелятся сюда прийти, пронеслось у юноши в голове. Она сидела прямо на земле, опершись спиной на белый гранит, чуть поодаль от места, где Пант ее услышал. Женщина не замечала юношу, она уткнулась в ладони и продолжала заливаться слезами. Ее богатое с виду платье было порвано, а ноги босы. Вокруг больше ни души. На хаосита она совсем не похожа, на разбойницу тем более. Вот нужно было этой даме заявиться сюда именно этой ночью! Для страданий не очень подходящее местечко. Мало ли что, конечно, с ней стряслось, но теперь все планы летели к проклятому Хаосу!

— С вами все хорошо, месэра? — тихо спросил женщину Пантак. Она вскрикнула, бросила быстрый взгляд на юношу и стала медленно пятиться вдоль камня.

— Не бойтесь. — Вот дурак! Сначала неожиданно явился, напугал, а теперь пытаюсь успокоить. Думать надо было головой, как еще дама могла отреагировать, увидев незнакомца возле Белой пирамиды? Пант растеряно моргал, глядя, как все дальше отползает от него несчастная женщина. Ах, вот оно что! Он же до сих пор сжимал кинжал в руке. Пантак ловким движением спрятал оружие в ножны и вновь обратился к даме в разорванной одежде:

— Месэра, я не причиню вам вреда, поверьте!

— Ты не из его людей? — женщина остановила свой медленный побег.

— Не знаю о ком вы, но я точно не из числа его людей. Меня зовут Пантак. Я, хм, заключил пари, что приду к Белой пирамиде ночью в одиночку. Но как сюда попали вы?

Женщина снова прислонилась к камню, обхватила колени руками и, наконец, ответила:

— Я скрываюсь от... От тех, кто хочет меня убить!

— Убить?! — воскликнул Пант. Да кто вообще может желать смерти это прекрасной женщине? Новая знакомая юноши действительно была чудесна. Даже в темноте он разглядел ее длинные светлые волосы, аккуратное лицо, пусть и с заплаканными глазами, тонкие благородные руки, высокую грудь.

— Да. По приказу брата Наместника!

— Месэра Валкрица? — Вот это дела. Валкриц Октарэгон не походил на доброго человека, но скатиться до убийства женщины? Недостойный брат правителя Тримашлонапа, по-видимому, совсем отвернулся от Порядка, раз удумал такой грех. И почему Наместник не приструнит своего чересчур разгулявшегося младшего братца?

— Ублюдка Валкрица, — прошипела незнакомка. — Любой капит куда больший месэр, чем этот негодяй. Меня зовут Элайдаржа. Любезный родственник нашего Наместника возжелал меня, а ведь я замужем. Моего любимого этим вечером застрелили из арбалета прямо в нашей спальне! Валкриц хотел силой взять меня рядом с бездыханным телом мужа. Мне удалось вырваться из его лап, но погоня не заставила себя ждать. Я кое-как выскользнула из города, правда в тоге совершила ошибку — направила своего капита сюда в лес, забыв, что животные избегают этого места. Капит сбросил меня у самой кромки и удрал. Винить бедного зверя незачем, сама не предусмотрела. Туфли я сняла, чтобы быстрее бежать по земле, преследователи отстали — и вот я здесь. Вы поможете мне, Пантак?

Юноша подошел поближе к Элайдарже и присел на корточки. Женщина с надеждой смотрела на него, и он был просто обязан эту надежду оправдать! К Хаосу сокровища, они

все равно никуда не денутся, никто, кроме него, не осмелится прийти за ними, а бросить в беде бедную Элайдаржу нельзя. Так легко опуститься до низости паршивого Валкрица Октарэгона.

— Что я могу для вас сделать, месэра? Спрятать не сумею, предупреждаю сразу, в городе я живу вместе с другом, а он станет задавать вопросы. Пойдут слухи.

— Нет, в Тримашлонап мне возвращаться нельзя! — ответила она. — Люди Валкрица еще несколько дней будут искать меня в городе, да и вероятно на ближайших дорогах. Я думаю переждать здесь.

— Здесь? — Пантак не поверил ушам. — Да вы что, месэра! Это жуткое место, здесь в этих старых камнях погребено зло.

— Уже сто шесть лет прошло, — сказала Элайдаржа, утирая лицо краем платя. — Зато в это страшное место вряд ли придет еще кто-нибудь. Повезло, что сейчас лето, ночами не так холодно, а дрова для костра я найду тут без труда. Но любой плащ или другая одежда не помешает. И еда, я не ела с тех пор как отужинала с мужем... Пантак, ты сможешь?

— Клянусь своим сердцем! — Пант даже не заметил, как Элайдаржа перешла на ты, но уже чувствовал, что готов на все ради этой женщины.

В эту ночь юноша вернулся в Тримашлонап, пробрался на кухню в один из домов, примыкающих к городской стене, и стащил хлеб, полголовки сыра, кусок копченого мяса да бутылку сладкого вина. Этого хватило Элайдарже на пару дней. Плащ Пант ей отнес собственный, тем более со следующего дела все равно собирался купить новый.

В течение следующих дней Пантак крал деньги на рыночных площадях у зазевавшихся горожан, часть из них он откладывал себе на одежду, а оставшуюся часть тратил на вкуснейшие яства, книги и изящные наряды для своей любимой. Да, шестнадцатилетний вор влюбился в благородную даму старше его, и что? Разве кто-то мог запретить ему слушать сердце? Пант понимал, что Элайдаржа еще горюет по погибшему мужу, времени ведь прошло всего ничего. Но рано или поздно она ответит ему взаимностью, юноше, нет — мужчине, который спас ее, не убоявшись гнева могущественного Валкрица Октарэгона!

Пантак последний раз поглядел на себя в зеркало. Замечательно, мазь стоила своих денег — прыщи, будто по волшебству, исчезли с лица. Пант улыбнулся, поправил кинжал в ножнах и, схватив букет, вышел из дома.

Из города Пантак выбрался по тому же лазу, что в первый раз свел его с Элайдаржой. Стражники Тримашлонапа каждый день проходили мимо тайного воровского пути, не замечая его у себя под носом. Кладка в этом месте ничем не отличалась от других участков стены. Здесь, между двумя домами, стояла старая телега, груженная высохшим сеном, на которую никто не обращал внимания. А вот под ней прятался тщательно замаскированный люк, ведущий в небольшой туннель, который выводил за стену. Лигрил выдал секрет этого хода, когда Пантак доказал, что достоин зваться вором.

Юноша шел к Элайде, перебирая в голове слова. Он до сих пор не объяснил ей, что живет преступлениями, потому что не знал, как любимая отнесется к этому. Они каждый раз беседовали на самые разные темы, но не касались того, чем занимался Пант. В конце концов, Элайдаржа не какая-нибудь нищенка, вдруг она всегда презирала вору? Стоит ли вообще ей говорить про свое неблагородное ремесло? Но в любом случае, они будут вместе, с каждой секундой уверенность Панта в этом только росла.

Зеленый бор встретил мальчика неизменной тишиной. Лес за короткое время из страшного места превратился в уютный сад, где Пантак виделся с женщиной, которая украла

его сердце. Подумать только, умелого вора, иной раз проворачивающего сложные дела, тоже ограбили! Но о такой потере жалеть было бы бессмысленно.

Элайдаржа сидела у костра, который уже не раз разводила возле основания пирамиды, и встала, когда из-под деревьев вышел Пант. Она ахнула, разглядев его наряд. Пантак с улыбкой вручил ей букет и сказал:

— Эти цветы лишь бледная тень, твоей красоты, Элайдаржа!

— О как же это приятно! — воскликнула она и поцеловала юношу в щеку. Пант почувствовал жар от этого легкого прикосновения алых губ. Он должен ей во всем признаться, прямо сейчас, довольно медлить! Иначе позже он испугается.

— Элайдаржа, я люблю тебя с нашей первой встречи, я хочу быть с тобой! Могу только предполагать, ответишь ли ты мне тем же, но кое-что утаивать от тебя я не могу больше. Вся эта прекрасная еда, дорогая одежда, что я приносил тебе...

— Я уже догадалась, что ты вор, Пант, — перебила его любимая и засмеялась. О, этот легкий смех, слаще него юноша ничего не слышал. Песни вистлов в сравнении с ним — настоящая какофония. — И меня это не сильно волнует. Если бы не ты, я бы сгинула здесь от голода, а люди Валкрица могли надругаться надо мной перед тем, как прервать мою жизнь. Я смирилась с гибелью мужа, поэтому тоже полюбила тебя!

Свершилось! У Пантака закружилась голова — Элайдаржа тоже его любит. О чем еще можно мечтать? Теперь им вместе необходимо сбежать далеко, где люди недостойного брата Наместника их никогда не потревожат. Лигрил поймет, почему его ученик скрылся, а Ваншкиг, конечно, простит друга. Может, когда-нибудь они все вместе еще встретятся на перекрестках судьбы. Какая же Элайдаржа красивая! Свет от костра это только подчеркивал.

— Нам нужно уехать отсюда как можно быстрее, — любимая словно читала его мысли, — хотя бы в Грелимарай.

— Дай мне пару дней, я добуду деньги!

— Нет, любимый, — возразила Элайдаржа, взяв Пантака за руку. — Сколько бы ты не украл, нам хватит лишь на первое время. Тем более в Грелимарае у воров свои банды, узнают, что ты не местный, выяснят, что прибыл из Тримашлонапа, а там и Валкриц может напасть на след, понимаешь?

— Понимаю, — сказал Пант, какая же она мудрая, он даже не подумал о таком. — Что же делать?

— Мы с тобой стоим рядом с огромным богатством. — Элайдаржа указала на пирамиду рукой. — Изумруды, топазы, рубины — достаточно на всю жизнь.

— Так это не слухи?

— Да, не слухи. С Хашайей захоронили драгоценности, которыми хаоситы покупали оружие для войны. Мой муж знал об этом, но мы итак не бедствовали. Я нашла вход еще в ту ночь, когда сбежала от убийц. Идем. Возьмем головешки из костра, чтобы осветить нам путь.

Пантак и Элайдаржа быстрым шагом направились туда, где начиналась их дорога к новой счастливой жизни. Небольшая дверь в нише, прорубленной в граните, находилась с другой стороны пирамиды. Пант гадал, как будет ее взламывать, ведь отмычки сегодня он не взял. Но в свете прыгающего пламени через мгновение увидел, что на двери не было ни замка, ни отверстия для ключа. Вот так вот, а он бахвалился, что попадет в гробницу. Как же войти внутрь? Может, потайной механизм?

— Дверь закрыта энергией Порядка, Пант, — сказала Элайдаржа, смотря ему прямо в

глаза.

— Откуда ты знаешь? — удивился юноша.

— Читала в книге, конечно! Открыть ее можно лишь кровью, но я так боюсь пораниться после преследования. Дай мне нож.

— Что ты! Я все сделаю сам. — Пантака ужаснуло, что любимая готова причинить себе боль, лучше он сам.

— Тогда сделай легкий надрез на ладони, а потом приложи ее к двери.

Пант вытащил кинжал и полоснул по руке. Коготь беурга был острее любой бритвы. Кровь сразу же выступила на коже, но боли он почти не почувствовал.

— Ну же! — торопила Элайдаржа.

Юноша тронул камень. Сначала ничего не произошло, а затем, через неуловимый миг, дверь просто исчезла, беззвучно, словно была лишь иллюзией. Энергия!

— За мной. — Любимая первой отважно бросилась во тьму пирамиды, где когда-то захоронили тело прислужницы Хаоса. Элайдаржа не только красивая и умная — ее смелости должны завидовать многие мужчины. Что за счастье любить подобную женщину и быть любимым в ответ!

Внутри гробницы было душно, а тишина закладывала уши. Голые стены, никаких изображений или знаков. Пламя от головешек слегка дрожало. Элайдаржа шла так, будто знала, где лежат сокровища. Скорее всего, ей рассказал муж. Интересно, как он выведет это, если все воры Тримашлонапа так ничего и не выяснили. Узкий коридор закончился ступенями, ступени привели в другой коридор, который тоже уперся в лестницу. Они блуждали по лабиринту, каждый раз немного поднимаясь на очередной уровень пирамиды. Элайдаржа молчала, Пантак полностью доверился ей. Они все шли и шли, и безмолвие стало тяготить юношу. Через некоторое время он все же спросил:

— Долго ли нам еще идти, любимая?

— Уже недолго, — ответила Элайдаржа, — мы пришли. — Она повернулась к Панту, улыбнулась и исчезла вместе с горящей головешкой также быстро и тихо, как дверь в гробницу Хашайи.

— Элайдаржа! — выкрикнул Пантак. Как, как это произошло? Пантак был в замешательстве и даже не сразу заметил, что стоит в полной темноте. Огонь из его руки тоже каким-то образом пропал. Ужас накатил на юношу так, что у него затряслись ноги. Зачем они кинулись за этими драгоценностями! Нельзя шутить с Хаосом, нельзя. Пусть миновало столетие, но зло живет гораздо дольше. Пант обнажил кинжал, глубоко в душе понимая, что против сил Хаоса это не более чем сухая тростинка против стального клинка. Но любимая! Она должна остаться живой.

Пантак левой рукой нащупал гладкую стену коридора, выставил нож перед собой и аккуратно стал продвигаться вперед. Страх неотступно следовал за ним, спина взмокла. Пант сделал шаг, затем следующий. Этот путь во тьме мог оказаться бесконечным. Через несколько секунд его рука скользнула в пустоту, значит, юноша оказался в каком-то внутреннем помещении. Как же здесь темно, хоть чуточку огня. О Порядок, ну хоть немного огня! Эта гнетущая, обволакивающая чернота вокруг убивает.

Внезапно вспыхнул яркий свет. От неожиданности Пантак присел на корточки и прикрыл глаза свободной рукой, измазавшись в собственной крови. Он боялся увидеть перед собой какое-нибудь создание Великого Саусесана или мертвую Элайдаржу.

— Не бойся, мальчик, — раздался громкий женский голос, в котором сочеталась

нежность и похоть. — Я тебя не трону.

Пант отнял руку от лица. Он находился в просторной комнате с белоснежными стенами и низким потолком, на котором были закреплены стеклянные шары, дающие почти дневной свет. Посредине на постаменте стоял саркофаг из того же белого гранита; те, кто строили пирамиду, не отличались фантазией. Из помещения больше не было выхода. Ни Элайдаржи, ни драгоценных камней, ничего, никого. Но ведь Пантак только что слышал голос, не сошел же он с ума от исчезновения любимой! Никто не сходит с ума так стремительно!

— Нет, ты не лишился рассудка, — произнесла женщина. Голос, казалось, шел отовсюду, как будто сами белые стены разговаривали с ним.

— Кто ты? — спросил юноша. Он дрожал, уже догадываясь, с кем говорит.

— Я Хашайя из рода Чеенув. Та, которую прозвали Черной и Предательницей!

Пантак издал истошный вопль. Он захотел бежать, бежать сию же минуту из этого проклятого места, но служительница Хаоса его остановила.

— Побежишь сломя голову — заблудишься. Или ты запомнил все переходы?

— Не запомнил, но найду, как выбраться, позволь мне уйти!

— Если уйдешь — умрет Элайдаржа!

— Отпусти ее, — взмолился Пант. Он выронил нож, упал на колени и зарыдал. Как он смел подумать о побеге, когда его любимая еще томилась в руках опасного н'удана.

— Просто так не могу, — засмеялась Хашайя. Ее смех терзал уши. Разве так смеется женщина? — Ты должен заключить со мной сделку, мальчик, иначе любимой не увидишь.

— Какую? — Что он делает! Пантак! Нельзя поддаваться Хаосу. А бросить Элайду на погибель можно? Это обман, ложь, Хаос всегда лжет! О Порядок!

— Просто коснись своей порезанной ладонью крышки саркофага. Клянусь изначальным Хаосом, что не нарушу условия сделки. Обещаю, что твоя любовь останется жива и невредима, ты скоро ее увидишь, и вы вместе покинете пирамиду.

— Я согласен! — Вот ты и заключил сделку с той, кто продала душу Великому Саусесану. Не для себя, для Элайдаржи, это другое, мне ничего не надо от Хаоса, лишь бы любимая осталась живой. Пант поднялся с колен, подобрал оброненный нож и подбежал к саркофагу. Он замер на мгновение, а потом положил руку на теплый камень.

— А теперь отойди, — приказала Хашайя. Юноша не стал перечить, он хотел как можно быстрее забрать отсюда Элайдаржу и очутиться снаружи. Пантак вернулся к входу в усыпальницу. Кровавый отпечаток его ладони резко контрастировал на белом фоне крышки саркофага. Ничего не происходило. Вдруг кровь почти за миг впиталась в камень, словно он обратился в мягкую ткань, а через считанные секунды крышка треснула и развалилась на две части, которые с грохотом рухнули на пол. Гранит разбился на мелкие кусочки. А следом из своей вековой могилы восстала верная слуга Хаоса.

— О нет, пожалуйста, этого не может быть! — закричал Пантак. Все происходящее казалось дурным сном, от которого нельзя избавиться. Перед ним была Элайдаржа, его любимая. Ее волосы стали темными как ночь, но в остальном она не изменилась. Н'удан слегка расставила в стороны руки и вылетела из саркофага. Она опустилась рядом с Пантом, всего в паре шагов от него. Он хотел отшатнуться, но уперся в стену. Из-за ужаса юноша даже не заметил, что отступать уже некуда. Элайдаржа. Нет, Хашайя из рода Чеенув! Все та же красивая босая женщина в черном шелковом платье. Только глаза ее теперь горели красным пламенем, в них не было больше любви.

— Я обещала, что ты увидишь любимую живой и невредимой? — Хашайя захохотала, и

в этом смехе Пантак слышал дикую ярость. — Я сдержала слово. И, пожалуй, даже сдержу остальные — позволю жить дальше с этой ношей на плечах. Ты в самом деле мне помог, мальчик, а я умею быть благодарной. К тому же, вряд ли ты кому расскажешь, что освободил прислужницу Хаоса, милый. Так что живи.

Хашайя резко схватила Пантака за руку. Его пронзила неистовая боль. Но н'удан все-таки не соврала. Юноша не умер. Они оказались снаружи пирамиды, на том самом месте, где горел костер. Но следов огня, конечно же, Пант не увидел. Все это было лишь иллюзией, как и его любовь к Элайдарже. Хитрые энергетические потоки Хаоса затуманили голову юноши. Уже рассвело. Пантак заметил, что на одном гранитном блоке лежит вся одежда, которую он приносил любимой, рядом — книги. Тут же догнивала еда, скопившаяся за несколько дней, и прямо на глазах вяли цветы. Как же он был слеп все это время, как же он был глуп!

— Спасибо за заботу, мальчик, — поблагодарила Хашайя, ее голос перестал звучать грозно. — Но нам пора прощаться. — н'удан плавно оторвалась от земли и поплыла к вершине пирамиды. Пантак не видел, как она встала там в полный рост, но слышал, как Хашайя выкрикивала незнакомые слова, размахивая руками, пока вдруг не взорвалась снопом красных искр.

Когда Пант вернулся домой, Ваншкиг еще спал, по обыкновению еле слышно похрапывая. Пантак опустился на свою кровать. Он обхватил голову руками и стал тихо-тихо шептать. Что же я наделал. Что же я наделал. О Порядок! Простите меня, если сможете.

Смотреть на себя в другом теле было чертовски странно. Наверное, потому, что такого никогда и не с кем не случается. Я несколько раз моргнул, пытаясь сбросить наваждение, но в зеркале по-прежнему отражался другой человек. Может, я затылком хорошо приложился там в первой пещере? Да, умеешь ты успокаивать, Дима, что-нибудь получше придумай! Выходит, что я не просто переместился из нашего мира в Энхор. Мой разум каким-то образом оказался в голове Аархина Маггорайхена, местного мага. Не знаю, чем это обернется для меня в ближайшем будущем, но такое тело — не самый худший вариант. Я мог очнуться здесь пятилетним мальчишкой или пожилой женщиной, даже не буду гадать, какая из этих альтернатив кошмарнее. А так я выглядел зрелым мужчиной с волевым подбородком, зелеными глазами и ровным носом. Губы, правда, были чересчур тонкими, да брови слегка повеселили пышностью — сам Леонид Ильич Брежнев позавидовал бы. Аархин очевидно следил за физическим состоянием своего тела, я ощупал себя и не нашел ни одной жировой складки, как, впрочем, и огромных мышц; все в меру. Да и вряд ли н'шаст нуждался в большой силе, если владел магическими способностями. В сражении кулака и огненного шара, я сам поставлю на второе. Зачем быть Арнольдом Шварценеггером, когда с помощью мановения руки или волшебной палочки, хрен знает, чем они тут колдуют в Энхоре, ты можешь превратить противника в лягушку? Под конец осмотра любопытство заставило меня оттянуть штаны. Ха-ха! Я мог гордиться, мой рекорд хозяин тела не побил. Только какая от этого польза здесь?

Стоп. Если в этот мир попал только мой разум, что же произошло с моим настоящим телом? Вероятно, я все еще спал на кровати. Что случится, когда меня найдут? Не смогут растолкать? Или я открою глаза, а в них пустота? Твою мать, я живо представил Марину и своих родителей, которые обнаружили, что Дмитрий Ладыженский стал овощем! Зрелище совершенно неприятное, я едва не пустил слезу, а ведь не плакал со школы. Но кое-что я пропустил. Аархин, что с его разумом? Логично, что н'шаст просто-напросто поменялся телами со мной. Час от часу не легче! Начнет еще бродить по Земле и говорить, что явился из параллельного мира. Вспомнить о моем прошлом, естественно, не сможет, а доктора скажут, что пациент натурально свихнулся, да и упекут в психушку. Вот такие пироги! Нужно срочно валить отсюда и не терять драгоценное время.

Я отошел от зеркала. Комната была больше спальни раза в два. Сверху тут также лилось через оконца солнышко Энхора. Шкафы с книгами поставили и здесь; Аархин, скорее всего, перечитал их уже сто лет назад, да не по одному разу. Лучше бы он правильно изучил заклинание перемещения! А то вроде серьезный чародей, последний в своем роде, и допускает столь непростительные ошибки. Дилетант несчастный! Несколько стульев с вычурными спинками, мягкий диван, обитый черным бархатом и длинный деревянный стол довершали обстановку кабинета. Я решил, что дом н'шаста необходимо исследовать тщательнее. С голым торсом выходить наружу было тупо, я ведь понятия не имел, сколько топтать километров до Шантайза. Нужно найти одежду; одного плаща, который оставался в спальне, недостаточно. К тому же в животе уже началось урчание — время завтрака как-то незаметно подобралось.

В итоге я отыскал кухню с гигантской печью, но зажечь ее не смог — ничего напоминающего спички или, на худой конец, огниво не нашлось. Поэтому пришлось

обойтись какой-то лепешкой и куском копченой колбасы, вернее, местным аналогом оной. В принципе, пища не отличалась от земной. Вкусно. Хотя на фоне стресса, я даже ненавистное гороховое пюре сейчас бы слопал, да попросил бы добавки. Затем я зачерпнул из пузатой бочки воды и, основательно утолив жажду, заметил рядом спуск вниз. Деревянная лестница вела в погреб. Там было несколько камер, отличающихся по размеру. В одной из них господин Маггорайхен держал приличную коллекцию вин или, возможно, других напитков, разлитых в глиняные и стеклянные бутылки. В другой камере среди множества кубов льда я заметил висящие на крюках мясные туши, а рядом в соседней хранились овощи с фруктами, причем среди неизвестных мне лежали ящики с прекрасно знакомыми яблоками, морковью и даже картошкой! Интересно, флора на Энхоре очень схожа с нашей, а фауна? Я бы предпочел встретить тут привычных зверей, чем пауков-переростков или летающих зубастых ртов! Хотя лучше вообще никого не встречать, а сразу вернуться домой... Ага, еще можно крылья пожелать в придачу, вон они уже за спиной появились.

Потом наверху я наткнулся на помещение с массивной каменной ванной и отхожим местом, не забыв этим самым местом воспользоваться. На полу там стоял ковш, скорее всего, предназначенный для подмывания. Господи, слово-то какое — подмывание! Обхохочешься. Туалетной бумаги Энхор, видимо, еще не знал, хотя в равной степени, это могла быть особенность исключительно Аархина Маггорайхена. Он что — мусульманин? Не смешно, Дима, ой как не смешно.

Последней комнатой в доме н'шаста оказался гардероб: ни лаборатории для занятий алхимии, ни хранилища волшебных предметов, ни закутка для вивисекции. Скучно! Зато в гардеробе можно было разгуляться: тут тебе и рубашки всех цветов и оттенков, и штаны, и обувь. Материалы, из которых шили местные вещи, различались: я нашел и кожу, и шерсть, и хлопок, и шелк. Энхор достиг за три тысячи двадцать два года уровня позднего Земного средневековья, ну, по крайней мере, в производстве одежды. Неплохо.

Облачившись в серую рубаху, я захватил на всякий пожарный легкий плащ на застежке в форме кулака. На кухне набрал воды на дорогу в найденную пустую бутылку, которую привязал к поясу, и направился к выходу из уютной пещеры н'шаста. Туннель, ведущий наружу, был широким, уже из кабинета я мог видеть голубое небо впереди. И когда я очутился вне дома Аархина, со мной произошел туристический шок.

Я стоял на каменной площадке где-то на высоте метров ста. Жилище мага находилось в вершине скалы, представляющей собой часть низкой горной гряды, которая расплзлась полосой далеко вправо и влево от меня. Склоны, слава богу, оказались не отвесными, значит, спуститься вниз отсюда можно. Солнце, как две капли воды похожее на звезду, дающую свет и тепло планете Земля, ярко горело на небе в одиночестве — облака полностью отсутствовали. Чуть впереди виднелась узкая полоса сверкающей реки, через которую был перекинут деревянный мост. За мостом располагалась каменистая местность, а ее в свою очередь прижимал к реке лиственный лес. Мне бы сейчас фотоаппарат в руки, чтобы запечатлеть всю невероятную красоту, представшую моим глазам. Вот удивилась бы Марина, увидев эти снимки! Ну что за глупости, Дима, сказал я себе. Какой, на хрен, фотоаппарат! Мечтатель хренов. Все, что тебе сейчас нужно — это дойти до того места чуть дальше леса. Отсюда я видел Шантайз, город, где рассчитывал получить помощь или хоть какую-нибудь информацию о том, как поменяться телами с Аархином обратно.

Пройдя чуть вперед, я обнаружил, что путь вниз проблем абсолютно не доставит. Даже на пологом склоне гор есть вероятность оступиться и сломать шею. А еще случайный камень

нет-нет, да внезапно сорвется, догонит, когда его совсем не ждешь, и вышибет мозги. Я-то сам альпинистским делом не интересовался, но мои друзья ездили на Эльбрус, поэтому наслушались подобных неприятных историй на инструктажах. Мне же сегодня повезло. Кто-то вырубил в скале широкие ступени, которые заботливо вели на землю. Что если это работа гномов? Я до сих пор не задумывался, что в Энхоре вполне могли сосуществовать несколько народов. Люди точно есть, ведь я нахожусь в теле человека. Вдруг в Шантайзе мне встретятся гномы, эльфы, карлики, кобольды, орки, кентавры, полурослики, драконы? Боже, сколько разнообразных выдуманных существ я знаю.

Я начал спуск. Было тепло, поэтому плащ я нес на плече. Тело Аархина подчинялось мне без осложнений. Оно ощущалось моим собственным, пока я не начинал присматриваться. Вот иду, вроде машу своими руками, а нет — они чужие, как и ноги, и все остальное. Так же ли себя чувствует сейчас н'шаст? Проснулся ли он уже? По идее, Аархин тоже должен ошалеть, когда поймет, что заклинание сработало наперекосяк. Увидит компьютер, автомобили на улице, электрическую плиту на кухне, туалетную бумагу. Запаникует. Хотя господин Маггорайхен не так прост, все-таки волшебник, гуру магической энергии. Его мудрости может хватить, чтобы не запаниковать, как я.

Ни падающие камни, ни чудовища не побеспокоили меня на вырубленной лестнице. Я бодро зашагал к реке. Незаметно для себя вдруг стал насвистывать какую-то мелодию. Поистине человек существо приспособляющееся! Всего пару часов в другом мире, а уже веду себя, как ни в чем не бывало, точно на прогулку вечернюю вышел в парк возле дома. Нет, это конечно, лучше, чем бежать, куда глаза глядят, истерично вопя при этом. Но мое спокойствие удивляло, появился повод для гордости. Был бы другим человеком, возможно, свернулся бы калачиком на кровати Маггорайхена и скулил.

Шантайз. Что ожидает меня там? Со скалы я лишь рассмотрел крепостную стену, да постройки которые она окружала. Высоких зданий не было, я не заметил ничего похожего на королевский замок, магическую башню или храм местных богов. Дойти до города легко — всего-то пересечь реку через мост и миновать дремучую с виду лесополосу. А вот потом возникнут сложности. Где искать Крамди Палстарника? Даже если в Шантайзе населения всего тысяча человек, то не обязательно его знает каждый житель. Тем более я в теле н'шаста, который в городе бывал, наверное, тысячу раз. Мои вопросы вызовут подозрения. Было бы странно, если бы я спрашивал у своих друзей, где найти дом Марины. Твою мать, Дима! Только хвастался спокойствием, а теперь снова здорово. Да, как-то упустил я этот момент, но не возвращаться же назад в пещеру? Что-нибудь придумаю, симпровизирую. Язык до Киева доведет, так почему бы ему не довести меня до дяди Палстарника?

Мост через реку был срублен из дерева и выкрашен в зеленый цвет. Он держался на нескольких опорах, уходящих в воду. Река бежала быстро, лаская своим шумом уши и наполняя воздух свежестью. Захотелось поплавать! Я подошел к краю моста и посмотрел вниз. Вода поражала прозрачностью, я даже разглядел пару рыбин, играющих в глубине. Но плавание пришлось отложить до лучших времен, я еще не совсем чокнулся, чтобы нырять в первую попавшуюся реку в Энхоре. Мало ли. Вдруг эти рыбы хищные, возьмут, да и сожрут меня вместе с косточками, а мне еще домой обратный билет получать.

Ширина реки в этом месте составляла не более шестидесяти метров. Сойдя с моста, я оглянулся, чтобы оценить результат начального этапа моего похода. Горная гряда отсюда казалась застывшей колоссальной волной, готовой вот-вот обрушиться на меня. Красиво и

захватывающе. Еще один отличный кадр для воображаемого фотоаппарата. Тут сзади раздалось что-то вроде птичьего гомона. Я обернулся и увидел, как из леса выпорхнула туча крылатых созданий. Это были обыкновенные птицы; я, конечно, орнитологией не занимался, но никаких аномалий в этой стае не нашел. Они немного покружили над одной точкой, а потом дружно полетели в сторону города. Что ж, мои мысли, что фауна Энхора не особо отличается от земной, оправдывались. И радость от этого приободрила меня.

Я направился к лесу по каменистому берегу. Путь сюда занял от силы минут тридцать, хотя без часов на руке или мобильного телефона в кармане сложно ориентироваться во времени. На нашу годовщину Марина подарила мне замечательные часы, с которыми я с тех пор не расставался. Было бы приятно, если бы они переместились в Энхор вместе со мной. Вернусь на Землю — вообще их снимать с руки не стану, даже спать с ними буду.

Деревья леса образовывали густую крону. Я разглядел среди них дубы, ясени и липы. Хм, да по таким лесам я гулял, главное, чтобы тут поменьше хищников водилось. Хотя вон среди деревьев мелькнула тропа, значит, люди здесь ходят, не опасаясь нападения. Слава богу.

Я добрался до леса, сделал плоток воды и двинулся по тропе. Солнце здесь почти не доставало до земли, я словно окунулся в густые сумерки. Дорожка чуть петляла, кое-где бугрилась корнями деревьев, приходилось внимательно смотреть под ноги. Так и вывихнуть лодыжку немудрено, либо вообще сломать, что было мне сейчас ни к чему. Во-первых, до города пришлось бы уже ползти, а во-вторых, я намеревался отдать тело Аархину в сохранности, надеясь, что мне он ответит тем же. Внезапно послышался какой-то необычный звук. Я замер, холодея от страха. Звук стремительно приближался. Так-так, рано радовался, Дима. Я повернул голову влево, пытаюсь отыскать источник того, что меня напугало, среди пышных кустов и толстых стволов, но тщетно.

Когда эти мохнатые шарики выскочили прямо на меня, я не сдержал крика. Часть из них благополучно облетела мое нынешнее тело, другие же ударились в грудь и свалились на землю. Я успел лишь чуть рассмотреть этих маленьких существ, покрытых густой шерстью, прежде, чем они то ли с жужжанием, то ли с сопением поднялись в воздух. Через мгновение они скрылись в противоположной стороне леса. Вот это приколы! Что это за носящиеся шарики? Насекомые или вообще совершенно чуждые земным видам представители местного животного мира? От размышлений об энхорской фауне меня оторвал очередной шум, который раздался с того же края тропы, откуда явились эти малыши. Я аккуратно сошел с дороги, проклиная себя за любопытство, протиснулся через куст и увидел это.

Чуть поодаль на лесном склоне стояла большущая тварь. Судя по тому, что земля вокруг нее была взрылена, мох раскинут в разные стороны, а ее коричневая шерсть всклоочена, тварь эта только что бесновалась. Мохнатые шарики налетели на меня не просто так, их спугнуло существо, которое не укладывалось в моем воображении. Птицы, которых я видел еще до того, как войти в лес, наверное, также спасались от... не знаю, как называется это чудовище в Энхоре.

Больше всего тварь походила на медведя, если бы не некоторые особенности. Чудовище обладало тремя парами лап. Это настолько выглядело неестественным, что я специально пересчитал пару раз, удостоверившись — это не оптический обман зрения. На Земле зверей с таким количеством конечностей я не припомнил. Страшилище поднялось на задние лапы и стало бить четыремя оставшимися по стволу векового дуба. Невероятно длинные когти срывали с дерева кору с такой легкостью, будто это была бумага. Тварь не редела, лишь

издавала звуки похожие на фырканье. Особенности строения диковинного чудовища на этом не заканчивались. Голову шестилапого медведя украшали два гнутых остроконечных рога черного цвета. Такими рогами и каменную стену, наверняка, легко прошибить, чего уж говорить про податливое человеческое тело. Я вдоволь налюбовался чудо-зверем и понял, что пора выбираться, пока он не унюхал на своей поляне случайного гостя. Только куда? Обратно в пещеру или в Шантайз? Бежать вообще сейчас нельзя, тварь услышит, и пиши пропало! А ведь до города еще далеко. Блин, что за подстава, попробую вернуться в дом Аархина, решил я. Отсижусь там день, за это время рогатый медведь должен уйти от тропы, путь освободится и вуаля, как говорят французы. Или нет? Я сделал шаг назад, когда чудовище вдруг резко повернулось ко мне. Ой, как нехорошо.

Тварь так бешено взревела, что у меня аж уши заложило. Как назло, ноги словно вросли в землю, Дима соберись! Чудовище одним махом повалило стоящую рядом липу, и оцепенение, наконец, спало. Я рванул, что есть мочи, к тропе через кусты. От такого монстра на дереве не отсидишься, он либо сломает его, либо заберется наверх с помощью своих адских когтей. Убежать хотя бы был шанс, маленький, но был! Плащ слетел с плеча, но о столь малой потере жалеть некогда, в конце концов, у господина Маггорайхена в гардеробе нетрудно еще взять, а жизнь у меня одна. И закончить я ее хочу дома, нянча своих многочисленных внуков, а то и правнуков.

Тяжелые удары о землю и треск ломающихся деревьев, оповестили меня о том, что рогатая тварь вынырнула на тропу. Я оглянулся, не сбавляя хода. Мчащаяся коричневая туша догоняла меня. Я увидел, как раскрылась ее пасть, полная жуткого вида острых зубов, и в тот же момент тварь прыгнула. Мне оставалось только упасть. Я бросился на землю, едва не ударившись головой о торчащий корень. Ага, самое то — вырубиться сейчас и никогда не очнуться больше. Энхорский медведь пролетел надо мной так близко, что я даже успел почувствовать его вонючий запах. Не теряя времени, я вскочил на ноги, но тварь уже приземлилась на лапы, развернулась и перекрыла дорогу. За огромной тушей я видел выход из леса, а как туда попасть, теперь не представлял. Фауна не отличается от земной, да, Дима? Был, конечно, еще один путь — пробежать несколько метров через заросли, которые замедлят это дикое животное, дальше к мосту, потом к пещерам. Но есть еще немало важная проблема — до гор-то полчаса пути, сил постоянно бежать не найдется. Спасти в реке? Рогатый медведь встал на задние лапы, растопырив средние и верхние в стороны, и вновь заревел. Его рык пробирал до костей. Знаю, что хочешь полакомиться мной, вонючий мохнач, получай! Я, хорошенько размахнувшись, швырнул бутылку с водой прямо в морду этой твари и кинулся в чащу.

Я бежал, лавируя среди деревьев, словно корабль среди слегка торчащих подводных скал, слыша как чудовище, оправившись от неожиданного удара по голове, продолжило погоню. Вскоре под моими ногами захрустел камень. К мосту, быстрее, командовал я себе. Тварь тоже выбежала из леса, расстояние, которое я выиграл, стало живо уменьшаться. Наверное, сверху наше противостояние смотрелось впечатляюще. Одиноким безоружным человек и гигантский хищный зверь. Такая сцена достойна голливудского блокбастера. Пусть меня играет сам Леонардо ди Каприо, а рогатого шестилапого монстра Энди Серкис. Господи, какие только идиотские мысли не приходят в голову перед скорой смертью!

Я достиг моста, добежал где-то до середины, но позади сразу же раздался скрежет когтей по дереву. Я остановился у края и повернулся к зверю. Либо сейчас ему докажу, что человек действительно вершина эволюции, либо поселюсь ненадолго в явно вместительном

желудке этого страшилища. Рогатый монстр не стал выдерживать паузу и прыгнул в очередной раз на меня.

Если бы я сплоховал, то лесная тварь свалилась бы в воду со мной, но реакция не подвела. Я как футбольный вратарь прыгнул влево вдоль края моста, а мохнатая коричневая туша с ревом полетела в реку. Бок я достаточно сильно ушиб, ударившись о доски, но это была радостная боль, я жив и это главное. Когда я обернулся к воде, течение уже отнесло шестилапое существо подальше от меня, но расслабляться, естественно, не стоило. Я не знал, умеет ли энхорский медведь плавать. Вдруг он без труда выберется на берег чуть ниже по течению, а других мест для спасения в округе по моим наблюдениям не отыскать. Я снова побежал, будто заправский кенийский спортсмен. Русский Хусейн Болт, или как его там. И откуда во мне столько сил? Второе дыхание, что ли, пришло?

Перевел дух я только тогда, когда добрался до лестницы в скале. Сердце неистово колотилось, пытаюсь выбраться через грудную клетку, рубашка насквозь промокла, колело в бок. Думать пока ни о чем не хотелось, надо было полежать. Где-то вдалеке раздался чудовищный рев. О нет, преследователь вернулся, да так скоро. Рогатая тварь бешено неслась ко мне от реки. Что ж тебе от меня надо, отвязалась бы уже, наловила рыбы! Я через усталость помчался вверх по ступеням. И пока я прыгал, как сайгак, меня поразила запоздавшая мысль — в доме Аархина Маггорайхена нет дверей! Нигде: ни на входе, ни между комнат. Загоню себя в ловушку... Эй, Дима, не забывай про погреб! Точно, вот туда ретивому медведю-мутанту не забраться.

Когда я очутился на площадке, с которой начал путь в Шантайз, тварь была уже совсем рядом. Я вбежал в туннель и вдруг услышал сильный удар. Коричневая туша распласталась перед входом в полной растерянности, если животные, конечно, способны ее испытывать. Что тут, интересно, произошло? Тварь заголосила и снова прыгнула, но опять наткнулась на невидимый барьер. Ее отшвырнуло во второй раз. Вот те на, кажется, я только что имел счастье увидеть магию Энхора в действии. Теперь понятно, почему Аархин не пользовался дверьми, зачем ему они, когда даже такое мощное создание энхорской природы бессильно войти в жилище н'шаста.

Чудовище ревели от безысходности, ведь желанная добыча ускользнула. Я подошел чуть ближе к рогатому и сказал:

— Ты неудачник, пацан! Не сумел отведать попаданца. — В ответ зверь заскулил, будто понял, что я пытался до него донести.

— Проваливай отсюда, — добавил я, но тварь лишь стала ходить кругами по каменной площадке. Неужели надеется, что магическая преграда исчезнет или что я сглуплю и выйду ее погладить? Ищи дурака в другом месте, скотина.

То, что зверь не уходил, меня пока не заботило. Долго он все равно здесь не просидит, голод погонит дальше, а в доме Аархина есть все необходимое, чтобы ждать: вода, еда, постель. От недоедания я не умру, ну потеряю пару дней, зато проживу столько, сколько захочу, не превратившись в корм для дикого животного из этого гостеприимного мира. Оставив мохнача нести дежурство, я скинул пропитанную потом одежду и в чем мать родила направился в комнату с ванной. К сожалению, разобраться, как ей пользоваться, не вышло. Дикари, что сказать, до сих пор не додумались изобрести смесители. Пришлось слегка обмыться с помощью воды из кухонной бочки.

Я упал на кровать, чувствуя, как еще гудят ноги. Отличное приключение получилось, да только лучше бя на такое в кино поглядел или в книжке прочитал. Это экстремальное

энхорское сафари чуть не сделало меня мертвецом. Когда я вернусь домой, поверит ли Марина в мой рассказ? Думаю, посмеется, скажет, что у меня большая фантазия. Друзья объяснят, что просто приснился слишком яркий сон. Я до сих пор хотел, чтобы все это было сном, но во сне не болят ноги!

Дебютная вылазка в Шантайз закончилась не в мою пользу, что ж, надо напиться. Я спустился в погреб, где наугад взял глиняную бутылку. Кое-как выбил пробку, понюхал. Сидр! Ей-богу, сидр! Обожаю этот напиток. Я сделал глоток — вкуснотища, как минимум пару таких бутылок захотелось уговорить на месте.

Захватив алкогольный напиток с собой, я снова расположился на мягкой кровати н'шаста. Если в итоге заблую ее, пускай господин Маггорайхен не обижается. В следующий раз пусть переносит свой разум в тело спецназовца, тот и медведя поборет голыми руками, и вообще. Я залпом, ни на секунду не отрываясь, выпил первую бутылку. Ого, как я могу, не знал. Поистине безграничны возможности человеческого организма. Пустую тару хотелось швырнуть в стену, да так, чтобы она разлетелась осколками на всю спальню, но я одернул себя. Глупая затея. Злость полностью унять все равно не выйдет, а в гостях надо хулиганить в меру! Лучше выпью еще за здоровье всех добрых жителей Энхора, за Порядок, за Хаос, за все что угодно. Лишь бы увидеть дом. Лишь бы вернуться к Марине, родителям, друзьям и своей работе. И никаких больше рогатых шестилапых медведей.

Такой боли она давно не испытывала. Стон сорвался с губ против ее воли, по щекам побежали теплые слезы. Когда, когда она видела свои слезы в последний раз? Может быть, в тот день, когда ее забрали на обучение из родительского дома? Нет, она плакала позже и не раз. Вспомнила! Это было после того, как Источник отметил ее. Два символа Порядка обожгли ладони со страшной силой, а запах собственной паленой кожи преследовал после целую неделю. Ее слезы видели и другие люди, поэтому она поклялась, что никогда и никому не даст больше повода обвинить ее в слабости. Никогда и никому!

Хашайя попробовала встать, но тело вновь отозвалось пронзающей болью. Великий Хаос, она знала, что после стольких лет в заточении силы обязательно уменьшатся, но чтобы так... Главное, перемещение сработало, Хашайя оказалась там, где надо — в забытой людьми долине Черных болот. Здесь жутко пахло серой, а со всех сторон доносилось отвратительное хлюпанье гибельной трясины. Шайя сидела на небольшом участке твердой поверхности в полной безопасности — в этом забытом Порядком месте не водилось никаких болотных тварей, впрочем, тут отсутствовали даже обычные насекомые. Хашайя видела отсюда Тайное Древо, но до него нужно еще добраться. Если бы силы не иссякли, она бы спокойно перелетела через дурно пахнущую жижу. Теперь же ей придется рисковать, высматривать надежные кочки, чтобы пересечь эту зыбкую поверхность. Пролежать больше века в собственной могиле и умереть, освободившись, на болоте, что может быть смешнее? Конечно, Каеска рядом, но, видимо, сука не пошевелит пальцем, чтобы помочь. Разве что дождется, пока Хашайю засосет по шею, и тогда выручит, насладившись позором своей боевой подруги всласть. Ничего, придет время, и месть будет подана к столу Каи. Сначала ее надо отблагодарить за то, что посодействовала в побеге из Белой пирамиды, и выяснить, каким образом Каеска выжила, когда Хашайя лично присутствовала при ее гибели. Она до сих пор помнила все до малейшей детали.

Хашайя сражалась с Мальбзаром, а Каеска с Ритайлиной. К тому времени они уже разнесли пол торгового квартала в Зирре, погубив в огне не только здания, но и множество невинных горожан. Мальбзар был хорош, но Хаос отлично подпитывал Хашайю, и она одерживала победу. Н'шаст мечом срубал головы обезумевшим людям, которые словно стая голодных тиргезов набрасывались на него; одновременно он успевал отражать энергетические атаки, нацеленные в его сторону. Одежда Мальбзара вся обагрилась кровью тех несчастных, которых потоки Хашайи обратили в диких зверей, движимых только одним инстинктом — пожирать. Лицо молодого н'шаста прекрасно отображало чувство, разрывающее его душу. Мальбзару было больно убивать этих людей, но он знал, что те, кто подвергся воздействию энергии, не остановятся, пока не утолят голод или не погибнет н'удан, контролирующий их. А добраться до Хашайи Мальбзар не мог, слишком плотно сбились в кучу нападавшие.

Рядом в вышине в смертельном вихре крутились Ритайлина и Каеска. Они били друг друга молниями, огнем, пытались обездвижить противника воздушными капканами, но тщетно. Бой шел на равных. Хашайя уже тогда поняла, что если они с подругой не одолеют служителей Порядка в ближайшие минуты, Аархин сумеет выбраться из ловушки и помочь своим. Хаос подсказал, что делать дальше. Шайя прекратила закидывать н'шаста пучками чистой энергии. Она натравила на него еще одну группу обезумевших, собрав всех не

успевших спрятаться к этому моменту. Дети, женщины, мужчины, старики и старухи с дикими криками бросались на воина с мечом. Мальбзар убил одного сумасшедшего, второго, третьего. Вот сейчас, сейчас, пора! Хашайя ударила потоком ржавчины в занесенный над головой клинок. Сталь в то же мгновение осыпалась трухой. Мальбзар удивленно посмотрел в ее сторону, он не ожидал такого, а стоило. Хаос способен на что угодно, на нечестный бой тем более. В тот же миг н'шаста накрыло волной вопящих людей. Над этой шевелящейся кучей взлетела оторванная рука, сжимающая меч, но надо отдать должное, Мальбзар не издал даже тихого стога.

Хашайя отогнала озверевших жителей Зирры от тела заклятого врага и вернула им разум. Многие из этих невольных участников битвы между Хаосом и Порядком сойдут с ума по-настоящему, когда осознают, что натворили. И поделом, когда бьются н'уданы и н'шасты, только глупцы остаются рядом, умные прячутся подальше. Лишившись руки, половины лица и нескольких кусков мяса по всему телу, Мальбзар представлял собой жалкой зрелище. Красивый мужчина, покоровший не одно женское сердце, исчез, ему на замену пришел уродливый калека. Хашайя склонилась над поверженным н'шастом, чтобы подарить последнюю милость. Хаос умел уважать достойных воинов с другой стороны. Мальбзар посмотрел на нее уцелевшим глазом, кое-как разлепил обгрызенные губы и произнес:

— Еще не поздно, Шайя, отринь Хаос, изгони его из своего сердца, пожалуйста. Вспомни, кем ты должна быть.

— Я знаю, кем я должна быть. — Надо же, Мальбзар все еще надеялся вернуть ее под крыло Порядка. Израненный н'шаст, видимо, забыл, что к Хаосу Хашайя пришла по своему желанию, не собираясь возвращаться. Да и можно ли сменить служение второй раз? Вряд ли. Тибор никогда бы не принял предателей.

— И кем? Кем ты должна быть? Той, кто превращает детей в людоедов? — спросил еле слышно Мальбзар.

— Не твое дело, н'шаст, — ответила Хашайя. Зачем она стала его слушать, добила бы сразу, что за сентиментальность?

— Тогда убей меня, принеси меня в жертву Великому Саусесану, отдай очередную светлую душу любимому тобой Хаосу. — Мальбзар даже сумел изобразить что-то отдаленно похожее на улыбку при этих словах.

— С превеликим удовольствием. — Шайя воткнула клинок точно в сердце врага. Энхор лишился одного хранителя Порядка. Пора было помочь Кае, но тут Хашайя поняла, что Мальбзар не просто так заговорил с ней. Пока она тут болтала по душам вместо того, чтобы вдвоем с подругой уничтожить оставшегося врага, Ритайлина смогла пленить Каеску. Ублюдок н'шаст выиграл для своей напарницы время.

Ритайлина держала Каеску в энергетических тисках. Одежда Каи изорвалась, ее меч бесполезной железкой валялся рядом.

— Сдавайся, Шайя, — спокойным голосом сказала н'шаст. — Я чувствую, что Аархин уже приближается сюда.

Хашайя была в замешательстве. С Каей они на самом деле не дружили, лишь изображали дружбу, в том числе для самих себя. Поэтому бросить ее и сбежать казалось хорошей идеей. Но оставлять Каеску живой в руках н'шастов опасно. Она могла многое рассказать, например, выдать тайное убежище н'уданов в Черных болотах. Убить Каю рука не поднималась, надо было найти другой выход, но какой? В любой момент мог появиться Маггорайхен, а Ритайлина даже не ранена, одолеть ее за короткое время не вышло бы. По-

хорошему, Каеска должна была сама себя прикончить, но Хранительница Порядка плотно ее держала, тут даже пальцем не шевельнуть.

— Мальб жив? — спросила Ритайлина. Это дура, похоже, не видела блестящую победу Хашайи. Много потеряла.

— Нет, я убила его.

— Хаос совсем лишил тебя человечности, Шайя. Помнится, в юности Мальбзар тебе нравился, ты чуть не влюбилась в него.

— Дела давно минувших лет, преданья старины далекой, Рита. Пора забыть о них и ждать дней, которые пройдут под знаком Хаоса.

— Твой ненаглядный Великий Саусесан выпьет и тебя досуха, неужели ты надеешься, что если Порядок рухнет окончательно, тебя оставят в живых?

— Бедная Ритайлина, — ответила Хашайя. — Ты совсем ничего не понимаешь.

— Кое-что понимаю. — Рита улыбнулась, да так, что в ту секунду ей хотелось дать обыкновенной пощечины. — Энхор утратил сегодня частичку Порядка. Пожалуй, мне нужно выступить в роли уравнилителя мировых весов.

Каеска отмалчивалась весь разговор, пока до нее не дошло, что собралась сделать Ритайлина. Кая пронзительно закричала:

— Не надо, остановись! — но н'шаст уже приняла окончательное решение, совсем не типичное для Хранителя Порядка. Хотя сама Хашайя поступила бы также, если бы потеряла настоящего друга. Ритайлина сдавила тиски. Энергетические пути смяли тело н'удана, Каеска страшно захрипела, затрещали кости, изо рта и ушей хлынула кровь. Затем Рита отшвырнула изуродованные останки в обломки какого-то склада, где Кая осталась лежать сломанной куклой. Навсегда, как посчитала тогда Шайя. Она и не думала теперь вступать в бой с Ритайлиной, тем более что уже сама чуяла близость Аархина. Хашайя переместилась в другое место, и тогда это не вызвало таких невыносимых мучений, как сейчас спустя век.

Дела давно минувших лет, преданья старины далекой. Хашайя хмыкнула, ну надо же было такое брякнуть. Откуда эта присказка вообще взялась? Боль притихла, хотя в голове продолжало стучать. Шайя, наконец, встала, оглядела хлюпающую местность, которую не видела столько времени. Серое небо у горизонта соединялось с серой землей, повсюду покрытой здесь серыми озерцами мутной воды. Какой дурак назвал этот уголок Энхора Черными болотами? Видимо, который в эти края не забредал, а это говорило о том, что дураком он был все-таки не полным.

Хашайя сошла с твердой поверхности. Ноги по щиколотку погрузились в пахучую жижу, заставив передернуться от нахлынувшего отвращения. В народе полагали, что н'уданы моются в таких местах. Да, а еще не спят ночами, едят человеческую плоть, спят с детьми и так далее. Хотя некоторые служители Хаоса иногда баловались подобными делами, что правда, то правда, но Шайя таких презирала.

Она аккуратно продвигалась вперед, тщательно проверяя куда ступать. Тайное Древо маячило прямо по курсу. Вот оно на самом деле было черным, точно крыло ворона. На многие мили вокруг этот будто сгоревший ствол единственный возвышался над болотами, раскинув сухие ветви, похожие на длинные щупальца подводной твари. Ни люди, ни звери, ни птицы, ни насекомые, никто не выживал здесь. Когда-то Хашайя принесла сюда с собой рыжую кошку, которая сдохла до того, как попала в убежище.

Подол платья полностью перепачкался, когда Шайя доковыляла до твердой земли. Маленькая, а все же неприятность. Осталось потерпеть совсем немного. Тайное Древо

ничуть не изменилось за сто шесть лет. Оно мрачным столбом отмечало убежище н'уданов уже почти восемь веков с тех пор, как старая крепость Хаоса была окончательно разрушена. Дерево сотворил могущественный Йожадим, возглавлявший н'уданов на протяжении нескольких столетий. Круглый металлический шар-ключ чернел на своем месте; холодный словно, лед из сердца гор, тяжелый, словно принесенная клятва на крови. Он служил дополнительной гарантией, что никто, кроме верных людей Хаоса, не проникнет в убежище. Любой человек, коснувшийся этого предмета, лишился бы жизни. А руки н'шаста в тот же момент сгнули бы в погибельном пламени. Теоретически, служитель Порядка, обхватив входящего в убежище н'удана, мог попасть внутрь. Но тогда бы ему пришлось очень не сладко — медленная смерть от удушья настигла бы смельчака. Хашайя подняла шар, на что тело отозвалось новым приступом боли. Стиснув зубы, она подошла к мертвому дереву, развернулась, отсчитала шесть шагов, снова развернулась и с размаху вонзила ключ в грунт перед ней. Раздался громкий удар колокола, и Шайю словно всосало в землю.

Она очутилась в просторной комнате, освещенной десятками вытянутых свечей. Здесь все осталось так, как было в последний раз. Не верилось, что столько лет минуло с тех времен. Символы Хаоса обильно усеивали стены, а на полу лежал мягкий красный ковер. Чувствовать его ворсинки босыми ногами было приятнее, чем хлюпающую поверхность болот. Хашайя направилась к широкой каменной лестнице, которая вела в большой зал, оставляя мокрые следы за собой. Ступеней, помнилось ей, было двадцать шесть. Память не подвела.

Зал внушал, как оказалось, ее до сих пор. С огромного сводчатого потолка на нее смотрел Великий Саусесан, подсвеченный летучим огнем. Хашайя упала на колени. Нельзя просто так войти в убежище и не почтить своего властелина. Разноцветная мозаика поражала великолепностью, но вряд ли кто-то кроме н'уданов и рядовых хаоситов мог по достоинству оценить это произведение искусства. От западной стены до восточной было около семидесяти шагов. От главного входа до колоссального мраморного камина в дальнем конце большого зала — около ста. Гранитные цилиндрические колонны, расположенные вдоль боковых стен, сверкали сонмом драгоценных камней, которых хватило бы на покупку пары крупных городов. В центре зала, где обычно царилась тень, так как свет от летучего огня и камина не достигал этого места, стояла невысокая женская фигура.

— Приветствую тебя, подруга, — сказала Хашайя, поднимаясь с колен. Эхо разнесло ее голос по всему залу. Каеска почему-то не отвечала. Хочет еще посмеяться надо мной, не выйдет.

— Благодарю тебя за.. — Шайя осеклась на полуслове. Женщина, скрывающаяся до сих пор в тени, не была Каеской. — О Великий Хаос! Ритайлина?!

— Долго же ты узнавала старого врага. — Это она, Рита, несомненно. Но как? Ни один н'шаст не проникал в Тайное убежище за всю историю его существования. Проклятье, где же Кая, сил на бой взять неоткуда, Хашайя и свечи сейчас не зажжет, а перед ней один из самых могущественных н'шастов. Что за судьба — вернуться после века заточения и погибнуть от руки той, которая в это заточение тебя и отправила.

— Не бойся, Шайя, — произнесла Ритайлина, выходя из тени. На ней было изумрудного цвета платье до пола, подол которого украсили причудливой вышивкой. Достаточно большой вырез подчеркивал пышность Ритиной груди. Она подошла к Хашайе на расстояние вытянутой руки. Все те же зеленые глаза, пухлые губы, маленький нос и ямочка на подбородке. Потока, готового отнять жизнь, Ритайлина не держала наготове.

— Чего ты медлишь? — спросила Шайя. — Ты хотела моей смерти еще сто лет назад, так действуй, не то я сломаю твою тощую шею без магии.

— Какая ты непостоянная, дорогая, — сказала н'шаст и засмеялась. — То зовешь меня подругой, то вдруг просишь лишить тебя жизни.

— Ты с ума сошла?! Что ты несешь!

— О, нет, я в здравом уме, но кое-что изменилось, пока ты пребывала в неведении. — С этими словами Ритайлина подняла руки и продемонстрировала ладони. Хашайя ахнула. Вместо двух восьмиконечных звезд она увидела множество линий, преломленных под разными углами. Это немыслимо, но глаза не обманывали. Символы Хаоса на ладонях Ритайлина Чисхарганы! Именно поэтому тайная обитель не лишала эту зеленоглазую жизни. Она была н'уданом.

— Удивлена? — Рита опустила руки.

— Еще бы! — ответила Шайя. С ее ладоней Звезды Порядка не исчезли, она лишь нанесла шрамы поверх них в виде Клубка Хаоса осколком зеркала, когда решила повернуть свою жизнь в другую сторону. Но Хашайя ни разу не видела, чтобы печати Порядка замещались Хаосом. Неужели...

— Тебя перекроили?!

— Именно, дорогая, — подтвердила догадку Ритайлина. — Теперь я н'удан, как и ты. И совру, если мне это не нравится.

Ритуал перекройки являлся чуть ли не мифом. Почти восемьсот лет его пытались повторить, но пленные н'шасты либо умирали от боли, либо никак не реагировали на особые потоки энергии. Если же ритуал срабатывал, то жертва сохраняла память, привычки, но полностью меняла мировоззрение. Кто сказал, что это легенда? Перед Шайей стояло живое доказательство могущества Великого Саусесана. Ах, если бы еще век назад они восстановили знание ритуала! Хашайя на секунду представила, что Аархин Маггорайхен перекроен и воюет во имя Хаоса. Совершенно поразительная картина.

— Кто сделал это? И как вообще его провели? Я думала нас всех или убили, или заточили в Белые пирамиды.

— Так и есть, — начала рассказывать Рита. — Два года назад на меня напали хаоситы, человек двадцать. Я почти отбилась, но сил не хватило. Источник отравлен, а это все-таки имеет серьезное влияние. Ты кстати тоже ощутишь это на себе. Боль после твоего перемещения еще не конец проблем. Меня, связанную по рукам и ногам, увезли на развалины старой крепости Хаоса, а Аархину сообщники хаоситов показали тело другой женщины, полностью обгоревшее, с моими любимыми серебряными браслетами на руках. Верные слуги Хаоса сумели пробиться к заваленным катакомбам крепости.

— Постой, — перебила Хашайя, — разве это место не было под постоянной охраной н'шастов?

— Да, но два года назад в Энхоре оставалось два н'шаста: я и Аархин. Из-за загрязнения Источника ритуалы посвящения перестали работать.

— Хорошая новость!

— Ты будешь слушать? — Ритайлина взяла Шайю под локоть и повела к камину. Действительно, пора уже и согреться, наконец-то, поесть и выпить сладкого вина.

— Продолжай.

— Хаоситам удалось провести ритуал, о том, как это сделать и где, их предводитель получил информацию от самого Повелителя.

— Он явился простому человеку? Что-то новое.

— Не совсем простому, ты познакомишься с ним позже и сама в этом убедишься, — продолжала Рита. — Я возглавила этих людей, желание служить Хаосу в их сердцах горит ярче огня, а преданность несомненна. Спустя год, я смогла найти это место и после приступить к вашему освобождению.

— Но я точно слышала Каеску! — воскликнула Хашайя. — Я была в пустоте, а потом вдруг ее голос зазвучал...

— И сказал тебе — Шайя, ты скоро обрешь волю. Это я говорила с тобой, не будь глупой девочкой, ты была свидетелем того, что я сделала с Каеской. Она мертва. С помощью кое-каких потоков я смогла ослабить энергию Пирамиды, чтобы ты применила силу на создание иллюзии, и сообщила, что дверь откроется кровью. Это было тяжело, ведь после перекройки чистая энергия Порядка мне почти не дается. Используя связи в Тримашлонапе, до этого нам удалось убрать охрану от твоей гробницы. Затем хаоситы пустили слухи о сокровищах, и оставалось только ждать, пока кто-то придет к тебе в сети.

— Бедный мальчик, — сказала Хашайя, когда присела на стул возле камина. Тепло окатило ее ласковой волной. — Я не просто создала иллюзию, но и влюбила его в себя. Мне кажется, он рано или поздно совершит самоубийство. Такой груз взвалился ему на плечи. Но почему так сложно, неужели после того, как вы убрали стражников, нельзя было прислать верный Хаосу отряд?

— Нельзя, — отрезала Ритайлина, разливая вино в бокалы. — Несмотря на некоторое влияние, Тримашлонап город, где господствует Порядок. Нас бы заметили местные храмовники. И, кроме того, свою кровь должен был отдать человек, не принадлежащий к числу хаоситов, и добровольно, а не по принуждению. Такова дополнительная защита, поставленная Маггорайхеном сто шесть лет назад.

— Об этом я не подумала, — признала ошибку Шайя, сделав глоток. — Теперь надо устранить Аархина и освободить остальных.

— Несколько часов назад Энхор уже потерял последнего н'шаста.

— Великий Хаос! — вот новости так новости, обрадовала бывшая соперница. Да, сейчас надо действовать вместе, но потом Хашайя отыграется за все прошлые обиды. Будь хоть трижды перекроена Ритайлина, они не станут подругами. — Как его убили?

— Его не убивали, Аархин был самым сильным и мудрым из н'шастов. Он полностью обезопасил себя от покушений, при этом успевая громить хаоситов по всему миру.

— Если Маггорайхена взяли в плен, то чем быстрее мы сотрем его с лица Энхора, тем лучше для Великого Хаоса. Хотя стой — его тоже можно перекроить!

— По-моему, ты не внимательно слушаешь, — сказала Ритайлина. — Его больше нет. Аархин собирался переместиться из его логова возле Шантайза в Грелимарай, а я только этого и ждала. Он не замечал моего присутствия, ему казалось, что он просто вспоминает обо мне. Легкое вмешательство в его поток перемещения — и последний н'шаст отправился далеко за пределы Энхора. Безвозвратно, разумеется.

Что же, подумала Хашайя, ради такого стоило находиться в заточении целый век. Она не боялась врагов, но противостоять сейчас Порядку при серьезном упадке сил, не смогла бы. Даже одному Аархину. Шайя отчетливо помнила мощь Маггорайхена, его преданность делу. Он не раз обращал успехи н'уданов в пыль. Такого мага нужно либо иметь на своей стороне, либо при первой возможности от него избавляться. Шайя допила вино, поставила бокал на декоративный столик из бронзового дерева рядом с камином и посмотрела на

Ритайлину.

— Выходит, мы близки к победе как никогда! — произнесла она. — Удивительно, что в этом заслуга бывшего н'шаста.

— Уверена, что мою заслугу по достоинству оценят и другие, — сказала Рита, опустившись на соседний стул. Она, конечно же, намекала на самого Повелителя.

— Почему ты освободила меня первой?

— Не из-за любви к тебе, конечно. Пирамиды остальных охраняются лучше твоей. Одна я, пусть хоть с помощью тысячи хаоситов, не справлюсь. Вдвоем же есть шанс вырвать Энкрича, а с ним без труда вытащим Оорташу и Щамерта.

— А так ли необходимо спасти их? — спросила Хашайя, внимательно наблюдая за тем, как поведет себя Ритайлина. Шайя, конечно, будет рада вновь увидеть Оорташу, с ней она действительно сдружилась, как только обернулась к Хаосу, но сейчас надо было сыграть безразличие.

— Нет, — ответила Рита, не моргнув глазом. — Но если мы с тобой не справимся, Энхор останется миром Порядка — кто взрастит новое поколение н'уданов? К тому же, не забывай, долгое время польза от тебя будет минимальной, а действовать надо скоро и решительно. Поэтому чем больше верных слуг Великого Саусесана к нам присоединится в борьбе с храмовниками, тем лучше.

— Когда начинаем?

— Через пару дней. Тебе сейчас важно отдохнуть, а я улажу некоторые дела, которые отложила ради твоего освобождения.

Ритайлина залпом осушила бокал, бросила его в огонь и зашагала прочь из зала. Тихий стук каблучков по мраморному полу проводил ее до самого выхода. Оставшись в одиночестве, Хашайя налила еще пряного вина. Перекрытая н'шаст доверия не вызывала. Нет, вернуться к Порядку она, конечно, не сумеет, даже если очень захочет. Ритуал необратим. Ее разум и психика теперь иначе воспринимали окружающий мир, а моральные принципы были заглушены. Однако Ритайлина слишком легко согласилась, что присутствие других н'уданов необязательно, пусть потом и обосновала, что без них придется туго. В любой момент новая союзница может нанести удар в спину, тогда все достанется ей. В конце концов, это по-прежнему Ритайлина Чисхаргана, с которой н'уданы бились не на жизнь, а на смерть. Давние обиды забыть не так просто. Но пока их стоило отложить в сторону.

Хашайя поднялась со стула, еще раз окинув взглядом зал. Летучий огонь бесшумно плавал под потолком. Теперь пора было наведаться на кухню, утолить вековой голод. Затем — горячая ванна и сон на большой кровати с самой нежной периной. Отдыхать так отдыхать. Дела подождут. Время насладиться свободой.

Сны, как известно, бывают разными. Если вы пробудились с криком, да еще в поту, значит, видели жуткий кошмар. Если открыли глаза с улыбкой на устах — снилось что-нибудь приятное. А случается, что от сновидений ни холодно, ни жарко. Видимо, сейчас со мной это и происходило.

Я долго плавал в пустоте, казалось, целую вечность. Меня окружала тьма, лишь в некоторых местах разгоняемая звездами. Полетать в открытом космосе без скафандра? Пожалуйста! Встретить в центре города динозавра? Запросто! Принять участие в оргии? Добро пожаловать! Ложитесь спать, а ваш веселый мозг покажет и не такое. Однажды мне вообще приснилось, будто я молодой дельфин, бороздящий просторы океана. Так что, оказавшись космонавтом-экстрималом, я даже не удивился.

Наверное, не стоило так много пить, может быть, дом приснился или Марина. Но гонка с шестилапой рогатой тварью все-таки выбила меня из колеи, теперь вот занимаюсь космическим плаванием. Интересно, сколько там человек может находиться в вакууме и не умереть? Четырнадцать секунд? Я посмотрел вниз. Одна белая точка стремительно приближалась ко мне. Что это еще за передвигающаяся звезда? Стоп, это ж я падаю! Так, сновидение, вроде бы, осознанное, такое со мной как-то случалось, надо взять управление в свои руки: сначала увернуться от звезды, а потом представить, что я прилетел на Землю. Но ничего не вышло, я все быстрее несся к сияющему свету. Плохой из меня космический путешественник. Сейчас сгорю во сне! Ужас, зато проснусь.

Внезапно я приземлился плашмя на что-то мягкое. На ощупь эта штука походила на ворсистый ковер, что странно, ведь из уроков астрономии я усвоил: звезды — это массивные газовые шары. Ну что же, поваляюсь тут немного, все равно больше нечем заниматься.

— Здравствуй, Дмитрий Ладыженский, — раздался голос сверху. Меня подхватили чьи-то сильные руки и поставили вертикально. Я хотел возразить, сообщив, что собирался повалиться на звезде. Но вдруг увидел, кто стоит передо мной.

— Аархин Маггорайхен?! — Он был одет в серую просторную рубаху, коричневые штаны, а на ногах я заметил что-то вроде кожаных сандалий. Голубчик, какая неожиданная встреча.

— Именно, — сказал человек, чье тело я лицезрел в зеркале утром. Получалось, что во сне собственное тело ко мне вернулось! Хоть какая-то радость, а то я соскучился.

— Это не сон, Дима.

— То есть как это не сон? — слова объявившегося н'шаста сбили меня с толку. — Я напился вкуснейшего сидра из твоих запасов и лег спать. Когда пробужусь, ты испаришься, как капля воды на раскаленной сковородке.

— Ты спишь, — пояснил Аархин, — но то, что сейчас видишь, создано моей магией.

Я поводил головой из стороны в сторону. Мы находились посреди бескрайнего белого пространства, а под ногами вправду лежал мохнатый фиолетовый ковер. Место выглядело странно, да и спящим я, кажется, себя не ощущал. Руки на этот раз точно были моими, но в штаны для контрольной проверки я залезть не решился. Откуда вообще берутся до такой степени глупые мысли?

— Потому что ты пьян даже здесь, вне реальности, — сказал н'шаст, скрестив руки на груди. Мысли что ли читает? Экстрасенс хренов, Вольф Мессинг!

— Ошибаешься, я не читаю их, а слышу, как будто ты все свои мысли произносишь вслух. Это место называется Акл-Миратэ, и здесь я способен на многое: слышать мысли, создавать предметы из ничего и даже причинить тебе непередаваемую по силе боль. Однако делать последнее, конечно, не собираюсь, ибо я слуга Порядка, а не Хаоса. Но зато тогда ты бы точно убедился, что это не сон, ведь я чувствую, что сомнения тебя еще не отпустили.

— Тогда объясни, твою мать, как получилось, что сегодняшнее утро я встретил в чужом теле? — Вопрос вышел грубым, но целиком касался насущной проблемы. Если то, что сейчас происходило — все-таки плод уставшего разума, то я ничего не потеряю, потратив час на беседу с собственным воображением. А если Аархин был настоящим — самое время ему поведать причину, по которой состоялся этот проклятый обмен, будь он неладен.

— Ты просмотрел мои записи в дневнике. Я собирался переместиться в Грелимарай, но кто-то вмешался в структуру заклинания. Загрязненный Источник не позволил мне обнаружить этого человека, но он обладал достаточным количеством сил, чтобы взаимодействовать с энергией такого объема. Ответить я уже не успевал. — Господин Маггорайхен на секунду замолчал, словно вновь переживал тот момент, когда его затащило на Землю, а потом продолжил:

— Потoki этого последователя Хаоса должны были выбросить меня из Энхора в любой другой мир, которых, как известно, множество.

— Это у вас известно, на нашей планете никто не слыхал про Энхор, — возразил я. Блин, пьяная голова, нашел кого перебивать. Слушай очень внимательно, Дима, иначе упустишь что-нибудь важное.

— На Земле вы знаете, что иные миры существуют, только верить в это знание не желаете. Я понял, что если замысел неведомого врага удастся, дороги назад не отыскать. Поэтому я сам вмешался в магию атакующего меня человека. Первым делом, изменил структуру заклинания так, что Энхор покидал лишь мой разум. Затем с трудом направил энергию в сторону мира, который был ближе того, куда меня выталкивали. Опережу твой следующий вопрос, Дима. Нет, я не выбирал конкретно тебя. Так распорядилась судьба.

— Прелестно, просто прелестно. — Злость на эту судьбу-злодейку вскипела во мне с невообразимой силой, еще чуть-чуть и с ушей повалит пар как в старых мультфильмах.

— Дальше я действовал исходя из твоей безопасности, поэтому считаю, что ты поймешь и оценишь это положительно. Если бы твой разум остался вместе с моим в одной голове, то безумие накрыло бы тебя через несколько дней. Вернее, накрыло бы нас обоих навсегда. Выход был лишь один — отправить твое сознание в Энхор, что я и проделал в итоге, при помощи потока, придуманного мной на ходу.

— Почему ты не отправил обратно свое?! Зачем надо было меня задуливать?

— Потому что заклинание того хаосита вытолкнуло бы меня снова. Возможно, через несколько часов это бы удалось, но разум без тела долго не существует, а рисковать тогда я не мог.

Выходит, что в Энхор я вправду попал по вине Аархина, ну и этого злодея, конечно. Пока я мирно спал, этот волшебник нагло выставил мое сознание за порог, словно черный риэлтор. Не мог он рисковать? А надо было! Надо было подумать обо мне, прежде чем сразу принимать окончательное решение. Ну, поболтался бы разум этого могучего н'шаста где-нибудь между мирами. Зато потом — раз, и вернулся бы в родные пенаты. Мне бы не пришлось паниковать из-за пробуждения в незнакомом месте, бояться, что не увижу больше Марину. Соревноваться в скорости с бешеным рогатым медведем, е-мое! Да и сам

Маггорайхен уже бы настиг того мага, который посмел напасть на последнего защитника Порядка. Есть ли правда в его словах о безумии? Вдруг ничего бы страшно не случилось, если бы мы побыли некоторое время в одной голове.

— Я не лгу тебе, — сказал Аархин. Тьфу, уже забыл, что он слышит все, о чем я думаю. Надо бы поаккуратнее, а то и обидеться может. Маггорайхен заложил руки за спину и начал ходить туда-сюда. Несколько шагов влево по фиолетовому ковру, несколько в обратную сторону. Наконец, н'шаст остановился. Его зеленые глаза внимательно посмотрели на меня, и я почувствовал, как медленно исчезает опьянение. Прямо Анатолий Кашпировский! Дал установку на трезвость — и вуаля. Ему бы у нас в России людей из запоев выводить, пользовался бы популярностью. Целитель, мать его за ногу.

— Лучше тебе сейчас побыть в ясном сознании, Дмитрий. Нам предстоит многое обсудить.

— Что сейчас с моим телом? — спросил я, чуть успокоившись. Вместе с хмелем из меня вышел гнев, прорезалось здоровое любопытство.

— Ты лежишь на кровати.

— Вы прямо-таки кладезь информативности, господин Маггорайхен. Я имею в виду, что будет, когда настанет время вставать?

— Тоже, что было здесь, только наоборот. С кровати поднимется не Дмитрий Ладыженский, а я. Последний н'шаст Энхора в оболочке молодого человека с планеты Земля. Но тут нет повода для волнений, — сказал н'шаст и улыбнулся.

— То есть? — нет повода для волнений, а для улыбок, значит, есть! Интриган, не тyani с объяснением, знаешь, что я пережил.

— Дело в том, что если я буду спать на Земле хотя бы еще пять часов, в Энхоре пройдет несколько лет. Точнее не могу сказать, но за такой срок я сумею обменять нас телами обратно.

Тут я вроде как должен был обрадоваться. Ведь никто тогда и не обнаружит, что в моей голове сидит другой человек. Я посплю часов до десяти утра, а только потом позвонит либо мама, либо Марина. Они часто состязались в такой замечательной спортивной дисциплине, которая называлась «Дозвонись до Димы первой». Им в любом случае ответит гражданин планеты Земля, а не абориген с Энхора. Но от преждевременной радости меня удержало уразумение того, что здесь, в другом, враждебном мне мире придется задержаться надолго.

— А есть шанс, что ты сможешь сделать это в более краткие сроки? — робко задал я вопрос мудрому волшебнику.

— Да, — ответил Аархин, и я понял, что тут он не врет. — Все зависит от дальнейшей совместной работы. Если ты обещаешь верить всему, что я скажу, поступать так, как я велю, то мой разум будет занимать твое тело не более пары часов. К сожалению, еще быстрее не получится. На кону многое, а спешка губит даже простые дела.

— Год-другой в Энхоре? Продолжительный намечается отпуск. Мечта экстримальщика или любителя сафари. Ну, уж лучше так, чем торчать всю жизнь там, где тебе не все рады.

— Кстати, о звере, которого ты встретил в лесу. Он зовется беургом. Странно, что он так рано выбрался из берлоги. Этот хищник съедает жертву вместе с костями, поэтому благодарю, что сохранил мою оболочку. Вообще впечатляет, что ты отделался лишь легким испугом. Не всякий опытный воин сдюжит против этого зверя, особенно когда она так сильно разъярен. Но часть заслуги принадлежит все-таки моему телу. Будь ты в своем, вряд ли бы выдержал такой темп бега в течение стольких минут.

— Откуда ты знаешь о моем приключении? — Блин, точно! Я бы выдохся через километр, а страшилище полакомилось бы моими филейными частями. Аархин прав.

— Акл-Миратэ открывает потрясающие возможности, как я уже говорил. Каждый раз, когда мы будем встречаться здесь, я через потоки энергии считаю из твоего разума все события, какие произойдут с тобой за день. Процедура, как видишь, незаметная и безболезненная. Это позволит нам совместно принимать решения.

— Что за Алко-Миратэ? — второй раз Маггорайхен произнес это слово, а я ровным счетом не понимал, о чем он талдычит.

— Акл-Миратэ — это дар Порядка, особое состояние, доступное только для н'шастов. Это мир внутри сознания, дающий способности, которые в реальном мире нельзя повторить. В Акл-Миратэ входит разум, а не тело, поэтому, даже находясь за пределами Энхора, в твоей голове, я проникаю в него без труда. С помощью этого дара, энергия тонким каналом связывает меня с тобой, потому что расстояние между любыми мирами здесь не имеет значения. Грубо говоря, я, используя силу Порядка, могу втягивать твое сознание в Акл-Миратэ. Кстати, не желаешь сменить обстановку?

— Давай, — согласился я, гадая, что н'шаст имеет в виду.

Аархин начал делать плавные движения руками, а пространство вокруг наполнилось изменениями. Фиолетовый ковер медленно становился желтым песком, белую пустоту заволакивало голубой краской. Через пару мгновений меня осенило — н'шаст превращал это место в пляж! Вчера бы я в такое не поверил, ни за какие коврижки! Но, во-первых, я уже посетил иной мир, где насмотрелся всякого, а во-вторых, сейчас мы находились во сне, ну или в Акл-Миратэ, и в подсознании, как я думал, еще плавая в космосе, места рациональности зачастую нет.

Я глубоко вдохнул и улыбнулся. Это был он, морской воздух, пропитанный солью и свежестью, теплом и безмятежностью. Метрах в двух впереди на песок уже накатывало пенными волнами море, над головой сияла звезда, как две капли похожая на ту, которую звали Солнце. Крик птиц огласил голубое с редкими облачками-овечками небо, а возле нас с Аархином возникли два шезлонга. Местность, сначала выглядевшая чем-то неестественным, обратилась в чудесный пляж. Н'шаст, недолго думая, улегся на шезлонг, я отставать не стал. В моей руке вдруг появился стакан, и, судя по запаху, в нем находился мохито, безалкогольный, конечно. Обязательно съездим с Мариночкой на море в ближайшее время. Знать бы теперь, когда оно наступит, это ближайшее время.

— Решил, что так беседовать станет гораздо приятнее, — сказал Маггорайхен, потягивая через трубочку мятный коктейль.

— Спасибо, — поблагодарил я его. — Такой пейзаж поднимает настроение, жаль только, что все это ненастоящее.

— Это знание не препятствует наслаждению, можно даже искупаться в море. Думаю, что оно ничем не хуже морей на земле. Вода теплая и чистая.

— А ты бывал в моем мире раньше? — поинтересовался я.

— Нет, никто и никогда не путешествовал в другие миры. Мы знаем, что они есть, верим, что посетить их, скорее всего, возможно. Но ни Порядок, ни Хаос не способствуют в этом, — ответил н'шаст.

— Но ты же каким-то образом понял, что тот человек, что вмещался в заклинание перемещения, собирался выкинуть тебя из Энхора!

— Здесь другое, Дима. Постичь потоки чужой энергии не самая сложная задача. Меня

не отправляли путешествовать, а выдавливали из Энхора. Изучив начало течения заклинания того хаосита, я выяснил, что мое тело будет выброшено навсегда. В теории, это не противоречит установленным законам мироздания.

— Тогда откуда тебе известно название моего мира — Земля?

— Оттуда же, откуда твое имя — Дмитрий Владимирович Ладыженский. Акл-Миратэ. Я буквально впитал твою память за миг, до того, как обратился к тебе по имени. Знаю теперь, что Земля пошла не по магическому пути, а по технологическому. Это будоражит, такие колоссальные различия между двумя мирами. Но есть и одно немаловажное сходство. Земля погружена в Хаос, притом, куда серьезнее, чем Энхор. Бесконечные войны, катаклизмы, эпидемии. Неудивительно, ведь н'шасты на Земле отсутствуют, а Хаос плетет свои сети даже без своих верных служителей. Я бы мог использовать твоё тело и усилить влияние Порядка в этом несчастном мире, но, к сожалению, Порядок такое вмешательство запрещает.

Я живо представил, как по Земле летает Аархин Маггорайхен в облики двадцатипятилетнего россиянина. Как он уничтожает ядерные запасы всех государств, вправляет мозги наши политикам, которые думают не о справедливости и порядке, а о преумножении своего богатства. Как одного за другим обращает в пыль террористов. Как ислам, христианство и прочие религии объединяются в поклонении новому Богу. Даже мне, такому раздолбаю, ясно, почему неведомые законы мироздания не позволяют воздействовать на другие миры. Начнется такой кавардак, что Хаос проглотит все и всех.

— Что мне делать, когда проснусь?

— Для начала послушай, частью чего ты стал сегодня, — сказал Аархин. И я слушал, ей богу, слушал, стараясь ничего не упустить, ни малейшей детали, ведь от каждой мелочи зависело мое возвращение домой.

В начале был Порядок. Он одновременно являлся неживой энергией и живым существом, занимавшим все существующее пространство. О том, кто создал это пространство, зачем и когда в него поместил Порядок, не знал никто. А если бы и знал, наверное, сошел с ума, какой разум выдержит такое Знание? Порядок пребывал в покое, пока однажды из него не родился первый сын — Тибор. Он стал тем существом, которого в нашем мире называли бы Богом. С помощью Порядка, Тибор стал творить миры, сначала от скуки, ведь кроме них с отцом никого не было, потом из-за того, что так их существование приобретало смысл. Тибор трудился без устали, но Порядок понимал, что силы его сына рано или поздно иссякнут, а за созданными мирами нужно ухаживать. Поэтому он родил еще четырех сыновей, которые с радостью присоединились к старшему брату. Они работали вместе. Вселенная наполнялась светом. Энергия оплетала миры, на них стала возникать жизнь. Вскоре самый младший из братьев, Калар заскучал. Почему? Вероятно, ему опостылела однообразная работа. Он принялся подшучивать над остальными сыновьями Порядка. Видя, как новый мир заселялся животными или разумными существами, Калар втайне ото всех отравлял там атмосферу, обрекая тех на медленную гибель. Или гасил звезду, вызывая непоправимые последствия для тех миров, которым она давала свет и тепло. Когда Порядок почувствовал на себе колебания, вызванные поступками младшего сына, гнев его был страшен. Отец хотел поместить Калара в энергетическую клетку, где держал бы его, пока тот не образумился, но не успел. Калар, предвидя, что существование его вскоре будет ограничено, убил двух средних братьев, высосал из них энергию и ранил Тибора. Выживший старший сын Порядка дал ему новое имя — Великий Саусесан или Пьющий Энергию. Тибор

обратился к Отцу, он уже осознал, что Калара пора не исправлять, а уничтожить раз и навсегда, пока он не принялся за оставшиеся миры. Мощь Порядка разорвала нерадивого младшего сына, но это было не смертью Великого Саусесана, а рождением Хаоса.

Напитавшись силами убитых братьев, Калар превратился в иное существо, природу которого не постиг даже его Отец, а уничтожение его живой оболочки высвободило негативную энергию, которая поразила небольшую часть Порядка. Тибор назвал это Хаосом. Когда Хаос высасывал достаточно энергии из сотворенных миров и живых существ, он вновь обретал тело и становился Великим Саусесаном, теперь возжелавшим полностью заменить собой своего Отца. Так началось вечное противостояние Порядка и Хаоса.

— В Энхоре из нескольких человек, способных манипулировать жизненной энергией, Тибор создал н'шастов, слугителей Порядка, потому что защищать все миры сразу его сил не уже хватало, сказывалось ранение, нанесенное младшим братом, — рассказывал Маггорайхен. — Его Отец утратил возможность рожать новых Богов, да и кто мог дать теперь гарантию, что среди них не появится второй Калар? Но Великий Саусесан не дремал. Он пытался высосать энергию из Энхора, чтобы укрепить себя, нанеся очередной удар по Порядку, но умения первых н'шастов не позволили ему это сделать. Поэтому в свое очередное материальное воплощение, он спустился в мой мир, где опять извратив задумку брата, создал н'уданов. Битва за Энхор длится почти две тысячи лет. Простые жители верят, что вернется Тибор, и угроза со стороны Хаоса окончательно исчезнет. Но никто не обладает знанием, когда именно первый сын вновь ступит на нашу землю.

Сто шесть лет назад н'уданы очередной раз пытались расчистить путь для Великого Саусесана, устранив н'шастов. Мне и группе моих друзей удалось отсрочить гибель Энхора, но сейчас... Сейчас все изменилось не в нашу пользу. Я видел твой сон с Белой пирамидой.

— Да, что это была за женщина на ее вершине? — спросил я. Коктейль закончился, а я даже не помнил, когда сделал последний глоток, так заморозил меня рассказ н'шаста.

— Одна из н'уданов. Ее имя — Хашайя. Она выбралась из своей тюрьмы. Как это произошло, я пока могу только гадать, но свободный слуга Хаоса в Энхоре — это лишняя ступенька в лестнице, которая приведет Великого Саусесана к победе. Я предчувствовал, что н'уданы сбегут однажды, но так скоро?! — Аархин лежал на шезлонге, разглядывая восьмиконечные звезды на ладонях.

— Ты лучше скажи, за каким хреном, вы оставили этих злодеев в живых, если победили их аж век назад? На дураков вы, н'шасты не похожи, почему не добились гадов?

— Этому есть объяснение, но отложим его до следующего раза. Мы еще вернемся к сути конфликта, пока тебе надо заниматься другими делами.

— Например?

— Отправиться в Шантайз, как ты и хотел. Домой тебя там никто не вернет, но помощь посильную окажут. Между прочим, напавший на тебя в лесу беург сыграл только на руку. Не представляю, чтобы тебя ожидало в городе, если бы ты добрался туда до нашего разговора. Запомни, Дима, ты в моем теле, и если у кого-то появится хоть толика сомнения в том, что он говорит с Аархином Маггорайхеном, быть беде. Старайся не останавливаться лишней раз, кто-нибудь поздоровается — кивни в ответ. Даже ребенок знает, что н'шаст занят исключительно мыслями о спасении мира от нашествия Хаоса, поэтому за грубость твой ответ не примут. Крамди Палстарник обитает в Городской библиотеке. В буквальном смысле — у него там есть келья. Вначале он тебе не поверит, старина Крамди очень въедливый человек. Скажешь, что тогда одна дама с другого конца Шантайза узнает его

секрет. Он тут же станет шелковым и послушным, будто дрессированный тиргез. Выложишь ему смело все, о чем мы сегодня беседовали. Крамди никогда не предаст. Тебе нужно будет отплыть в Грелимарай, желательно, в ту же ночь. Ляжешь спать на корабле, и мы снова встретимся в Акл-Миратэ.

— Ясно, — протянул я. Пока план моих действий расписывал Аархин, трудностей не наблюдалось. — Как быть если рогатая тварь до сих пор сторожит выход? Бегать от нее что-то не хочется.

— Ах да, об этом я забыл. Тебе поможет чой-хуа.

— Чего? — на секунду мне показалось, что могущественный волшебник из иного мира ругнулся на прекрасном русском мате. Я едва сдержал смех.

— Это боевое искусство, которым владеют н'шасты. Включает в себя рукопашный бой и фехтование.

— Наверное, что-то вроде каратэ или дзюдо? — предположил я с умным видом.

— Не совсем. — Покачал головой Маггорайхен. — Чой-хуа не просто совокупность техник и приемов, его поддерживает чистая энергия, струящаяся в теле.

— Но я не н'шаст. Я просто временно занимаю твое тело, временно.

— Как раз это хорошо. Мое тело знает чой-хуа, тебе надо лишь напомнить ему об этом. У нас есть еще немного времени, прежде чем мои потоки перестанут подпитывать Акл-Миратэ. Думаю, что посвятим это время обучению.

— Во сне меня еще ничему не учили. Я хоть проснусь отдохнувшим? — задал я несомненно важный сейчас вопрос.

— Конечно, часы, проведенные в Акл-Миратэ, не влияют на состоянии сна в реальном мире, — ответил Аархин. Он уже был на ногах, в правой его руке материализовался короткий меч, засверкавший сталью на солнце. — Похмелья тоже не жди, но впредь прошу не напиваться. Мне нужен трезвый и соображающий человек для спасения Энхора. Будешь много пить — погибнешь, как тогда отправлять тебя домой? А лучше вообще держаться подальше от этого соблазна. Дай слово, что с этим покончено.

— Клянусь! — воскликнул я. А что я еще мог ответить человеку, надвигающемуся на меня с опасным холодным оружием в руке?

Утренний Грелимарай напоминал ему муравейник. Тысячи людей, как обычно, наводнили улицы города, их потоки растеклись в разные стороны, словно пролитое маковое молоко. Движение на первый взгляд казалось беспорядочным, но это было не так. Каждая из этого множества спешащих разноцветных точек, конечно же, знала, куда и зачем идет. В Грелимарае царил Порядок. Отсюда сверху начинал свой ранний день Мийэн Заурбанз. Он поднимался на Маяк, чтобы проверить, не напился ли за ночь смотритель. Потом, убеждавшись, что тот провел дежурство в трезвости, а масла и дров для сигнального огня хватало с запасом, Мийэн вставал у края площадки и подолгу наблюдал за просыпающимся Грелимараем. Маяк, названный в честь его создателя Чиризанским, был построен на плоской возвышенности, которая южным покатым склоном упиралась в городскую стену, а северным смотрела на Тиборское море. Но Мийэн предпочитал уделять время не чудесному морскому виду, а месту, где прожил большую часть своей долгой жизни. Он смотрел на людей-муравьев около часа, потом спускался по узкой деревянной лестнице, вьющейся вокруг маяка, вниз. Там его уже, по обыкновению, ждал слуга Фульмер, с которым они держали путь к складским помещениям, тоже находившимся в ведении Мийэна.

Одиннадцатый день месяца дубов ничем особым не выделился. Следов прислужников Хаоса не обнаружили, все товары были не тронуты, попыток пробраться на склады не выявлено. Фульмер помечал всю информацию о текущей проверке в толстую тетрадь, которую ему приходилось таскать по утрам за собой. Перо помощника порхало над страницами с некоторой изящностью, иногда окунаясь в маленькую чернильницу. Чтобы лишний раз не искать место, куда ее поставить, Фульмер обматывал эту баночку шерстяным шнуром и вешал себе на шею. Чернильные капли со временем стали неотъемлемой частью его утреннего костюма, но Мийэн не ругал за это своего помощника. Главное, что обязанности исполнялись им идеально, а легкая неряшливость слуги не была столь серьезной проблемой.

Сегодняшним утром после осмотра складов, Мийэн отправил Фульмера к начальнику Темницы, а сам вернулся в личный кабинет в здании портового Управления. Там он удобно расположился за дубовым столом, разобрал бумаги, которые успели появиться за пару часов его отсутствия. Письмо Аархина, прибывшее с почтовым кораблем еще три дня назад, лежало тут же. Мийэн взял его и перечитал еще раз. Старый друг просил собрать тех самых детей, о которых они говорили, когда н'шаст гостил у него с месяц назад, и которых Мийэн позже разместил в Грелимарае. Аархин не обратился за помощью к храмовникам Тибора напрямую, а это означало лишь одно — дело серьезное. Аархин что-то предчувствовал. Мийэн отложил послание в сторону и заметил красное яблоко, видимо, оставленное Фульмером. Завтракать еще не хотелось, но сладкий фрукт буквально манил к себе. Мийэн направил легкий поток силы к яблоку, и оно неторопливо подплыло к нему по воздуху. Энергией главный смотритель грелимарайского порта старался пользоваться редко, но всякий раз, когда в его жизни вновь появлялся последний из н'шастов, он не мог не коснуться ее. Яблоко оказалось сочным, из него брызнуло прямо на стол, но среди лежащих на нем документов не было важных, поэтому Мийэн даже не шевельнулся.

Ему было почти семьдесят лет, но выглядел он от силы на сорок пять, а чувствовал себя также, как в тридцать. Сказывалось воздействие энергии, что, однако, не давало долгой

жизни. Замедленное старение, о таком многие мечтают, а Мийэн желал только одного — стать на защиту Энхора, быть истинным служителем Порядка. Он прекрасно помнил, как его и еще шестерых ребят в возрасте от пятнадцати до восемнадцати лет, привели к Источнику. Источник не только давал миру чистую энергию Порядка, но и отмечал избранных знаками н'шастов. Если на ладонях после прикосновения к камням, окружавшим Источник, появлялись звезды, то силы обладателя этих рук вырастали на порядок. Его торжественно объявляли н'шастом, а после начинался второй этап обучения: новые сложные потоки и плетения и, конечно, чой-хуа, знаменитое боевое искусство. Но если камни не оставляли отметин, ты был обречен до конца жизни следовать дорогой простого тилбэчина. Многие древние истории сообщали, что некоторые из тех, кого отказался признать Порядок, вставали на сторону Хаоса. Это могло быть правдой, ведь порой юношеские обиды способны перевернуть мир. Мийэн едва сам не ступил на такую скользкую тропу, когда не почувствовал боли, о которой предупреждали. Но уберегло его не только доброе слово Аархина после того, как он, сдерживая слезы, отошел от Источника. Никто из ребят не получил благословение Порядка в тот день. Хаоситы каким-то образом отравили родник жизненной энергии, и Энхор на неизвестный срок лишился возможности появления нового поколения н'шастов. Аархин говорил, что очистить Источник реально, хоть и тяжело, но годы шли, он остался последним служителем Порядка, а Хаос тихо наращивал мощь.

Несколько последних лет Аархин посвятил поиску детей, в чьей крови энергия не просто струилась, а бурлила горной рекой. Их внутренняя сила при должном обучении сделает из них могущественных тилбэчинов, которые однажды приблизятся по способностям к н'шастам. Или убьет, если опоздать и не проконтролировать эту рвущуюся наружу мощь вовремя. Сейчас собранные людьми Маггорайхена в разных землях Энхора дети больше всего походили на сосуды, уровень жидкости в которых поднялся так высоко, что скоро прольется через край. Им необходимо дать знания, как пользоваться энергией во благо Порядка; применяя потоки они высвободят излишки силы, оставив себе достаточно, чтобы защитить Энхор в дальнейшем противостоянии с Хаосом.

Молодежь старый друг на время поручил Мийэну, справедливо полагая, что тилбэчины из числа Храмовников не раскроют их потенциала, либо, не дай Тибор, погубят по неведению. Сам неудавшийся н'шаст с этим решением был согласен — детей с такой силой мог вести только истинный Хранитель Порядка. Он единственный сумеет обуздать их дар, направив его в нужное русло. По просьбе Аархина Мийэн поселил будущих тилбэчинов в Грелимарае, чтобы в любой день, как только возникнет необходимость, тут же собрать их в одном месте для передачи под опеку учителя. Чуть больше половины месяца юноша семнадцати лет и две девушки пятнадцати обитали здесь. За дни, проведенные в дороге, они не сблизились, что Мийэн связывал с их принадлежностью к разным слоям общества. Хотя это могло быть связано с тем, что до путешествия они жили в странах, неоднократно враждовавших друг с другом. Поэтому Мийэн посчитал верным расселить их по разным местам. Конфликты среди этих детей, когда Хаос набирает силу, к благополучному исходу не приведут. От мыслей Мийэна оторвал возвратившийся Фульмер.

— Месэр, господин начальник Темницы подтвердил, что камеры, где в данное время содержатся пойманные хаоситы, за ночь не опустели, охрана удвоена, — доложил он.

— Это все? — уточнил главный смотритель порта.

— Еще он сообщил, что будет жаловаться Наместнику на ваши действия.

— Чем же он объясняет свое желание?

— Тем, что это не ваша компетенция — проверять работу Темницы. Каждый день к нему из дворца Наместника прибывает служащий, в обязанности которого входит личный осмотр камер с важными арестантами, и вопрошающие из Храма снуют туда-сюда. А вы уже давно не член ордена Тибора, всего лишь контролируете работу порта.

— Он, вероятно, забыл, что из ордена я вышел, чтобы обезопасить Грелимарай со стороны моря. Когда умер старый смотритель, его подчиненные чуть не устроили голод в городе. Да и склады отличная цель для следующего удара хаоситов, кто лучше тилбэчина определит внезапную угрозу? В любом случае, не понимаю недовольства Жгералиха, я в этот раз остался здесь в порту, проверял его ты.

— Месэр Жгералих просил еще передать, что меня тоже не стоит посылать к нему. Рекомендовал вам обращаться к Наместнику за всеми сведениями, касающимися дел Темницы, или к храмовникам, — добавил Фульмер и развел руками, будто говоря, что тоже не понимает, почему главный тюремщик Грелимарая такой остолоп.

Когда отряд хаоситов был схвачен при попытке похищения нескольких девиц из соседней с городом деревни, Мийэн потребовал немедленной казни для них. Не было сомнений, что девственницы предназначались для кровавого ритуала. Совет храмовников, само собой, поддержал его сразу, ибо оставлять в живых тех, кто предал Порядок, нет никакого смысла. Обратить их от Хаоса почти бесполезное занятие, а трата средств на их содержание в Темнице — лишь вред казне города, которая итак переживала не лучшие времена из-за прошлогоднего неурожая. Но в дело вмешалась пара дворянских семей Грелимарая — их родственники оказались в числе пойманных хаоситов. Прогремел громкий скандал, дошедший уже до всех уголков Виленсбашига. Слуги Хаоса среди дворян означали страшное — Порядок быстро слабеет, Энхор снова на грани великой войны. Но семьи хотели доказать, что их родичи не по собственной воле участвовали в мерзкой акции похищения невинных. Наместник определил суд, до которого оставалось меньше недели, а живые хаоситы, пусть и запертые в Темнице, теперь представляли собой лучину бед — только подпали и все загорится. Именно поэтому, Мийэн не собирался держаться в стороне. Был бы рядом Аархин, никто бы не дерзнул перечить ему, а в том, что он предал бы этих людей очищающему пламени на месте, Мийэн не сомневался. Но н'шаст сейчас мог находиться на другом краю Энхора, лишний раз подтверждая, как не хватает сегодня Хранителей Порядка.

— Будут ли еще распоряжения, месэр Заурбанз? — спросил Фульмер, разглядывая чернильные пятна на рубахе, словно впервые видел их.

— Да, трех детей, которых мы сейчас содержим, вечером приведи в мой дом, — сказал Мийэн. — Пусть возьмут все свои вещи. Лучше даже так, сходи прямо сейчас и предупреди их заранее, чтобы потом не тратить время на сборы.

— Будет исполнено, месэр!

Когда Фульмер ушел, главный смотритель порта вернулся к мыслям. Мальчишку он отправил в дом к бывшему наемнику, чтобы тот начал преподавать ему владение оружием. Не чой-хуа, конечно, но хоть какое-то базовое знакомство с искусством ведения боя. Тем более Аархин ускорит процесс обучения, если хотя бы один из отобранных детей уже будет знать, с какого конца братья за меч, как правильно метать копьё и не покалечить себя тетивой от лука. Юноше, насколько осведомили Мийэна, жить у солдата нравилось. Еще бы, после сиротской бедности его приютил человек, в какой-то мере став отцом, да еще и учил на практике, как защитить себя. Рыжеволосую девочку поселили у известной грелимарайской художницы. Агент Маггорайхена сообщил, что дома в Виндарьюстрэке она

жила в семье мастера по мозаике, и демонстрировала тягу к творчеству. Художница давно дружила с Мийэном, была как он бездетна и с радостью согласилась приютить ее. Девочка грустила по родным, но вела себя спокойно, с интересом постигая таинство рисунка кистью.

Тяжелее всего пришлось со второй девушкой. Она была родом из Зирры, города в Заркондае, который очень серьезно пострадал в последней войне с н'уданами. Ее семья принадлежала к древней крови, чем она чрезмерно гордилась. С этим фактом и были связаны определенные проблемы. Мийэну долго пришлось уговаривать Наместника, чтобы он взял девчонку фрейлиной к своей жене. Когда в итоге это произошло, она показала себя не с лучшей стороны. Девчонка требовала, чтобы ей выделили отдельный богатый дом, слуг и материальное содержание из казны Грелимарая. Дворец Наместника, в принципе, ее устраивал, а вот статус благородной служанки приводил в бешенство. Мийэн сам уже желал всыпать десять плетей этой настырной хамке и грубиянке, положенных за дерзкие нарушения при учебе на н'шаста. А хамила и грубила, кстати, она как никто в Энхоре — уши сворачивались в трубочку от тех слов, которых она неизвестно где нахваталась. Но девочка еще сама не осознавала, что ей предназначено Порядком, как до сих пор не понимала, почему ее состоятельные родители, имеющие власть в Зирре, вдруг отправили ее прочь в другую страну. Когда придет час, она остепенится и примет свое новое предназначение, иначе... Иначе — это путь к Хаосу, а Хаос — это смерть.

В дверь громко постучали.

— Войдите, — произнес Мийэн.

— Ну, если ты разрешаешь. — В кабинет зашел молодой длинноволосый мужчина в бело-голубой тунике храмовника.

— В порт пожаловала Песочная голова, тревога!

— Вот уж спасибо, старого прозвища мне не еще хватало сегодня услышать, месэр учитель. Думал, что столь важный пост смотрителя порта, наконец, изменит тебя в лучшую сторону. Почему же этого не случилось?

— Я слишком стар, чтобы меняться, Эвтей Щтарошим, — ответил бывшему ученику Мийэн. — Давно не заходил, присаживайся. Фукеру заварить не могу — не умею. А Фульмер еще не скоро придет, он-то в этом деле он набил руку.

— Наслышан, — сказал Эвтей. Он взял от стены стул, поставил поближе к столу и сел, поправив свои почти желтые волосы, из-за которых, учась на тилбэчина, получил прозвище Песочная голова. Недоброжелатели, правда, утверждали, что назвали так его по другой причине, будто за глупость, поговаривая, что если потрясти Эвтея как следует, то услышишь, как вместо мозгов, в его голове шуршит песок. Однако сам Мийэн это без усилий опровергал — умнее ученика, пока он преподавал манипуляцию энергией Храмовникам, у него никогда не было. — Сам Наместник как-то расхваливал твоего слугу. Мол, фукера, приготовленная Фульмером, вкуснее любой другой, да и бодрит намного лучше.

— И правильно расхваливал! Вместо драгоценного терпкого напитка могу предложить охлажденной воды.

— Нет, спасибо. Жажда меня мучает, но совершенно другого вида. Я по делу пришел. Ни как представитель ордена Тибора, ни как бывший ученик к своему учителю, а как давний друг к хорошему другу.

— Хм, тогда слушаю тебя. — Визит Эвтея не удивил Мийэна, они продолжали поддерживать отношения, после того, как он покинул орден ради работы в порту. Но дело, с которым пришел ученик, явно стоило внимания.

— Не знаю, известно ли тебе, что я один из допрашивающих заключенных хаоситов?

— Нет, я аккуратно сую свой длинный нос в этот процесс, итак уже вступил в перепалку с достопочтенным Жгералихом.

— Нос, предположим, у нашего любимого начальника Темницы длиннее твоего, — засмеялся Эвтей. — Но ближе к делу. Один из предателей готов вернуться к Порядку.

— Поразительно, — сказал Мийэн, глядя на молодого мага. — Надеюсь, ты не поверил этим пустым словам? Может, он и гугутикарой готов стать?

— Я не поверил, но некоторые из Совета Тибора склонны к тому, что такую возможность раскаяния стоит хотя бы предполагать. Хаосит клянется, что выдаст штаб своих соратников в обмен на прощение, гарантию жизни, свободу и безопасность. Нам останется только связаться с Аархином Маггорайхеном, объединить все силы храмовников и атаковать.

— Слишком просто, чтобы быть правдой. Этот хаосит тилбэчин?

— Отнюдь, на его теле даже не нашли знаков Хаоса. То ли новообращенный, то ли еще что.

— Эвтей, хаоситы уже давно не ставят отметин, ты же сам знаешь. Они сохранились только у тех, кто отвернулся от Порядка пару десятилетий назад. А этот раскаявшийся приспешник Хаоса он, случайно, не уроженец Грелимарая? — поинтересовался Мийэн.

— Угадал, он один из заблудших сынов нашего славного города, — ответил Эвтей. — Я нахожу его слова следствием беспомощности родственников, ведь, даже уговорив Наместника на суд, они прекрасно осознают — приговор вынесут обвинительный и несчастного сожгут. Мне хочется понять, есть ли хоть щепотка правды в его словах, или это только финальная попытка оттянуть неизбежную смерть?

— Что же, готов утолить твою жажду. История знает как раскаявшихся хаоситов, так и н'шастов, переходящих на сторону древнего врага. Но такого не происходило давно, да и предшествовали всем этим случаям определенные обстоятельства. Я сомневаюсь, что слуга Хаоса испугался приближающейся гибели, ибо Великий Саусесан, как помнишь, обещает им новую жизнь после того, как высосет Энхор до дна. Я также сомневаюсь, что этого человека кто-то из старших рангом хаоситов посвятил в такое важное знание. Очевидно, что он хочет выиграть время, но не для того, чтобы прожить еще несколько дней и сгореть, в конце концов, на костре.

— Для чего же еще? — Эвтей задумался, поглаживая подбородок тремя пальцами — привычка, сохранившаяся за ним со времен ученичества. — Дать родне возможность организовать побег? Вряд ли, мы хоть оба недолюбливаем Жгералиха, его лояльность Порядку несомненна. Может, обычного преступника за большую взятку он и отпустит. Но до пособничества Хаосу начальник Темницы не скатится.

— Не думаю, что для подобного побега, — сказал Мийэн, ему только что пришла мысль, от которой спокойствия после начала разговора с Эвтеем не прибавилось. — Скорее, чтобы дать время другим хаоситам освободить его и тех, кто был с ним в деревне. Вот кто-то из них, вероятно, занимает высокое положение среди хаоситов. А тот, кто опозорил Грелимарай, не так глуп, как кажется. Если его словам поверят, и храмовники вышлют отряд на поиски, это займет определенный срок, может быть месяц. Суд над всеми ними по закону Наместник будет вынужден отложить на это время. Месяца вполне хватит, чтобы напасть на город с приличной подготовкой! Темница хорошо охраняется внутри, но не снаружи, есть шансы, что хаоситам удастся осуществить задуманное.

— Я верно поступил, когда решил навестить тебя сегодня, — ошеломленно проговорил

Эвтей. — Надо предупредить орден и Наместника.

— Не спеши! Я ведь пока предполагаю, что все, что я сейчас тебе рассказал, имеет отношение к действительности. Мизерный шанс, что этот хаосит на самом деле раскаивается, все-таки отметить нельзя, как бы мне этого не хотелось. Порядок прощает заблудшие души, загубить такую, которая искренне готова признать свои злодеяния и отвернуться от Хаоса, не меньше преступление.

— Все равно, сообщить эти сведения, пусть и бездоказательные, следует.

— Я же сказал всего лишь не спешить, конечно, следует. И ты сделаешь это завтра. Его же не собираются перевести из Темницы под домашний арест? — спросил Мийэн.

— Я был против, когда поступило такое предложение, — ответил Эвтей. Да, отличного ученика ты подготовил, подумал главный смотритель порта Грелимарая. Есть чем гордиться!

— Правильно. Нам бы очень помогло сейчас присутствие Аархина, но он в лучшем случае явится сюда через пару-тройку дней. Поэтому действовать будем так. Когда твоя очередь идти на очередной допрос?

— Завтра утром.

— Значит, придется на маяк завтра подниматься одному Фульмеру.

— Ты хочешь, чтобы я провел тебя в камеру к этому хаоситу? — Песчаная голова уловил самую суть идеи старого учителя.

— Да, я попробую нажать на него с помощью энергии и выяснить правду, хочет ли он прощения или готовит ловушку храмовникам.

— Нажать? Пытки же давно запрещены, хотя, по сути, никогда не противоречили Порядку. На тебя это не похоже.

— Пытки здесь не помощники, — объяснил Мийэн. — Уверен, что под ними хаосит будет рыдать и твердить, что правда знает, где находится ставка Хаоса в Энхоре. Есть кое-какие потоки энергии, которым не учат тилбэчинов.

— Почему? — в голосе Эвтея зазвучал неподдельный интерес. Он всегда стремился к новым знаниям, а это можно было только поощрять.

— Эти умения практически никто из тилбэчинов не может повторить, как бы они не старались. Это потоки из арсенала н'шастов.

— Но как?! Как ты научился им?!

— Не научился, — сказал Мийэн, чуть поддразнив молодого храмовника. — Я лишь создал свой, оригинальный поток, чуть похожий на тот, что когда-то показывал мне Аархин Маггорайхен. Мое плетение не обладает мощностью энергии н'шастов, но вполне влияет на обычных людей, не использующих силу.

— Смогу повторить? — Песочная голова заерзал на стуле, сгорая от нетерпения. Он всегда отличался неусидчивостью в годы обучения в Храме Тибора.

— Думаю, что да. Если мне удастся побеседовать с тем хаоситом, ты увидишь, как я формирую энергию в поток на практике. Если что-то останется непонятным в плетении — после разложу по этапам, как постичь это умение постепенно. Придумал, как провести меня мимо подчиненных Жгералиха?

— Тут и изобретать ничего не надо! — воскликнул Эвтей. — Указания о том, чтобы проводить допрос поодиночке, сверху не поступало. Оденем тебя в старую сутану с капюшоном, нацепим бороду, даже я тебя не узнаю.

— Полностью отдам себя в твои руки в этом вопросе. Если хаосит действительно

оттягивает время, то ты сразу отправишься в храм Тибора, доложишь ордену, что охрану заключенных стоит увеличить не в два раза, а на порядок. Если он действительно раскаивается, что ж, есть шанс, что тайная база прислужников Хаоса будет найдена.

— Так и сделаем!

Эвтей ушел, и Мийэн откинулся на спинку кресла. Вести, которые принес бывший ученик, смело можно назвать тревожными. Аархину, когда он придет за детьми, нужно обязательно рассказать о сложившейся ситуации. Захотелось фукеры, но Фульмера было ждать еще прилично. Мальчишку и девушек расселили на разных конца Грелимарая, ему полдня придется бегать, пока он предупредит всех троих. Вечером слуги подготовят им комнаты в доме Мийэна и накроют на стол. Думы о пойманных хаоситах нужно перенести на завтра, решил Мийэн. За ужином отвлекаться на такие беспокойные мысли ему не хотелось. Он намеревался познакомиться с детьми поближе, почувствовать кипящую в них силу, чтобы вспомнить прошлое, когда он сам, столь же молодой, буквально светился энергией Порядка в ожидании восьмиконечных звезд на его руках.

Аархин не соврал — когда я пробудился, похмелье полностью отсутствовало. И слава богу — терпеть тупую головную боль, сухость во рту и прочие нехорошие эффекты моего обильного возлияния, конечно же, не хотелось. Странные мы все-таки существа — люди! Знаем, что некоторые глупые поступки приводят к, мягко говоря, малоприятным результатам, однако все равно совершаем их с завидным постоянством. Вообще я из числа почти непьющих граждан Российской Федерации, алкоголь употребляю строго по праздникам. Ну ладно, пиво иногда по вечерам в моей жизни присутствует, но в малых количествах и только после сложного трудового дня; оно не считается. Это перенос в чужой мир довел меня до того, что я позволил себе сегодняшнюю слабость. Оправдание неважное, согласен, но продолжать в таком духе пребывание в Энхоре уже не стану. Тем более, что на меня возложили серьезную миссию, пропади она пропадом! И ведь придется делать то, что велит Маггорайхен. Впереди меня ожидают твари вроде беургов, хаоситы, н'уданы и прочие неизвестности, вероятность моей гибели очень высока, но иначе путь домой мне заказан. Я бы с превеликим удовольствием отсиделся бы здесь, в пещере, но н'шаст четко дал понять, что иного выхода, кроме как взять на себя его роль, не предвидится. А жаль.

Спрыгнув с постели, я направился к ванне. Занятие боевым искусством Хранителей Порядка с удивительно китайским названием чой-хуа заставило меня изрядно пропотеть, причем, как виртуальном мире Акл-Миратэ, так и в настоящем. Оказалось, что любое физическое действие, совершенное в пространстве, существующем за счет чистой энергии Порядка, отражалось в реальности. Правда, только в том случае, если оно касалось магического искусства н'шастов. Например, обычные бег или зарядка в Акл-Миратэ вне его измерения не влекли за собой никаких последствий, а вот приемы фехтования, входящие в школу чой-хуа, наоборот. Можно было даже лишиться жизни. Все это напомнило мне незабвенную киберпанковскую трилогию «Матрица» за авторством братьев Вачовски. Получалось, что в Акл-Миратэ я исполнял роль Нео, а Аархин — Морфеуса, только без красных и синих таблеток.

Любезный владелец тела, в котором я на неопределенное время поселился, объяснил принцип работы каменной купальни, основанный, естественно, на магии. То есть на энергии — слово «магия» для энхорцев не было знакомо, Маггорайхен утащил его в свой лексикон из моей светлой головы, как и слова «заклятие» с «заклинанием». В этом мире людей, умеющих творить чудеса с помощью энергии, называли тилбэчинами. Ага, никаких волшебников, магов, колдунов, кудесников и так далее. Даже как-то скучно. Я уточнил у Аархина, каким это образом житель планеты Земля, ни разу не сталкивающийся с проявлениями энергии Порядка, с этими чуждыми потоками силы, вдруг может что-то там наколдовать. Он ответил, что я в действительности и не буду использовать магические чары. Ванна была настроена на определенный жест левой руки, которой активировал конкретный поток энергии, установленный н'шастом. Это закливание забирало из той самой реки, выручившей меня от разъяренного бурого чудовища, необходимый для купания объем воды, одновременно подогревая его до температуры, которая устраивала хозяина дома. Я в точности повторил в воздухе рисунок, показанный Маггорайхеном, и вырубленное в горной породе углубление наполнилось прозрачной водой. Хорошо, что без рыб и водорослей,

подумал я. Еще расстроило, что это заклинание не обладало каким-либо внешним признаком энергии. Я сначала решил, что вот сейчас увижу, как синие и красные молнии ударят в камень, разбрасывая искры, как вода шумно начнет подниматься до самого края, а купальную пещеру заполонят звуки волшебства. А по факту я просто смотрел в пустую ванну, которая через неуловимое мгновение стала полной. Совсем неинтересно. Хотя должно ли заклятие, предназначенное всего лишь для мытья, быть впечатляющим? Наверное, нет.

Воду Аархин, как выяснилось спустя минуту, любил чуть теплую, а я предпочитал горячую. Пришлось довольствоваться его выбором, но в итоге я даже поблагодарил судьбу, за то, что н'шаст не был моржом. В смысле, не животным — моржом, а закаляющимся человеком, хотя образ Аархина дополненный усами и бивнями развеселил. Холодная вода меня серьезно напрягала, а причины этой ненависти крылись в далеком детстве, когда моя бабушка Галина Егоровна втемяшила себе в голову мысль, что внучку будет полезно обливание и растирание снегом. С тех пор я превратился в натурального мерзляка. Нулевая температура на улице для меня уже катастрофа.

Закончив водные процедуры, я пулей вылетел из ванны в спальню, постукивая на ходу челюстью. Там я завернулся в теплое полотенце и принялся обдумывать второе путешествие в Шантайз, надеясь, что оно закончится совершенно не так, как первое. Маггорайхен был прав, дожидаться утра не следовало, зачем оттягивать неизбежное? Он рассказал, что в лесу, отделяющем его жилье от города, практически не водились хищники, поэтому особой разницы — идти через него днем или пробираться ночью — не было. А Беург забрел сюда откуда-то издалека, видимо, захворав бешенством. Подобный зверь представлял опасность в любое время суток, в чем я убедился утром. Я пока не проверял, караулит ли дикое чудовище выход. Аархин предположил, демонстрируя очередной прием чой-хуа, что, скорее всего, беург уйдет, потому что животные с такой болезнью долго на одном месте не сидят. Но если рогатый монстр еще там, этот удар мне пригодится. Хотя я не мог вообразить себя с мечом наперевес, спокойно идущего на шестипалое страшилище, я очень тщательно запомнил движение. Мало ли.

Кстати о мече. Клинок Аархина был выкован магом-кузнецом из прочнейшей стали с помощью молота, наковальни и особых потоков силы. Обычный человек его даже не поднимет, простой тилбэчин не раскроет и половины потенциала этого магического оружия. И сейчас я был готов позвать клинок, чтоб ощутить в руке мощь энергии Порядка. Йенталстуакрахт. Походящее имя для меча н'шаста. Хрен его выговоришь, пару раз не запнувшись. Я спросил Аархина, почему в Энхоре такие странные имена, названия городов, почему даже оружие зовется беспорядочным набором букв. Нет, у нас на Земле тоже встречаются великолепные образчики, о которые язык легко сломать в нескольких местах. Чего стоит исландский вулкан Эйяфьятлайокудль или валлийская деревенька Лланвайр-Пуллгвингилл, в народе более известная как Лланвайргпуллгвингиллогерыхверндробулллантисилйогогогох. Но в Энхоре это приобретало поистине мировой характер! Может, так сказывается сильное влияние Хаоса? Аархин отрицательно покачал головой, но подтвердил, что Хаос влияет на Энхор иным способом. Подробности обещал поведать в следующий сеанс нашей парной терапии на просторах Акл-Миратэ. Вообще пора уже было составить подробный список вопросов, ибо меня интересовало многое. Сколько длится год в Энхоре, как называются месяцы, часы; сколько тут государств и так далее. В моем долгом походе домой познания в местной

географии, истории, политики и еще, черт знает, в чем обязательно понадобятся. Но это все позже, я подвязал полотенце, будто набедренную повязку, встал в героическую позу, воображая себя Конаном, варваром из Киммерии, вытянул правую руку к потолку и громко произнес:

— Йенталстуакрахт!

Прямо надо мной появился клинок, медленно вращающийся вокруг своей оси. Я с волнением обхватил рукоять и поднес волшебный меч поближе к глазам. Ролевыми играми я не увлекался, в смысле, развлечениями, связанными с переносом книжных и игровых миров в реальный мир. Не бегал по лесам в эльфийских одеяниях, не махал самодельными световыми мечами из «Звездных войн», не стрелял из деревянных ружей в отряды немецко-фашистских захватчиков. Другими ролевыми забавами мы с Мариной иногда баловались, на зависть многим знакомым, но в меру. Так вот, в боевом железе я абсолютно ничего не понимал. Рукоять Йенталстуакрахта вырезали с кости неизвестного животного. По крайней мере, мне так подумалось на ощупь. Гарду украшали два изумруда, стоимость которых я боялся представить. Сам обоюдоострый клинок сужался от основания до острия, а с обеих сторон я увидел выгравированные иероглифы, которые означали одно и то же — Йенталстуакрахт. Вместе с рукоятью длина меча составляла на взгляд сантиметров семьдесят-восемьдесят, а в том, что клинок режет не хуже опасной бритвы цирюльника, я само собой не сомневался. Оружие Хранителя Порядка удобно лежало в руке, вес практически не чувствовался, хотя на земле такой весил бы больше килограмма. Я сделал пробный взмах, рассекая воздух. Чой-хуа, блин! В жизни не убивал никого, а теперь это могло произойти в любой момент. Я лишь сейчас сообразил, что не знаю наверняка, хватит ли у меня сил забрать жизнь у человека. Да еще мечом, оружием ближнего боя. Я бережно положил клинок Аархина на кровать и пошел одеваться. В гардеробе помимо свежей рубахи и штанов, я нашел пояс с кожаными ножнами, который отныне собирался стать моим верным спутником. Ни еды, ни воды в этот раз я не захватил, уж Крамди Палстарник без сомнения напоит и накормит старого друга н'шаста.

Из пещеры площадка у выхода выглядела пустой. Беург ушел, но Йенталстуакрахт прятать в ножны я пока даже не думал. Я вышел наружу. Вечер уже разливал краски по небу, солнце неспешно клонилось к горизонту. Шантайз ждал меня на прежнем месте за лесной полосой. Я успел сделать несколько шагов к наскальной лестнице, когда сзади сверху раздалось приглушенное рычание. Плавню обернувшись, я увидел знакомую рогатую голову; из раскрытой пасти чудовища капала на камень слюна. Тварь хоть и была бешеной, хитрости не растеряла. Беург забрался на горную породу и тихо сидел в засаде, словно чувствовал, что его жертва рано или поздно покинет свое убежище. Я чуть приподнял меч, надеясь, что энхорский медведь поймет, что со мной шутки плохи, но беург лишь медленно заскреб когтями. Я принял боевую стойку, с которой начинался прием, показанный Маггорайхеном. Оставалось только ждать, пока монстр совершит атаку. Страх подкатил к горлу, чудом мне удалось первый раз сбежать от чудовищных когтей, а теперь я должен был вступить в драку с настоящей машиной убийств. Железка в моей руке против гигантской людоедской туши — вот уж веселуха.

— Прыгай уже, тварина мохнатая! — крикнул я. Беург послушно исполнил мою безумную просьбу. В последний момент я струхнул и вместо заученного удара отскочил в сторону, причем не обратно в пещеру, где магический барьер опять бы меня выручил, а к вырубленной лестнице. Шестилапый медведь приземлился на площадку, кляцнув

страшными зубищами. Теперь разъяренный зверь закрывал мне путь к спасительному жилищу Хранителя Порядка. Я вновь принял стойку для специальной атаки, прекрасно понимая, что каменные ступени за спиной сейчас мне ничем не помогут. Но беург меня опередил, я глазом не успел моргнуть, как огромная лапа со смертоносными когтями выбила меч из руки, отправив Йенталстуакрахт в неожиданный полет. Вскоре я услышал, как клинок зазвенел где-то внизу. Рогатый представитель животного мира Энхора обезоружил свой ужин и, судя по ощерившейся морде, был чертовски доволен. Я мог выкрикнуть имя меча, чтобы он вернулся ко мне, но беург вряд ли бы предоставил на это время. Я уже смирился с тем, что погибну, не успев ровным счетом ничего. Страх исчез, я закрыл глаза. Читал же когда-то в книгах, что перед смертью люди иногда теряли рассудок, а иногда наоборот — их разум оставался ясным, приходило безмятежное спокойствие. Вот довелось испытать на себе. Я уже почти представил лицо Марины, чей голос приготовился никогда больше не слышать, как вдруг до моих мозгов достучалась удивительная мысль. Какого, спрашивается, хрена, я тут успеваю думать о жизни и смерти, когда уже давно должен был разорван зверем? Я резко поднял веки, и передо мной предстала удивительная картина. Беург еле двигался в прыжке, его что-то сдерживало, превращая стремительный удар дикого зверя в невероятно медленный бросок. Только магия способна на такое. Но кроме нас с рогатым мишкой вокруг никого. Плевать, какая разница! Теперь я не мог позволить себе очередной раз совершить глупость. Выкрикнув имя волшебного меча, я уже спустя мгновение был готов сокрушить чудовище. Сконцентрировался. Беург приблизился на столько, что я мог просто его проткнуть, но Аархин сказал, что один обычный удар такого монстра не убьет. Поэтому, следуя своей памяти, я завел локоть чуть за спину, следом толкнул Йенталстуакрахт вперед, резко выворачивая кисть вправо. В ту же секунду, я почувствовал, как от моего плеча вдоль всей руки хлынула энергия, которая быстрым потоком перетекла в меч. Больше всего это походило на то, если бы мурашки пробежали строго по одной части тела, да с такой силой, будто вызвал их электрический разряд. Клинок н'шаста замерцал зеленым светом, входя в мохнатую грудь чудовища. В воздухе что-то хлопнуло, а огромную тварь вдруг отбросило от меня к пещере. Замедленная голливудская съемка кончилась, мир приобрел свою обычную скорость. Рогатое чудовище тихо скулило, распластавшись на площадке. Кровь толчкам выходила из раны, которою я нанес ему Йенталстуакрахтом. Еще минута — и зверь навсегда замолчал. Чой-хуа на самом деле оказалось эффективным и летальным боевым искусством. Я, естественно пребывая в шоке, посмотрел на меч. Красная жидкость мелкими каплями спадала с него под ноги. Вот тебе и путешественник между мирами! Убил гигантского монстра! Я заорал изо всех сил, понимая, что не только совершил настоящий подвиг, но и сохранил себе жизнь. Дима Ладыженский — победитель беургов! Затем я с опаской подошел к трупам медведя-мутанта и слегка потрогал его острием клинка. Но тварь не притворялась, я действительно избавил Энхор от этого бешеного животного, которое могло сожрать случайных путников. Я вытер окровавленный Йенталстуакрахт о шерсть рогатого чудовища. Ему уже все равно, а мне одежду пачкать не хотелось. Спрятав клинок в ножны, я огляделся. Невидимый помощник не объявился, а уверенность в том, что мне помогли, не выходила из головы. Ведь не я же каким-то способом сотворил заклинание. Задерживаться дальше я не стал, лишь решил держать ухо востро.

Дорога к реке, как и в прошлый поход, не заняла много времени. Я шагал через мост, вспоминая дневной побег от беурга. Вот уж незавидная судьба у этого зверя. Думал, что нашел легкую жертву, а в результате погиб от руки иномирянина. А все чой-хуа, если б не

оно, то вместо меня сейчас по мосту бежало бы сытое чудовище в поисках следующего бедняги на закуску. Жаль, что заслуга тут все-таки не моя, а тела Аархина Маггорайхена. Но управляешь им ты, Дима, не надо скромничать.

В лесу, в котором из-за наступающих сумерек быстро темнело, я увидел следы дебютной встречи с рогатым зверем. Но теперь я слышал, что в ветвях бьют крыльями птицы, значит, мирная живность вернулась в свой дом. Ничего, скоро я тоже попаду на Землю. В гостях, как говорится, хорошо, а дома лучше. А после такого приключение — в миллион раз лучше!

Лес оживал на глазах. То тут, то там пролетали те самые мохнатые шарики, так напугавшие меня днем. Я уточнил у Аархина их название, пока мы отдыхали между изучением премудростей чой-хуа. Это были вистлы, и как ни странно, они принадлежали к царству насекомых. Зачем им шерсть? А пес их знает, вероятно, очередное проявление Хаоса в Энхоре. В любом случае, вистлы опасности не представляли, в отличие от хищных беургов. Аархин также сказал, что ночной порой эти мохнатые малыши чудесно поют. Где-то через минут двадцать пути на тропу выскочило новое существо. Оно замерло недалеко впереди на несколько мгновений, прежде чем дать стрекача в густые кусты. Но я успел его хорошо разглядеть. Это было некрупное животное, прыгающее на задних лапах, словно австралийский кенгуру. Кажется, даже сумка под грудью имелась. Голова сильно напомнила кошачью, но уши этому зверю явно достались от кролика. Вот лучше бы такие животные и попадались мне в дороге. Милые и боязливые, а не яростные и зубастые. Захватить бы такую чудо-зверушку домой, вот фурор выйдет. Дамы и господа, впервые на арене цирка дрессировщик Дмитрий Ладыженский и его необыкновенный кенгуруобразный кошкокролик по кличке Жмых! Очередная глупая шутка, конечно, но Марина бы точно оценила, а большего мне и не надо.

Тропа вывела меня на лужайку. Уже совсем стемнело, на небесах Энхора зажглись звезды. Из травы зазвучали те самые песни вистлов. Луны я не заметил, хотя кто сказал, что она должна тут быть? Планета Энхор — не Земля, и отличий от третьей планеты Солнечной системы итак завались. Шантайз практически не выделялся из темноты, что неудивительно. Электрического освещения мир, где Порядок воевал с Хаосом, еще не знал.

Крепостная стена первого города, увиденного мной в чужом мире, была метра три. Невысокая, длинных осадных лестниц, чтобы через нее перебраться тут в случае нападения, не требовалось. Наверное, здесь патрулировала городская стража, но пока что стена казалась неохраняемой. Я двинулся в сторону ворот, деревянных, но обитых стальными листами, чтобы вражеский таран не сразу их пробил. Я остановился, еле нашел в темноте маленькое закрытое окошко и постучал в него. Потом еще раз, потому что ответа не последовало. Ждать пришлось долго — к тому времени, как за воротами послышалось движение, я уже был очень зол. Окошко со скрипом отворилось. Заспанное лицо стражника объяснило причину томительного ожидания. Мужчина с круглым шлемом на голове зевнул, огонь его факела осветил при этом зубы, часть из которых отсутствовала.

— Кого там еще поздним вечером принесло? — с недовольством спросил стражник. Ах, вот как ты заговорил, ну держись. Еще не ночь, а ты уже спишь! Я приблизил к его морде и ответил:

— Аархина Маггорайхена!

Мужик тут же переменился в лице. Сонливость разом покинула его, и он громко загремел ключами.

— П-п-простите, месэр н'шаст. — Стражник пытался вставить нужный ключ в замок, но, видимо, одной рукой это выходило, скажем, плохо. Хотя скорее дело было в том, что он задрожал осенним листом, сообразив, кого так прохладно встретил.

— Факел пока убери, — посоветовал я, сдерживая смех.

— Да все, попал, Хаос заberi этот ржавый замок! Ой, простите... Месэр Маггорайхен Я имел в виду, что эту треклятую железку давно пора заменить, я ж не хаосит, просто ругнулся, — беспомощно залепетал стражник, открывая правую створку ворот. Он был в плаще и кольчуге, наверное, прямо так и спал.

— Впредь опасайся лишний раз поминать Хаос. Времена теперь беспокойные. Да убережет тебя Порядок!

— Слава Тибору, месэр!

Я продолжил путь, оставив беднягу-привратника позади. Улица, по которой я двигался, не была вымощена камнем. Странно, думал, что Шантайз крупный город, а стена и земля под сапогами теперь в этом разубедили. Меня со всех сторон окружили здания, как деревянные с соломенной крышей, так и сложенные из крупного кирпича с черепичной. Кое-где горели факелы, а из ближайшего трактира через распахнутую дверь доносился шум. Тратить драгоценное время на осмотр местных достопримечательностей я не собирался. Знал, что успею позже насладиться энхорской архитектурой в Грелимарае. Сейчас мне было нужно идти по этой улице до городской площади, никуда не сворачивая. Я возрадовался, когда в Акл-Миратэ Аархин сообщил, что жилище его друга найти проще простого. Даже если бы н'шаст на карте показал бы мне иную дорогу, я бы не запомнил. Вернее, запомнил бы, но уже на месте растерялся как младенец, которого случайно забыли родители в торговом центре. Географический кретинизм, к сожалению, был неотъемлемой чертой моей личности. Это очень бесило Марину, но слава Порядку, на этом все и заканчивалось. На площади с одной стороны находилась резиденция шантайзского Наместника, а с другой Библиотека, где обитал Крамди Палстарник.

Мимо проходили редкие люди. Как выяснилось, ни эльфов, ни гномов, ни прочих разумных существ в Энхоре не существовало, а жаль. Одно дело — встретить фантастических зверей, а совсем другое — столкнуться с народами, о которых раньше лишь читал в книгах. Было бы прикольно пожать руку остроухому лучнику или пропустить кружку пива с бородатым коротышкой. От моих юношеских фантазий отвлек внезапный голос из примыкающего переулка.

— Аархин! — кричал молодой парень. Последовав наставлению Маггорайхена, я повернулся к нему, важно кивнул головой и потопал дальше. Но этот житель Шантайза оказался настырным мальчишкой.

— Подожди же. — Он начал догонять меня, а я как дурак ускорил шаг. Парень тоже прибавил ходу и поравнялся со мной. Ну принесла нелегкая, разговоров со знакомыми Хранителя Порядка мне только не хватало. Впереди появились стражники с факелами, вот бы сбegrить этого парня им, мол, пытался ограбить. Да кто же поверит, что кому-то в голову взбрело обчистить карманы н'шаста.

— Слушаю, — вынуждено сказал я, не сбавляя ходу. Быстрее, быстрее к Библиотеке.

— Я принял важное решение, — воодушевленно произнес юноша. — Брошу занятие музыкой и стану храмовником!

— Что же, да поспособствует тебе Порядок. — Я чуть не добавил — юный падаван, но вовремя прикусил язык. Шутки про «Звездные войны» этот парень не поймет, зато удивится,

что Аархин вдруг подзабыл имя своего, хм, приятеля.

— Я собирался к тебе прийти завтра. — Ох, чувак, ты мог бы встретить там не господина Маггорайхена, а голодную тварь.

— Зачем? — брякнул я, не подумав, что вопрос может вызвать подозрение.

— Чтобы ты начал первичное обучение, — ответил парень, улыбнувшись. — Ты когда-то обещал моему умирающему отцу, с которым однажды разбил отряд хаоситов, что отправишь меня в этом, если я решу учиться на тилбэчина. Так вот, я решился!

— Придется отложить наши занятия. Я сегодня срочно отплываю по неотложному делу, но как только вернусь, исполню взятое мной обязательство.

— Клянешься именем отца?

— Да, клянусь именем твоего отца, — подтвердил я, не знаю, правильно ли отвечаю этому прилипчивому юному господину.

— Нет уж, клянись полностью! Неужели н'шаст забыл древнюю клятву? — парень снова улыбнулся, подначивая своего знакомого. Да кто он, мать его, такой, чтобы так дерзко общаться с Хранителем Порядка? Только вот Аархином я не был и древнюю клятву в жизни никогда не слышал. Ой, что сейчас будет... Я не придумал, что произнести вместо требуемых от меня слов, а просто остановился и сказал:

— Парень, отвали. Мне некогда, Порядок ждет.

Глаза парня сразу расширились, а брови едва не заползли червяками на лоб. Он вдруг затрясся, словно его охватил невыносимый озноб, уставил на меня указательный палец и заорал проходящей мимо страже:

— Ганур! Ганур! — после этого представления, будущий ученик Аархина Маггорайхена сорвался с места и скрылся в ближайшем переулке. Воинов на улице было шестеро, но двое из них тут же присоединились к знакомцу Хранителя Порядка. Только пятки засверкали. Где-то пронзительно завизжала женщина, вдалеке подхватили странное слово, которое выкрикнул перед побегом парень. Оставшиеся стражники обнажили клинки, но я готов был биться об заклад, что эти солдаты Шантайза на грани. Еще чуть-чуть, и они тоже удерут, только их и видели.

— В чем дело? — Я выхватил из ножен Йенталстуакрахт, будто сумел бы его сейчас применить против невинных людей. — С каких пор стража нападает на н'шаста?

— А вы точно месэр Маггорайхен? — заикаясь от страха, спросил воин с бородой, видимо, старший по званию.

— А кто же еще?

— Ганур! Мальчишка не стал бы говорить вслух такое!

— Я не ганур. — Елки-палки, да кто такой этот ганур?

— Отродья Хаоса не в силах прочесть молитвы Тибору, — вдруг сказал другой солдат, который, судя поднятой руке, собирался бросить в меня горящий факел. — Прочтите ее, тогда мы убедимся, что вы Аархин Маггорайхен.

Молитвы богу Порядка, как и древней клятвы именем, я само собой, не знал. Тем более я взаправду не был тем, кем выглядел. А в том, что я не ганур, а всего лишь Дмитрий Ладыженский с планеты Земля в теле н'шаста, простых стражников не убедить. Поэтому, недолго думая, я рванул по улице. Позади закричали воины, но преследовать меня, естественно, они не стали. Ужас перед неизвестным гануром словно наполнил их обувь тяжеленными булыжниками.

Я бежал к площади, которая уже приближалась, проклиная настойчивого юношу.

Угораздило же нас повстречаться. Между прочим, удивительное совпадение, я бы сказал, что дело не чистое. Шантайз за короткую минуту превратился из спящего города в охваченное паникой место. Люди выскакивали из домов, плакали дети. Устроил я переполох, узнает Аархин — не порадуется. А с другой стороны, на что этот Хранитель Порядка рассчитывал? Я внезапно почувствовал приближающийся жар и инстинктивно пригнулся. Надо мной пролетел пламенный шар, расколовшийся чуть впереди на искры. Я на бегу посмотрел через плечо. Люди в сутанах направляли энергетические потоки в мою сторону. Храмovníки, служители Порядка. Тилбэчины! Явились, чтобы уничтожить ганура — злобного демона или еще, хрен знает, кого. Великолепно. Площадь наводняли испуганные люди; я смешался с толпой, уповая на разум преследующих меня магов. Не будут же они палить по мирным гражданам Шантайза! Здание дворца Наместника высилось по левую сторону. С виду — типичный театр оперы и балета. На флагштоке реяло знамя, но что на нем изображено, я не видел. Я стал протискиваться сквозь людской поток в противоположную сторону, к одноэтажному строению Городской библиотеки. Она была похожа на длинный серый параллелепипед, с маленькими оконцами по периметру. Я подбежал к входу и стал барабанить в деревянную дверь. Площадь бурлила, как бы давка не началась! Не хватало, чтоб я оказался причиной гибели безобидных жителей Энхора. Раздались громкие голоса, видимо, усиленные магией:

— Именем Порядка остановитесь! Не бегите, Храм Тибора взял ситуацию под контроль. Внимательно присмотритесь к тем, кто с вами рядом. Последний раз ганур выглядел как Аархин Маггорайхен!

Люди, слава богу, перестали толпиться. Слова тилбэчинов их чуточку успокоили. Я от Библиотеки видел, как они взволнованно трогали соседей, что-то спрашивали друг у друга, пытаясь таким способом обнаружить ганура. Еще немного, и кто-то обратит на меня внимание. Возле серого здания меня было трудно не заметить, тем более тут горели странные светильники. Наконец, я услышал за дверью звук отодвигающегося засова. На пороге возник пожилой мужчина с плешивой головой, одетый в потертый зеленый халат. Его длинный нос грозил проткнуть меня не хуже Йенталстуакрахта. Подняв к лицу зажженную свечу, он с интересом всмотрелся в мои глаза, а потом быстро сказал:

— Заходи скорее ганур, а то убьют.

Видеть перед глазами шелковый балдахин кремового цвета было куда приятнее, чем белый мрамор крышки саркофага. Н'шасты не просто заживо погребли своих врагов, они придумали изощренную пытку. Временами Хашайя приходила в себя, и ее взгляд упирался в холодный камень, подсвечиваемый изнутри начертанной звездой Порядка. Сколько длились такие моменты, она не знала, иной раз казалось, что Шайя лежала, уставившись на ненавистный символ, месяц или больше. Это было истинное мучение. Не сдвинуться с места, не заснуть, а лишь медленно терять рассудок от собственных мыслей, жажды и голода. А потом возвращалась тьма.

Сейчас Хашайя пробудилась от первого после заточения настоящего сна и чувствовала себя превосходно. Она потянулась, ощущая голой кожей гладкую ткань, скрывающую набитую нежным пухом перину. А ведь когда-то Шайя думала, что едва ли ей суждено еще раз провести ночь на обычной постели, что уж говорить о таком шикарном ложе, как в ее личных покоях в Тайном убежище н'уданов. Комнате мог позавидовать любой богатей. Потолок украшала мозаика ручной работы, снизу казалось, что это цельный, а не составленный из кусочков смальты рисунок. Настолько мелкие кусочки декоративного стекла разных цветов были плотно подогнаны друг к другу. Стены, обшитые панелями из красного дерева с черными линиями, сами по себе являлись шедевром декора. Камин, сложенный в виде распахнутой пасти беурга, поражал проделанной работой. Мастер, который его изготовил, верно служил Великому Саусесану, теперь этот хаосит был мертв.

Хашайя слегка приподнялась на кровати и нашла взглядом светло-зеленый халат, который лежал на стуле возле дальней стены. Она вытянула руку в его направлении, коснувшись энергии для создания нужного потока. Искра вышла настолько слабой, что халат даже не шевельнулся. Шайя отругала себя за наивность — глупо было рассчитывать, что за одну ночь ее силы восстановятся хоть да такого примитивного уровня. Она откинулась на подушки, разметав по ним свои угольно-черные волосы. На резном обсидиановом столике рядом стоял стакан с водой, который Хашайя принесла с кухни перед сном. Она утолила жажду, размышляя, чем вскоре заняться.

Для начала, конечно, следовало выяснить текущее положение в Энхоре. Какие страны воюют, какие династии у власти, каково сейчас соотношение сил хаоситов и храмовников Тибора. Если Ритайлина не сглупила, она заранее подготовила нужные сведения и документы и оставила их в библиотеке. Хашайя до сих пор не верила, что зеленоглазая беспрепятственно бродит по Убежищу, заходя в любые помещения, за тайну которых сотню лет назад была готова расстаться с жизнью. Но пути Хаоса неисповедимы, все только на руку Великому Саусесану, пусть сама Шайя и не сильно радовалась новому союзнику.

Затем было важно продумать осуществимый в сегодняшних условиях план по освобождению Энкрича. Хотя, будь воля Шайи, она оставила бы этого н'удана взаперти навсегда. Среди тех, с кем Хашайе пришлось служить Хаосу плечом к плечу, он был самым худшим человеком, но весьма эффективным воином и мощным магом. Шайя вспомнила, как от его потоков энергии расплескивались искры. В гневе Энкрич становился почти непобедимым. Высокий, около семи футов роста, тощий, словно высохшее дерево, он наводил страх даже на своих единомышленников. По его загорелому морщинистому лицу никогда нельзя было предугадать, что выкинет он в следующую минуту. В Энхоре Энкрича

прозвали Долговязая смерть, а такое имя так просто не заслуживают.

За несколько лет до того, как Хранители Порядка разбили н'уданов, Энкричу поручили похитить старосту одной деревни недалеко от Грелимарая. Этот староста оказывал помощь н'шастам и, вероятно, знал какие-то сведения, необходимые для победы над теми, кто слепо верил Порядку. Энкрич вскоре доставил человека в назначенное место, при этом Совет Хаоса уточнил, выполнено ли задание без свидетелей. Тощий с усмешкой подтвердил, что ни одна душа в деревне не узнала, зачем он ее посетил. Как выяснилось позже, вместо того, чтобы просто ночью проникнуть в дом к старосте и переместиться вместе с ним, Энкрич предварительно вырезал всю деревню, не щадя даже младенцев. Мертвый свидетель — лучший свидетель, пошутил он тогда, докладывая Совету подробности своего дела. Однако один человек из деревни чудом уцелел, он-то и поведал прибывшим храмовникам, что к ним явилась Долговязая смерть. Нет, Хашайя сама не раз жертвовала людьми независимо от их возраста, половой принадлежности или статуса в обществе. Став н'уданом, она, наконец, осознала, что человек, почитающий силу Порядка, — всего лишь расходный материал, с которым можно обращаться как угодно для достижения целей Хаоса. Когда Великий Саусесан высосет энергию из Энхора, он даст всем им новую жизнь, взамен старой бессмысленной, и души этих жертв будут только благодарны за столь щедрый дар. Но лишала жизни Шайя только в случае необходимости, а не для собственного удовольствия. Энкрич, подозревала она, уже давно обезумел наполовину. Смерть для него стала способом утолить свою похоть, свою страсть, ибо простые плотские наслаждения давно не приносили ему радости. Хаос позволял все, но в Хашайе со временем выросла личная неприязнь к этому н'удану. Таланты Энкрича, не связанные с его любовью к насилию, ценились всеми без исключения. Он был едва ли не единственным, кто бился на равных с Аархином Маггорайхеном. Поэтому Шайя вынуждено терпела общество долговязого, когда их пути пересекались. Слава Хаосу, что в Тайном убежище он появлялся крайне редко. Жаль, что в войне погибли достойные н'уданы, а этот безумец, погрязший в извращениях и истязательствах, выжил и оказался пленен в такой же Белой Пирамиде, как и Хашайя. Лучше бы н'шасты уничтожили Энкрича, а его место занял кто-то другой. Хотя бы Каеска. Или Ленцырбан... Но о нем сейчас лучше не вспоминать. Теперь же Хашайе и Ритайлине придется извлечь Долговязую смерть из вечной тюрьмы, чтобы приблизить царство Хаоса в Энхоре. Ради такого исхода, Хашайя была готова на все, даже делить с Энкричем завтрак.

Ей надоело лениво валяться в постели. Шайя опустила ноги на мягкий ковер, поджала по старой привычке пальцы, а потом направилась прочь из комнаты. Халат она решила в итоге оставить, после векового пребывания в одежде ей хотелось, чтобы тело подольше ощущало свободу. Тем более, Хашайя давно переборола внутреннее стеснение, присущее простым людям. Да и в Тайном Убежище сейчас не находилось никого, кто мог смутить своим взглядом обнаженную черноволосую женщину.

Хашайя ступала по коридору, стремящемуся прямой линией в библиотеку. Она помнила каждую картину на стенах, каждый предмет, служащий украшением, помнила, куда ведет любая из дверей, встречающаяся здесь по пути. Даже с повязкой на глазах и без использования жизненной энергии, Шайя нашла бы, где висит портрет короля прошлых времен, который пытался сменить веру в Тибора на истинную религию Хаоса. Без труда бы она отыскала и комнату, которую занимала Каеска, заставленную различными куклами со всех концов света. Погибшая подруга обожала собирать дорогостоящие игрушки ручной работы. Среди ее коллекции хранилась даже фигурка Аархина Маггорайхена. Множество раз

эту куклу в шутку разрывали на части энергией, а после сшивали обратно. Тайное Убежище н'уданов Хашайя искренне любила. Оно стало для нее вторым домом в отличие от Храма Порядка в Нагарских горах. Там она никогда не чувствовала себя своей. А здесь, казалось, даже такая мелочь, как древние песочные часы в Зале для медитаций, ощущалась родной.

Помимо н'уданов раньше в стенах этого искусно созданного места обитали пустышки. Так именовались особые слуги, сотворенные из тел мертвых людей с помощью сложных переплетений энергетических потоков. Пустышки имели вид бледных мужчин и женщин, облаченных в черные сутаны. Они призраками бродили по залам и коридорам, выполняя волю любого из отмеченных Хаосом. Пустышки занимались хозяйством, следили за каминами, а иногда служили тренировочным манекенами для отработки боевых плетений. Их существование поддерживала вливающаяся в давно неживые тела энергия. За пределами Убежища пустышки обращались в то, чем являлись на самом деле. В остывшие трупы. А пока они не покидали здешних стен, с ними было можно даже вести беседу. Правда, скучную и однообразную, потому что, лишившись разума и души, поднятые из небытия люди оставались не более чем безмозглыми созданиями. Ритайлина, конечно, не озаботилась присутствием пустышек, но, во-первых, она вряд ли нуждалась в слугах, пока узнавала это место в одиночестве, а во-вторых, бывший н'шаст явно не намеревалась лишней раз расходовать силы. Вскоре из тени впереди вынырнула цель Хашайи.

От высоких дубовых дверей библиотеки по-прежнему веяло древностью и мистической силой. Поговаривали, что эти двери перенесли сюда из старого убежища, давным-давно разрушенного Хранителями Порядка. Хашайя в этом почти не сомневалась, ибо всегда ощущала трепет, как только их видела. Она взялась за две металлические ручки, никогда не терявшие блеска, и толкнула массивные створки вперед. Двери бесшумно открылись, впуская Шайю в библиотеку, которая размером не уступала Главному залу.

Стеллажи из дорогого дерева, заставленные бесчисленным множеством фолиантов разной толщины, возносились тут к потолку. Пол из серого полированного речного камня приятно охлаждал босые стопы. Библиотека была разделена на шесть ярусов, к каждому из которых вела приставляемая деревянная лестница. Здесь хранились самые разнообразные книги: исторические энциклопедии, собрания потоков и плетений, обрядов и ритуалов, используемых силами Хаоса. Даже несколько копий томов из библиотеки н'шастов хранились тут, ведь всегда полезно познакомиться с тем, чем владеют и что знают вечные враги.

Сама Шайя любила левитировать здесь в воздухе, переворачивая страницы. Некоторые считали, что это просто бесполезное расточение энергии, но читать так ей казалось лучшим отдыхом. Теперь на время Хашайе придется забыть о предпочтительном для нее способе. Зал библиотеки освещали беззвучно парящие шары, безопасные для книг в отличие от свечей и факелов. Пространство посередине занимали столики для чтения и мягкие диваны, обитые красной кожей. Здесь в прошлом Хашайя старательно впитывала опыт н'уданов, тех, кого отметил Хаос в самом начале великого противостояния. На одном из столиков Шайя заметила раскрытую книгу, перо с чернильницей и свернутый лист. Она подошла ближе и взяла его в руки. Развернув бумагу, Хашайя поняла, что держит записку Ритайлины.

«Милая моя Шайя, я вернулась в полночь, но застала тебя до сих пор спящей. Спишу это на потерю сил после векового заточения. Помня твою любознательность, я оставила тебе здесь все, что необходимо для восполнения упущенного тобой. Можешь не тревожиться по поводу освобождения Энкрича. Я уже почти закончила приготовления, а когда вернусь

завтра, тебе лишь надо будет следовать мои указаниям. Твоя Ритайлина Чисхаргана. Двенадцатый день месяца дубов три тысячи двадцать второй год».

Хашайя со злостью смяла записку бывшей противницы и швырнула в сторону. Что эта перекроенная сука возомнила?! Мало того, что зеленоглазая обращается к ней — милая, словно они до этого жили душа в душу, да еще к тому же продолжает вести себя так, будто ей вручено особое полномочие от самого Великого Саусесана. Да, Ритайлине пришлось взять инициативу, когда в мире не осталось действующих н'уданов, но теперь ситуация изменилась. Она должна считаться с мнением Хашайи, а не давать ей распоряжений что, когда и как делать! Проклятье, если бы не энергетическое истощение, Шайя указала бы этой зазнавшейся дуре ее истинное место. Раньше их силы были равны, а в заклинаниях Хаоса Хашайя имела преимущество. Что же, терпение и еще раз терпение.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

С книгой в руках Шайя завалилась на диван. Обложка сообщила, что это справочник исторических событий с начала прошлого века до двадцатого года текущего тысячелетия. Полезная вещь, если продолжительную часть этого времени ты находилась погребенной заживо в Белой пирамиде. Ритайлина оставила открытой страницу, вверху которой значилась следующая запись:

«В двадцать первый день сосен две тысячи девятьсот шестнадцатого года от сотворения Энхора, возле города Тримашлонап в энергетическое узилище на вечное пребывание была заключена последняя из четырех выживших н'уданов Хашайя из рода Чеенув по прозвищу Черная».

Прелестно, Ритайлина очередной раз ударила в самое больное место. Этот день был ее триумфом, триумфом Порядка, и днем, когда Хаос едва не потерпел безоговорочное поражение. Напоминая Хашайе о ее печальной судьбе, перекроенная н'шаст не упускала возможности поиздеваться. Мысленно разделявая Риту на кусочки, Шайя принялась за чтение.

Энхор влачил все тоже жалкое существование. Порядок крепко держал над миром свою отмеченную восьмиконечной знаком длань. Уже четвертую эпоху история повторялась все снова и снова, словно мир крутился колоссальным колесом среди бескрайней пустоты, подсвечиваемой отблесками неисчисляемых звезд. Велись войны, вспыхивали эпидемии, хаоситы пытались доказать, что Хаос еще не побежден. Открывались земли за океанами, ученые умы изобретали новые механизмы для упрощения жизни, забывая, что главной движущей силой мироздания является не техника, а энергия. Священные потоки энергии, пронзающее насквозь само пространство-время. Зачем строить машину, способную облегчить работу дровосекам, когда перед возможностями плетений нет никаких границ? Порядок всегда ограничивал доступность энергии, это было одной из причин, по которой Хашайя перешла в стан служителей Хаоса. Но сейчас Шайю заботило другое — скоро ей предстояло явиться миру, сначала тайно — до восстановления прежнего состояния. А чтобы не вызывать подозрений, нужно запомнить всех правителей, стоящих у власти, всех верховных настоятелей Храмов Тибора в Энхоре.

От увлекательного занятия Хашайю отвлекли шаги. Она оторвалась от чтения, гадая, кто еще смог проникнуть в Тайное Убежище н'уданов. К ее дивану шла Ритайлина в походной одежде. На ней был плащ с серебряной застежкой, а сапоги оставляли за собой лужицы.

Никакого уважения к хранилищу тайн Хаоса! Могла бы переодеться прежде.

— Так быстро? Ты написала, что вернешься завтра, — сказала Шайя, принимая сидячее положение. Рита медленно скользнула глазами по ее груди. Затем она стянула с себя кружевные перчатки и легла на соседний диван, закинув ноги на подлокотник. Как будто у себя дома!

— Внезапные вести. — Перекроенная произнесла эти слова каким-то отрешенным тоном. Что еще произошло? Ритайлина тянула с объяснением, молча уставилась в библиотечный потолок, теребя перчатки.

— Может, не будешь тянуть и поделишься ими? Что случилось? — громко спросила Хашайя, сдерживая крик.

— На поле появился неизвестный мне игрок, вот что.

— Что ты имеешь в виду, изъясняйся точнее, я не хочу сейчас баловаться загадками!

— Я получила срочные сведения от информатора хаоситов из Шантайза. Этой ночью в городе сотни людей видели ганура.

— Ганура?! Что за чушь, откуда он мог взяться?

— В том и дело, что неоткуда, — ответила Ритайлина. Она приподнялась и посмотрела на Хашайю. В глазах бывшего н'шаста Шайя заметила растерянность. Не похоже, что именно эта женщина вчера так уверенно разговаривала, да еще позволяла себе определенную наглость.

— Я не знаю, как вызвать ганура, потому что не успела отыскать здесь в книгах нужного потока. Хаоситы вообще на такое не способны, хотя некоторые из них увеличили свою силу. Да если бы они и умели вызывать ганура! Они бы ни за что не применили бы энергию без моего ведома и одобрения, — продолжила Рита. — Но это не самое основное, что обеспокоило меня. Ганур каким-то образом принял облик Аархина Маггорайхена!

— Это абсурд! — воскликнула Хашайя. В голову даже закралась мысль, что зеленоглазая снова насмехается над ней. — Ганур может трансформироваться в любого человека, даже тилбэчина из числа храмовников, но никогда в н'шаста или н'удана. Таково условие Хаоса, позволяющее его верным слугам пользоваться вызовом этой твари из чуждого нам измерения.

— Тогда как это объяснить?

— Объяснение одно — Маггорайхен в Энхоре, твоя затея не удалась, а значит, нам пора пересмотреть дальнейший план, в который ты не спешишь меня посвятить.

— Нет, — отрезала Ритайлина, ее лицо скривилось, будто от боли. — О плане я собиралась рассказать тебе завтра, а мое плетение было выполнено идеально. Подготовка заняла несколько месяцев, пара особо рьяных хаоситов пожертвовали жизнью, чтобы поток сработал наиболее эффективно. Я находилась неподалеку, потому испытала мощную отдачу силы, когда Аархин исчез из Энхора. Ты говоришь ошибка? Сама энергия волнами накрыла меня в тот миг!

— Тогда он мог вернуться! Ты не знала его настоящих сил, этот человек один стоил десятка других Хранителей Порядка и н'уданов.

— Да, стоил. Но в Шантайзе видели не его.

— А кого, Хаос тебя заведи! — Шайя вскочила с дивана, отбросив книгу на стол. Она знала, что в ее глазах сейчас зажегся опасный огонек, обычно не суливший тому, кто его замечал, ничего доброго. Фолиант захлопнулся, обдав нагое тело Хашайи прохладой.

— Если бы тот, кого видели в Шантайзе, был Аархином Маггорайхеном, на него бы не

бросились храмовники! — крикнула Ритайлина, метнув перчатки к потолку. — Думаешь, Аархин не смог бы доказать, что он не ганур, а н'шаст? Почему у них вообще возникли мысли, что он не тот, за кого себя выдает?

— А ведь ты права...

— И, видит Хаос, мне не нравится моя правота! Что это за человек? И человек ли это существо? На чьей он стороне? Если на стороне Порядка, то почему скрылся от Храмовников? Если на нашей, то почему не приходит к нам? Эти вопросы начинают сводить меня с ума! Все задуманное теперь на грани полного невыполнения. Рисковать теперь опасно. Необходимо срочно связаться с Великим Саусесаном.

— И как ты это делаешь? — Шайя вернулась на мягкий диван. Ее тотчас охватило легкое возбуждение, ибо сама она выходила на прямой контакт с Повелителем давно. Она впадала в священный транс несколько раз, и каждый из них врезался в ее память, кровь и сердце до скончания веков. Это было не сравнимо ни с чем: ни с редким дурманящим наркотиком, ни со сладким плодом постельных утех. Это хотелось повторять и повторять вечно! Даже в объятиях Ленцырбана она не испытывала подобного наслаждения, а ведь он был прекрасным любовником, лучшим из всех!

— Это делаю не я, а тот хаосит, о котором я тебе уже говорила, — сказал Ритайлина, сжимая кулаки. Казалось еще немного, и она из дерзкого перекроенного н'шаста превратится в истеричную бабу. Хотелось на это посмотреть, вот была бы забава, но в данный момент важней услышать про связь с тем, кому они теперь вместе служили.

— Давай отправимся к нему, ты сможешь переместить нас обоих!

— Не выйдет. Этот хаосит находится на приличном расстоянии от убежища, в месте, где мне пока лучше не показываться. Это, кстати, чуть ли не важнейшая часть плана, если отступим от нее, то все точно рухнет тиргезу под хвост! Предлагаю поступить по-другому. Сегодня мы остаемся в Убежище, а завтра, как и задумывалось изначально, отправимся к пирамиде, удерживающей Энкрича. Втроем уже двинемся к тому человеку, который свяжет нас с Повелителем.

— Хорошо, что ты сподобилась предложить, а не приказать, — произнесла Хашайя, глядя в зеленые глаза Ритайлины. Устроить бы сейчас ментальное сражение с госпожой Чисхаргана! Но крупниц силы не хватит даже на самый захудалый удар, куда там до настоящей битвы. Перекроенная играючи размажет ее по полу, лишней раз потешив свое самолюбие. Шайя уже ругала себя за то, что после освобождения потратила энергию на полет.

— Отложим наши разногласия до других времен, — сказала Рита. — Если человек, позаимствовавший образ Аархина Маггорайхена, буде препятствовать нашему делу, то втроем нам будет легче его уничтожить, кем бы он ни был. Если он ведет свою, другую игру, то попытаемся выяснить, в чем она заключается. Ты согласна со мной?

— Согласна, Ритайлина. Самой не верится, что говорю тебе это, старый враг. Как будем выручать Энкрича?

— С боем. Долговязую смерть тщательно охраняют по сей день. И не простые солдаты, а храмовники Тибора.

— Хаоситы предоставят нам людей? — уточнила Хашайя.

— Разумеется. Теперь они стремятся показать себя в действии, а не отсиживаться, как было сто лет назад.

— Отлично! Что ж, я тоже готова размяться после длительного перерыва в заточении.

Мое тело не забыло чой-хуа!

— Похвально, дорогая, — сказала Ритайлина и добавила:

— Только небольшая просьба, не разгуливай обнаженной по Энхору, за твое вековое заточение ничего не изменилось — ходить по улицам без одежды до сих пор неприлично!

Бывший н'шаст улыбнулась, еще раз посмотрела на грудь Хашайи и покинула библиотеку. Шайя подавила желание схватить со стола чернильницу и швырнуть в спину уходящей женщине. Своим присутствием она оскорбляла стены сего хранилища знаний. Свинья зеленоглазая! Хашайя раскрыла страницу, на которой в алфавитном порядке перечислялись имена здравствующих королей, императором и Наместников Виленсбашига. Они были обыкновенны до невозможности, к ним всего-навсего прибавлялись прозвища и числа, обозначающие, каким по счету носителем имени был тот или иной властитель. Возле каждого из правителей художник изобразил цветными красками их гербы. Но из головы теперь не выходили мысли о таинственном человеке. Никогда Шайя не слышала, чтобы хоть самый могущественный тилбэчин сотворил поток, позволяющий такое преобразование. Но Хашайя еще молода по меркам н'уданов, пусть отныне ей уже сто пятьдесят два года; ее знания не столь велики. Что если Энкрич когда-то сталкивался с подобным? Да, Долговязая смерть был жесток и не совсем в ладах с собственной головой, но опыт его неоспорим. Хашайя обвела библиотеку взглядом. Здесь в обители книг тоже хранятся записи, которые способны пролить свет на этот вопрос. Но где найти столько времени на поиски нужного фолианта, когда каждый день на счету, когда каждый день чуточку, но приближает их к царству Хаоса в Энхоре? Одно успокаивало — пока человек, взявший личину Аархина Маггорайхена, бездействует, никто не встанет у них на пути. Никто!

Старый товарищ Аархин повел меня через просторный коридор внутрь книгохранилища Шантайза. Толстые стены здания не пропускали звуков с улицы, но, честно говоря, их я уже не желал слышать. Довольно было осознавать, что пару минут назад меня едва не превратили в головешку маги Порядка. Обидно, выжить после сражения с огромным чудовищем, и чуть не погибнуть от рук союзников. Храмовники, наверное, теперь весь город будут прочесывать в поисках неведомого ганура, а ведь мне позже надо будет как-то добраться до порта. Правда, именно сейчас меня волновало другое. Почему длинноносый Крамди Палстарник без боязни пустил меня в библиотеку, хотя, разумеется, понял, что я не его приятель-н'шаст? Пока же смотритель библиотеки безмолвно ступал впереди меня, высоко держа свечу над головой, а я покорно следовал за ним.

Потолки в этом коридоре были высокие, без каких-либо украшений. Мы прошли мимо массивных запертых на засов дверей, за которыми, видимо, располагалось само хранилище сочинений местных прозаиков, поэтов, философов, историков и, бог знает, еще кого. В детстве я посещал разные библиотеки, когда искал книги, входящие в школьную программу. Я никогда не причислял себя к особым любителям почитать, но в классе был единственным, кто эту самую школьную программу проглотил от корки до корки. В библиотеках всегда царила своеобразная атмосфера, складывающаяся из запахов сотен тысяч страниц и неповторимой тишины. Так вот, библиотека Шантайза была совсем иной. Здесь чувствовалась значимость даже в стенах, казалось, что мы шли по древней крепости, которая хранила тайны прошлых поколений. Может, раньше это здание служило другим целям? Была цитаделью сгнувшей империи? Вскоре мы с Крамди стали подниматься по скрипучей деревянной лестнице на следующий уровень.

Через минуту друг Маггорайхена привел меня в маленькую комнату без окон, весь интерьер которой состоял из двух чахлах стульев и стола на трех толстых ножках. На нем сиял непонятный светильник. Крамди указал на дальнее седалище, а сам покинул меня. Я без вопросов опустился на стул, опасаясь, что он тут же с треском развалится, но этот предмет мебели без труда выдержал. Если бы я не знал, что нахожусь сейчас в библиотеке, то подумал бы, что меня доставили на допрос к средневековому следователю. Комната навевала определенные мысли об этом. Сюда бы еще окошек добавить и металлических решеток для полного комплекта. Ага, и кандалы на руки и на ноги, да с чугуном шаром в придачу. Свою буйную фантазию не унять. Палстарник не спешил возвращаться, поэтому я начал скучать. Кажется, уже даже задремывал, но тут раздались шаги из коридора. Я спешно принял позу прилежного ученика, сложив руки на обшарпанной крышке стола.

Палстарник теперь держал в правой руке небольшой сверток. Он сел напротив, поставил свечу рядом со светильником и пристально взгляделся в меня. Его нос словно принюхивался ко мне, точно пытаюсь выяснить — что же я такое на самом деле.

— Кхм, — прервал я наше молчание, подбирая слова. — Я не ганур, господин Палстарник, то есть месэр Палстарник, произошло некоторое недоразумение.

— Конечно, ты не ганур, — безмятежно согласился библиотекарь. — Эти дурни снаружи забыли, что отродье Хаоса никогда не примет облик Хранителя Порядка. Но вот кто ты такой, во имя света! И что ты сделал с Аархином?

Я не собирался что-либо утаивать от Крамди, потому поведал ему все, что произошло со

мною с момента пробуждения в пещере. Он внимательно слушал, иногда почесывая нос, но я заметил, что рука со свертком до сих пор скрывалась под столом. Что у него там, интересно, оружие? Вдруг как пальнет в меня не пойми чем, и все, приехали. Я закончил свое увлекательное повествование, достойное отдельного вечера у костра в компании друзей, а Палстарник снова потрогал его выдающийся во всех отношениях шиобель.

— Допустим, все, что ты здесь наболтал, — истина. — Он нахмурил брови. — Такое выдумать не каждому под силу. Но я все равно не верю в перемещение между мирами. Что если ты — новый н'удан, которому Хаос открыл новый поток, способный на столь уникальное преобразование? Что скажешь на это?

— О, на этот счет Аархин посоветовал мне напомнить, что в Шантайзе есть некая дама, которой он обещал рассказать...

— Великий Порядок! — резво перебил меня Крамди. Я с удивлением отметил, что старый библиотекарь покраснел как стоп-сигнал на светофоре. Вот тебе и седина в бороде, вот тебе и бес в ребро, как говаривал незабвенный Остап Бендер. Я-то предполагал, что женщина эта владеет компроматом на товарища н'шаста, а тут, судя по его длинноносому лицу, замешаны любовные дела!

— Теперь верите?

— Теперь да! Аархину не обязательно было выбирать именно это для доказательства. Уже жалею, что поделился с ним секретом.

— А иначе, господин Палстарник, вы бы и дальше гадали, что же я за существо, — оправдал я хозяина моего нынешнего тела.

— Что же, прошу простить меня, Дмитрий! Отныне встреча с представителем другого мира станет для меня важнейшим событием в жизни. Обязательно напишу об этом в книге.

— Главное, не упоминайте там про щекотливую ситуацию с дамой, а то об этом весь читающий Энхор прознает.

— Спасибо, за совет, — захохотал Крамди, его нос слегка покачивался в такт смеху. Он, наконец, вытащил из-под стола сверток. — Я даже рад, что не пришлось использовать з'уартхил.

— Чего-чего? — спросил я, услышав очередное непонятное словечко, не имеющее аналога в богатейшем русском языке. Вот как вернусь домой, сразу начну заваливать всех знакомых этими зубодробительными наборами букв. Не хотите ли чтобы я з'уартхил йенталстуакрахт на беурге н'шаста? Вот потеха будет.

— З'уартхил. Это вещь, наполненная энергией Порядка. По сути, представляет собой поток энергетической силы, запертый в неодушевленном предмете. К примеру, если бы я в итоге посчитал вас не мирным пришельцем в теле моего друга, а исчадием черного Хаоса, то сдавил бы вот эту фигурку рукой и направил удар прямо на вас.

Старый смотритель библиотеки извлек из тряпицы каменную статуэтку птицы, напомнившей мне голубя. Она была белой, словно мел, но глаза и клюв выделялись малиновым оттенком. Мастер, которой ее вырезал, старался на всю катушку. Таковую бы вещицу Марине подарить! Вдруг на секунду мне почудилось, что я ощутил внутри резной птички бушующую силу. Я как будто видел перед собой не виртуозно сделанное крылатое создание, а обращенную в камень молнию. Еще чуть-чуть — и она засверкает, ослепляя взор. Наваждение исчезло быстро. Я дернулся от побежавших вдоль позвоночника мурашек и поинтересовался:

— Что делает конкретно сей з'уартхил?

— О, этот шедевр магического искусства испепелил бы вас молнией за неуловимое мгновение, Дмитрий, — ответил Крамди. — Вы бы не успели даже крикнуть.

Вот дела! Я-то верно почувствовал начинку каменной фигурки. Пожалуй, к вопросам, которые я готовил для Маггорайхена, прибавился еще один.

— И много у вас таких?

— Нет, я владею только этим. з'уартхилов после бесчисленных битв с приспешниками Хаоса сохранилось мало, а людей, которые обладали особым умением творить такие вещи, нет в Энхоре уже сотни лет. Про это лучше узнать у Аархина в Акл-Миратэ. Я, в принципе, могу вас просветить, естественно, читал все, что есть на тему подобных предметов. Но времени мало, вам нужно успеть на корабль, который отплывает сегодня последним.

— Да уж, успеть надо, только как теперь это сделать, когда весь город на ушах, — сказал я, вспомнив идиота, из-за которого поднялась вся эта буча. Выясню его имя, предам анафеме! — Что это вообще за ганур, почему несколько стражников бежали так, словно жуткие твари уже наступали им на пятки?

— О, ганур — это особое существо, — пояснил Палстарник, подняв указательный палец к потолку. — Это тварь, вызванная из гнилой пустоты, в которой обитает сам Великий Саусесан. Ганура выдергивали из зоны абсолютного Хаоса н'уданы для совершения тех злодеяний, когда было важно подобраться к жертве максимально близко. Ганур по природе своей жаждет убийства, ибо смерть для него — драгоценный наркотик, а ужас, испытываемый жертвой, — главный источник жизненной силы. Эти чудовища с легкостью принимали образ любого человека, за исключением Хранителей Порядка и н'уданов. Вроде бы, энергии ганура не хватало, чтобы воссоздать нужный облик в данных случаях. Ганур мог обратиться, к примеру, в дочь короля и убить отца перед сном. Или стать настоятелем Храма и унести жизни нескольких тилбэчинов. Притом эти создания зла имитировали все, вплоть до мелких привычек, вроде поглаживания бороды. Никто не был способен отличить знакомого, друга или любимого от страшной твари, пока она не принимала истинный свой вид непосредственно перед убийством.

— И как же они выглядели?

— У меня тут гравюра была хорошая в полный рост, но не помню в каком из залов! Здесь столько помещений помимо основной библиотеки, что я сам иной раз блуждаю, словно новичок, а не опытный смотритель. Хочется показать, вам Дмитрий, как тут устроено все, да сравнить с тем, как у вас на Земле. Но время, время... Попробую нарисовать вам ганура словами. Представьте худого до изнеможения рослого человека, чья кожа просвечивается на столько, что легко увидеть каждую жилу, по которой бежит темная кровь. Его пальцы длинные и тонкие, будто могильные черви. Ногтей нет ни на руках, ни на ногах. Голова лысая, чуть вытянутая, похожа на куриное яйцо. Но самое ужасное — лицо ганура. В истинном облике у него нет ни носа, ни ушей, ни рта. Только огромный глаз без ресниц. А там, где у любого человека зрачок, лишь изломанные линии — символ Хаоса.

— Это не какой-то там беург, — произнес я со знанием дела, заодно поблагодарив судьбу, что циклопообразная тварь не почтила меня присутствием.

— Беург — зверь. Опасный, но зверь, существование которого можно понять и принять. — Крамди завернул з'уартхил обратно в тряпицу. — А ганур — противоестественен, это чуждое порождение злого разума. И если Хашайя из рода Чеенув впрямь выбралась из заточения, только Тибор знает, что случится дальше. Возможно, гануры снова появятся в Энхоре, принеся с собой смерть. Завтра я оповещу храмовников о том, что

настоящий Аархин Маггорайхен связался со мной и сообщил о побеге н'удана. Мы должны быть готовы ко всему, даже к новой разрушительной войне! Эх, а думал буду проводить старость в более-менее тихие годы.

— Господин Палстарник. Тьфу, месэр Палстарник.

— Зовите меня Крамди.

— Крамди, — продолжил я. — Вы сможете помочь мне добраться до корабля? Боюсь, как бы мне снова не нарваться на какого-нибудь знакомого нашего общего друга или на стражников, а то и тилбэчинов.

— Я проведу вас в порт, и с вашей головы при этом не падет ни один волосок! Доверьтесь мне, месэр Дмитрий!

— Замечательно, тем более что голова-то не совсем моя. Только прежде хочу вас кое о чем попросить.

— Весь во внимании, постараюсь исполнить просьбу гостя из далекого мира, — сказал библиотекарь и приложил левый кулак к голове. Что еще за интересный жест?

— Столкнувшись сегодня с человеком, из-за которого наш с Аархином план чуть не полетел к чертям, хотелось бы оградить себя от таких происшествий в дальнейшем. — Мне было уже понятно, что просто кивками головы при встрече с людьми не обойтись. Да, так уж случилось, что этот юноша бледный с взором горящим поймал меня на какой-то клятве, тут даже не знаю, кто бы с планеты Земля нашел способ выкрутиться. Но ведь меня без труда разоблачат, не прибегая к таким тонким матерям, как религия или политика. Достаточно будет любого спросить на корабле, куда я направляюсь и все — финита ля комедия. — Есть у вас тут лишняя карта Энхора? Ориентироваться по местам моих будущих передвижений.

— Конечно, сей же час принесу, заодно соберу немного припасов в дорогу. — Палстарник поднялся и добавил:

— Клятва, которую от вас требовал Баеорзт, уверен, что это он, звучит так — клянусь именем отца при взоре Тибора, и пусть Порядок следит за ее исполнением. А молитвы есть разные, вот самая простая — Порядок освети мой путь, я верный сын твой из века в век. Кстати, что за чертей вы упомянули?

— Это такие чудища в моем мире — рогатые, волосатые, с копытами и свиными пятаками. Проще говоря — демоны, прислуживающие нашему местному злему божеству. Правда, доподлинно неизвестно, существуют ли они на самом деле, — ответил я, пожав плечами. Если Хаос реален, то черти вполне могли быть плодом его больного мозга.

Крамди принес средних размеров карту Энхора, чтобы я, наконец, познакомился поближе с местом, где мне предстояло путешествовать. Западное полушарие было представлено несколькими архипелагами островов, которые постоянно обнаруживали здешние мореплаватели. В Энхоре эпоха великих географических открытий, видимо, только начиналась. Тут со временем появятся свои Джеймсы Куки, Фернаны Магеланы, Америго Веспучи и прочие Христофоры Колумбы. А вот восточная половина мира включала в себя один большой заселенный континент, который назывался также — Энхор, и два океана, Северный и Южный, с несколькими островами, под протекторатом материковых государств. Тут располагались в основном королевства, но парочка империй тоже затесалась. Одна из них звалась Джийят, она же Джийятская империя. Эта страна занимала большое пространство на северной конечности материка, напомнив мне о родной России. Еще немного соли на рану. По размерам империя заметно превосходила остальные государства. На ее территории, как и у нас, имелись огромные лесные массивы, горные хребты, моря и

озера. Вторая империя занимала южную часть Энхора, при этом имела забавное название — Соророр. Настоящая беда для тех, кто картавит. Так и представляю, что это веселое слово в устах человека с дефектом речи превращается нечто похожее на Согогог. Между империями прижимались друг к другу королевства — Заркондай, Домридинша, Виленсбашиг, Каварахиич, Юружаой и отныне мое любимое Пердожалаф. Надеюсь, герб у них не пукающий жираф. Да Дима, опять шутки за триста, сказал бы тут Марина.

Шантайз — город, в который меня привела судьба, принадлежал королевству Виленсбашиг, столицей которого значился некий Лдеранзион, почему-то зачеркнутый на карте. Это была средних размеров страна с огромным морем по центру. Его-то и предстояло мне пересечь, чтобы продолжить миссию Маггорайхена. Я поискал глазами Тримашлонап, откуда совершила дерзкий побег н'удан по имени Хашайя. Город оказался на территории этого же королевства почти на границе с Заркондаем. Ну и пусть сидит где-нибудь там, встречаться с той, которую можно назвать Хранителем Хаоса, мне ни к чему.

Спустя минут десять в комнатухе вновь появился Крамди Палстарник. Он сменил свой старый халат на новый коричневый плащ, черные шаровары и кожаные полусапожки. В таком наряде приятель последнего н'шаста в Энхоре выглядел моложе. Он принес заплечную сумку, в которую по его словам положил краюху хлеба, вяленое мясо, луковицу и небольшой бурдюк с водой. Длинноносый библиотекарь предложил выпить вина на дорогу, но я отказался. Обещания надо выполнять.

Из здания книгохранилища мы вышли с другой стороны. Плохо освещенная улица мигом проглотила нас. Крики давно прекратились, но изредка я слышал, как вдали переговаривались стражники и храмовники, продолжающие поиск ужасного ганура. Я не знал, каким именно образом Крамди собирался тайно провести меня в порт, но полностью доверился ему. Мы некоторое время двигались только прямо, потом Палстарник свернул в переулок, где с освещением проблем не наблюдалось. Я удивился его выбору, ведь в темноте у нас сохранялись шансы не наткнуться на тех, кто сейчас совершал ночную прогулку по моей душе. Я не промолвил ни слова против его странного решения, лишь положил ладонь на рукоять Йенталстуакрахта. Не то, чтобы мне стало спокойнее, но пара приемов чой-хуа давала вероятность пребывания в мире живых в случае вооруженного нападения. Хотя я сомневался, что готов убить человека сейчас. Дикого зверя — пожалуйста! Но человека?..

В воздухе стал чувствоваться аромат моря. Выходило, что мы уже почти достигли порта, но повода для радости не было. Впереди раздались шаги, и ближайший переулок выплюнул к нам на встречу отряд, возглавляемый человеком в синей сутане. За его спиной шли четверо солдат, двое с факелами, а двое с обнаженными мечами. Тилбэчин увидел нас с Палстарником и замер на месте, его люди тоже заметили нас. Ой, что сейчас будет. Доигрался, носатенький Буратино! Из него конспиратор, как из меня великий волшебник, а Аархин уверял, что тот точно поможет. Я посмотрел на Крамди, тот шурился, словно пытался понять, кто перед ним. Наконец, театральная пауза прервалась.

— Яжгорол, ты ли это? — внезапно спросил библиотекарь.

— Я, месэр Палстарник, — ответил служитель Порядка, медленно закатывая рукава. Неужели собирается шандарахнуть по нам магическом огненным шаром? — Доброго позднего вечера вам и вашему спутнику.

— Спутнику? — вдруг выкрикнул Крамди, казалось, его нос сию секунду оторвется и пронзит храмовника, неуважительно назвавшего н'шаста. — С каких пор ты, Яжгорол, называешь так самого Аархина Маггорайхена? Да еще и боевую стойку зачем-то

принимаете. Неужели вздумалось атаковать н'шаста? Неужели Хаос задурманил вам разум, месэры? Я итак уже битый час уговариваю нашего Хранителя Порядка простить невежество, в которое погрузился славный город Шантайз!

— Что?! — опешил Яжгорол, с сомнением опуская руки.

— Я убедил Аархина, что вы не перешли на черную сторону Хаоса, а лишь забыли учения Тибора. Иначе бы каждый, из попавшихся нам на пути, был бы уже уничтожен как враг света, враг Порядка!

— Но ведь многие видели ганура, — стал оправдываться храмовник, а воины, стоящие позади, непонимающе смотрели друг на друга. Я откровенно наслаждался, как Палстарник честил этих бедняг.

— Мальчишка, скорее всего, перебрал и спутал Хранителя с другим человеком, потому ему и почудилось, что это кто-то иной в образе н'шаста. Ты забыл, что Ганур не принимает облик тех, кто коснулся Источника великой силы?

— О Порядок! — воскликнул Яжгорол. Он действительно забыл, а теперь вспомнил, поэтому торопливо бухнулся на одно колено, солдаты, немедля, последовали ему. Было бы смешно, если б не было так грустно. — Простите нас, месэр Маггорайхен! Мы действительно забыли об этой особенности твари, вызываемой из обиталища Великого Саусесана. Позор нам! Я передам ваши слова совету Храма, какими бы они не были. Не щадите, месэр Маггорайхен, скажите правду — вы распустите нас?

Крамди перевел взор на меня и подмигнул. Настал мой черед блеснуть актерским мастерством в этом вечернем уличном спектакле.

— Встаньте, друзья, — произнес я самым пафосным тоном, на какой был способен. Храмовник и воины поднялись с колен, не обратив внимания на то, что я переигрываю. Огорошившая их новость сбила ясность мыслей в их головах. Однако Палстарник едва слышно кашлянул, и я одернул себя. Верно, для шуток абсолютно не то время. Поэтому я продолжил уже обычным голосом:

— Пусть осияет вас свет, а Порядок убережет от следующих ошибок. Совет останется в прежнем составе, а завтра Крамди Палстарник принесет вам важные новости.

— Спасибо, месэр Маггорайхен! Я передам всем, чтобы ганура более не искали. — Яжгорол сотоварищи скрылись в том переулке, откуда пришли, освободив нам с библиотекарем дорогу. Мы продолжили путь к порту.

— Единственный способ безопасно дойти до цели при таких ситуациях, — сказал Крамди, — это вести себя, как ни в чем не бывало. Уверенность и еще раз уверенность. Хотя я искренне надеялся, что мы не встретим никого. Но воздадим должное нашим доблестным храмовникам, они без устали патрулировали округу, охраняя покой тех, кто уже разошелся по домам. Настоящий ганур от них не ускользнул бы.

Мы вышли на открытое пространство. Здесь уже доносился шум, накатывающих на берег волн. Стало прохладнее, чем на улицах Шантайза. Строения порта хорошо освещались, тут стояли склады, таможни и прочие хозяйственные и служебные здания. Отряды храмовников попадались нам и здесь, но Яжгорол уже каким-то образом их предупредил. Оперативно сработал парниша. Служители Тибора и солдаты проходили мимо, кивали нам, будто старым знакомым. Мы достигли пристаней, но я не заметил здесь кораблей. Ни высоких мачт, ни хлопающих на ветру парусов, ни криков матросов. Неужели опоздали, и последний на сегодня корабль из Шантайза вышел в Тиборское море? Чуть впереди на воде виднелись какие-то палатки. На плоту что ли они? Не самый безопасный водный транспорт.

Ладно, по реке на нем сплавляться здорово, мы с друзьями однажды соорудили плот из пятилитровых пластиковых бутылок, увлекательнейшее путешествие тогда совершили, хоть и не чета путешествию с Земли на Энхор! Но это был не плот, не паром, а то, что на всю жизнь поразило мое итак богатое воображение.

Это была огромная черепаха, на панцире которой кто-то додумался построить небольшой палаточный поселок. Поселок на черепахе! Сюрреализм, е-мое. Да на какой черепахе — она размером, наверное, с футбольное поле, просто-напросто невероятно и немислимо. Как жителям Энхора вообще удалось приручить столь громадное животное? Не опрокинет ли оно нас в воду во время плавания? Блин, неужели нельзя было на нормальном, человеческом корабле отправиться из Шантайза в Грелимарай. Я, конечно, ныл в этот момент, но посмотрел бы я на другого смельчака, готового довериться гиганту из морских пучин.

— У вас на земле такие звери есть? — спросил Палстарник, но ответ ему уже дали мои глаза в форме шариков для настольного тенниса.

— Нет. Черепахи, правда, водятся, но не столь колоссальных величин. Может, в древние времена на земле они и жили, не помню.

— Хм, у нас они зовутся не черепахи, а гугутикары. Их дом — Южный океан, но указом Наместника, одну особь доставили сюда. Она кажется неповоротливой на первый взгляд, но это, разумеется, не так. К примеру, если обеспечивать ей хороший отдых, она будет покрывать расстояние в два раза быстрее обычного корабля. Думаю, Аархин желал, чтобы ты, Дмитрий, отправился дальше именно на ней.

— Спасибо, месэр Крамди за помощь, — поклонился я старому библиотекарю-ловеласу. — Где я могу оплатить дорогу?

— Оплатить? — он тихонько засмеялся. — Хозяин этой гугутикары будет сильно рад доставить вас до пункта назначения бесплатно. Не каждый день Хранитель Порядка пользуется его услугами. Аархин, вероятно, вам еще не говорил, что всякий житель Энхора примет н'шаста, будто члена семьи, накормит и напоит даром. Не бойтесь пользоваться этим. Удачи! Надеюсь, наш друг скоро сумеет вернуть вас обратно домой, а сам прибудет во здравии обратно. Да благословит вас Тибор, Дмитрий.

— Пусть Порядок хранит вашу жизнь! — Я по-братски хлопнул месэра Палстарника по плечу и зашагал по протяженному пирсу, чтобы взойти на удивительный транспорт.

Раннее утро выдалось пасмурным. Грузные тучи закрыли небосвод над Грелимараем, но все еще не решались пролить свои слезы на проснувшийся каменный город. Люди-муравьи как всегда спешили, и теперь среди них был сам Мийэн Заурбанз в сутане храмовника и с фальшивой бородой на лице, которую одолжил Эвтею его знакомый лицедей. Песочная голова уверенно вышагивал рядом, сжимая в правой руке жезл Допрашивающего. Когда-то такие предметы служили не просто символом определенных полномочий, возложенных на слугителя Тибора. Эти жезлы являлись з'уартхилами, предназначенными обеспечить дополнительную защиту от возможных хаоситских атак на допросах. В нынешние времена они представляли собой всего лишь позолоченный металл с навершием в виде восьмиконечной звезды. Да, силы Хаоса чуть более века назад потерпели серьезное поражение, но и Порядок крайне ослаб. Погибли почти все н'шасты, в битвах уничтожилось немыслимое количество наполненных энергией вещей, отравлен Источник самой жизненной силы Энхора. И что его понесло на столь угрюмые думы? Прямо в пору низко нависшим над головой грязным тучам! Мийэн отмахнулся от ненужных размышлений. Фильмера он отправил на маяк в одиночку, не сомневаясь, что старательный помощник выполнит все как следует. К тому же допрос продлится недолго, и скоро главный смотритель порта вернется к повседневным обязанностям.

Ужин с одаренными детьми прошел в спокойствии. Пока слуги подавали на стол, Мийэн рассматривал мальчишку и девочек, словно видел их впервые. Ауры, окружающие их тела, пульсировали в такт биения их юных сердец. Мощь, рвущаяся наружу, была очевидна. Аархин не ошибся с выбором.

Ральмидур выглядел чуть младше своих семнадцати лет. Он был высоким, совершенно обычной внешности, но его волосы могли стать предметом зависти — казалось, что они блестят золотом. Юноша ел много, постоянно жестикулировал во время разговора, и уже не был тем неуверенным мальчишкой, которого привезли в Грелимарай. Наставник Ральмидура положительно влиял на него, и Мийэн искренне радовался, что угадал с воспитателем. Он также заметил, что мышцы на руках юноши из Домридинши окрепли, значит, занятия шли впрок, и Аархин будет доволен результатом.

Рыжеволосая Саанка из столицы Пердожалафа Виндарьюстрэка много улыбалась и активно поддерживала беседу. Девочка уже расцвела в пятнадцать лет — платье, подаренное ей художницей, подчеркивало большую грудь. Несмотря на ее конопатость, Мийэн с легкостью мог сказать, что Саанка станет еще большей красавицей, чем была сейчас. Она с удовольствием рассказывала про работу в отцовской мастерской, не скрывая, что сильно скучает по дому. Саанка буквально светилась добротой, оставалось надеяться, что она направит эту энергию на защиту Порядка, а ее будущие деяния принесут благо Энхору.

Заркондайская девочка за ужином вела себя прилично. Ахшамилла не проявляла свойственного ей хамства и наглости, но всем своим видом демонстрировала, что ей не интересно быть среди соседей по столу. Она в основном молчала и с неохотой ковырялась в тарелке, хотя блюда, приготовленные поваром Мийэна, не уступали тем, что подавались на королевском столе в Юружае. Ахшамилла отвечала на расспросы односложно, и с неодобрением бросала взгляды на Ральмидура, особенно когда он говорил с набитым ртом. Для нее он оставался мальчишкой из трущоб. Мийэн не ощущал в ней ни капли склонности к

Хаосу, аура ее была чиста, но понимал, что некая предрасположенность есть. Он обязательно посоветует Аархину заниматься с уроженкой Зирры тщательнее, чтобы не допустить ее падения во тьму Хаоса.

Уже столько лет прошло с тех пор, как Мийэн в последний раз примерял одеяние служителя Тибора. Он считал, что, облачившись в него сейчас, ничего не почувствует. Но серая сутана по-прежнему казалась родной, словно с ней Мийэн не расставался ни на секунду. Его захлестнул водоворот воспоминаний о тех годах, что последовали за неудачным посвящением в н'шасты. Он словно увидел перед собой внутренние залы грелимарайского Храма, где оттачивалось мастерство владения энергетическими потоками. Мийэн не забыл, как смотрели на него другие служители Порядка: одновременно с восхищением, ибо его сила была очень велика, и с жалостью. Каждый храмовник от юных послушников до членов совета, понимал, как тяжело он справлялся с тем, что его предназначение было напрочь сметено коварством прислужников Великого Саусесана. Но Мийэн переборол себя, отринул свои сомнения, и достиг впечатляющих высот. Серая сутана будто говорила ему — чем бы он не занимался, где бы он не находился, он навсегда останется на защите добра и света.

Плохая погода, несмотря на испорченное настроение, пришлось кстати — появился повод не снимать капюшон на улице, а значит, у Жгералиха или его подчиненных не возникнет лишних подозрений, когда их с Эвтеем встретят у входа в Темницу. Накладная борода дарит неприятные ощущения, будто Мийэн нацепил на себя жесткое мочало для чистки винных бочек. К тому же он понимал, что через какой-то промежуток времени его лицу станет чересчур жарко. Допрос займет всего-то пару часов, а актеры, использующие этот атрибут своей профессии, носили бороду гораздо меньше, ведь спектакли по обыкновению продолжались не дольше часа. Мийэну оставалось только терпеть, конфликтов с начальником Темницы и Наместником было необходимо избегать.

Вместительная тюрьма Грелимарая, официально называемая Темницей, была почти ровесником города. Некоторые считали ее такой же достопримечательностью, как Чиризанский маяк или площадь Гласа. В ней содержались не только те, кто предал Порядок и поддавался соблазну темной стороны Великого Саусесана, но и обычные преступники: воры, убийцы и насильники. Часть из них была обречена на долгое заточение до их смерти от болезней или несчастных случаев, другие же дожидались казни, которая последнее тысячелетие проводилась неподалеку от Темницы на прилегающей площади. Там возводились виселицы, и палач из числа добровольцев приводил в нужный час механизм в действие. Убийц после казни хоронили на специальном кладбище в общих могилах. Хаоситов же сжигали с помощью энергетических потоков, чтобы избавить Энхор даже от их пепла.

Мийэн и Эвтей как раз уже шагали по мощеной булыжником площади, на которой отправлялось правосудие. Черное невысокое здание мрачно и безмолвно ожидало одетых в серое мужчин. Горожане старались обходить это место стороной — многие боялись, что Хаос найдет способ отомстить за своих казненных последователей. Рассказывали байки, что по ночам тут бродили призраки мертвых преступников, которые затягивали случайных путников в пустоту Хаоса. Разумеется, правды в этом не было, но Храм Тибора все равно выставлял здесь после заката пару служителей для городского спокойствия. Кто-то в шутку называл их охотниками за привидениями. Один грелимарайский стихоплет даже посвятил им длинную поэму, которую Мийэн находил безвкусной. Борьба же с суевериями было бессмысленно — хаоситы сами разносили эти слухи, чтобы лишний раз потревожить

храмовников.

Приезжие часто удивлялись скромным размерам легендарной Темницы, пока им не объясняли: то, что они видят здесь — лишь служебное помещение. Его и построили-то всего пять веков назад. Сама сеть камер скрывалась под землей, занимая огромную площадь катакомб. Это затрудняло побег тем, кто был осужден на заточение. Случалось, конечно, что кому-то удавалось вырваться на поверхность, но единственный выход все равно был через черное здание, а стражники бдительно несли пост. Беглецы либо возвращались назад, либо получали новое пристанище на городском кладбище.

Жгералих служил главой грелимарайской тюрьмы длительный период. До этого Темницей заведовал его отец, который натаскивал сына на должность с малых лет. Сын прилежно впитывал заветы родителя, и прошлый Наместник без раздумий назначил подростка Жгералиха начальником. Жгералих полностью соответствовал своей должности. Он был строг с подчиненными, не допускал дисциплинарных нарушений, а провинившихся солдат без лишних раздумий выгонял, лишая их жалованья за последний месяц. Никаких послаблений заключенным он не позволял, и самое главное — не разворовывал выделенные на содержание Темницы деньги. За это Мийэн уважал обладателя крупного, словно раздувшегося от морской воды, носа. Но терпеть его не мог за остальное. Жгералих чрезвычайно любил себя, чрезмерно гордился должностью и признавал только двух авторитетов — действующего Наместника и покойного отца. Конечно же, он свято чтит Порядок, иначе бы правитель Грелимарая не позволил ему управлять местом, где в заточении часто находились хаоситы. Жгералих всего лишь смотрел свысока на тех, кто владел способностью манипулировать энергией, даже на н'шаста, что забавляло друга всякий раз, когда они пересекались с главным тюремщиком. Аархин же считал, что честный, хоть и самовлюбленный, человек на таком месте куда лучше, чем кланяющийся даже рядовому тилбэчину, но при этом наносящий ущерб городу и благополучию его добрых жителей. Не ворует, с хаоситами не якшается, значит, достойный.

— Я молчу, ты говоришь, — повторил их план Мийэн, когда разглядел, что у ворот в Темницу, их ждал сам Жгералих и двое его помощников, вооруженных короткими клинками и круглыми щитами с гербом города — мечом с широким лезвием, украшенным символом Порядка красного цвета.

— Да, привлекать лишнего внимания не стоит, — согласился Эвтей. — Жгералих как всегда поворчит, но задерживать не станет, поручит кому-то из тех двоих провести нас вниз.

Начальник Темницы стоял, скрестив руки на груди. Его голова почти полностью поседела, нос покраснел от утренней прохлады.

— Снова ты, Эвтей, — недовольно сказал он вместо приветствия. На Мийэна Жгералих даже не посмотрел.

— А ты как обычно мил, Жгералих, — усмехнулся Песочная голова. — Нам нужно увидеть предателей Грелимарая.

— Нужно — увидите. Я-то сам не пойму, сколько вы собираетесь еще их допрашивать. Будь моя воля, вздернул бы их прямо вечером, без суда. Но Наместник, к сожалению, не хочет слышать очевидного. Семьи этих пособников Хаоса я бы тоже бросил в камеры, а не верил им на слово, что они ничего не знали об извращенных похождениях своих детишек. Вы, храмовники, немного размякли. Раньше били хаоситов наверняка!

— Не сомневайся, суровая кара настигнет тех, кто отступился от света, — сказал Эвтей. Жгералих лишь что-то буркнул себе под нос и приказал одному из солдат проводить

служителей Порядка к заключенным.

Внутри верхней части Темницы они очутились в коридоре, где на колоннах горели факелы. Окна здесь совершенно отсутствовали, поэтому казалось, что странные тени неотступно следовали за всеми, кто входил сюда. Подчиненный Жгералиха провел их мимо служебных комнат в центральный зал. Это было помещение прямоугольной формы с широким колодцем по центру. Каменная винтовая лестница спускалась во тьму подземелий. Мийэн шагал вниз по ступеням, ощущая, что с каждой пройденной минутой повышается температура. Все жители Грелимарая знали, какая жара царила на нижних уровнях Темницы. Это служило дополнительным наказанием для особо опасных преступников и, естественно, хаоситов.

Они достигли первого уровня камер, где держались воры, мошенники и другие люди, чьи злодеяния не наказывались пожизненным заключением или казнью. Прижавшись к решеткам, эти мужчины и женщины провожали Мийэна и Эвтея потерянными взглядами. Кто-то просил помолиться за них, кто-то требовал немедленного отпущения грехов. Мийэн не отвечал на их просьбы. Только после их смерти Тибор сам оценит, заслужили ли грязные души этих преступников прощения.

Вскоре показался следующий зал с новым колодцем. Помощник Жгералиха насвистывал легкую мелодию, как будто прогуливался по прекрасному вечернему саду, утопающему в цветах. Но удивляться было глупо, он видел все это тысячу раз, и пейзажи подземной тюрьмы, которые бы ужаснули простого гражданина Грелимарая, для него стали невидимыми.

Пока они двигались по второму ярусу, Мийэн коснулся энергии. Он направил поток вперед, чтобы разглядеть то, что творилось за шершавыми стенами, которые, казалось, сжимали туннель. Темницы для убийц и насильников были обращены решетками к другой стороне, где в коридорах главенствовала тьма, в отличие от главного, по которому шли храмовники и стражник. Эти преступники довольствовались небольшими свечками, которые сами и изготавливали. Так они отработывали те деньги, которые тратились на них из городской казны. Мийэн увидел сквозь стену мужчину, сидевшего на жесткой койке. Он, не двигаясь, уставился на свои руки. Сколько лет он занимался этим? Не сошел ли еще с ума?

Наконец, третий колодец привел их туда, где в ожидании неотвратимой судьбы, считали дни прислужники Хаоса. Духота обволакивала тут все, словно туман. Здесь на камерах были решетки, как и на первом ярусе. Но не из-за того, что к противникам Порядка относились лучше, чем к убийцам или насильникам.

Напротив каждого узилища на неровной стене сияли восьмиконечные звезды, служившие напоминанием о неизбежности правосудия. Хаоситы вынуждено наблюдали долгие часы за тем символом, от которого они отвернулись, посвятив жизнь чудовищным поступкам. Мийэн видел угрюмые лица людей, принявших в себя абсолютное зло. Он благодаря энергии ощущал, что некоторые из хаоситов являлись тилбэчинами. Но их каналы, из которых они черпали светлую силу, затем извращая ее назначение, были заглушены специальными потоками. Эти рабы Великого Саусесана смотрели на Мийэна и Эвтея не только с яростью. В их глаза читалась неприкрытая зависть. Они жаждали дотронуться до энергии хоть самую малость.

На этом уровне подземелий дежурило много стражников, Жгералих сам понимал, что хаоситы представляют большую угрозу, чем те, кто просто отнимает человеческую жизнь. Даже связанные по рукам и ногам. Хотя в последние годы обходились без таких мер.

Толстые стены и налитые энергией металлические прутья надежно охраняли отступивших от света людей. Помощник начальника Темницы подозвал их к одной из камер. В ней на полу на прелой соломе лежал мужчина средних лет. Эвтей незаметно покачал головой, дав знак, что это не тот хаосит. Стражник не должен был заподозрить, что они пришли к конкретному пленнику, поэтому они сделали вид, будто интересуются всеми сразу.

— Я уже соскучился, думаю, что-то давно меня не допрашивают, — произнес мужчина-хаосит грубым низким голосом.

— Не желаешь раскаться, Мурддинх? — спросил Эвтей, поглаживая жезл Вопрошающего. — Твой брат надеется убедить Наместника, что на тебя воздействовали энергией, но мне кажется, что он напрасно старается. Наместник не глуп.

— Это вы одурманили моего брата, проклятые псы Тибора и его папаши! И продолжаете дурить весь Энхор, не позволяя людям узнать истину, которую несет Хаос. А мой разум чист и ясен как никогда, я буду верен Великому Саусесану до конца.

— Для тебя он скоро наступит, — сказал Мийэн, чувствуя, как в нем закипает гнев. Насколько глубоко укоренился Хаос в этом несчастном человеке. Мурддинх плюнул в их сторону, но не достал. Стражник пообещал ему всыпать за это плетей и поманил к следующей камере. Там на полу сидела на коленях обнаженная девушка, свою одежду она сложила рядом с топчаном. Глаза девушка держала закрытыми, ее маленькие грудки поднимались в такт дыханию, черная поросль внизу живота обращала на себя взгляд. Возбуждающее зрелище, но женщины, продавшие душу Хаосу, никогда больше не вызовут интереса у мужчин, верных Порядку. Эти женщины прокляты в глазах добрых людей. Эвтей взирал на эту картину бесстрастным взглядом. Даже помощник Жгералиха безразлично стоял рядом, уделяя внимания девушке не более чем пыли под его сапогами.

— Если ты ждешь контакта с Хозяином, вынужден тебя разочаровать, — произнес Песочная Голова. — Он не общается с теми, кто не владеет умением пользоваться энергией.

— Истинную последовательницу он одарит независимо от ее способностей. — Девушка открыла глаза и улыбнулась. — А вас, тех, кто продолжает слепо верить в силу Порядка, порадует неизбежной смертью. Может не сейчас, но скоро. Поверьте. Я вижу это во снах с тех пор, как приняла Великого Саусесана.

— Не волнуйся, Порядок подарит всем вам вечное забвение, а твое имя сотрут из фамильного древа твоей семьи, Сиглиена.

Девушка пожала плечами и вернулась к медитации. Мийэн никогда не понимал, почему красивые и неглупые женщины выбирают Хаос. Среди н'уданов слабый пол тоже был представлен, некоторые из них в жестокости часто не уступали мужчинам. Да простит их Порядок, а очистительное пламя да освободит их запятнанные злом души.

В следующей камере содержался нужный хаосит. Молодой дворянин по имени Ульфязак Парагоенш тоже упирался коленями в пол, но в отличие от Сиглиены просто тихо молился. Кому, интересно, Порядку или Хаосу? Отсюда не было слышно. На самом ли деле он готов уйти от тьмы и знает информацию о местонахождении ставки своих подельников. Эвтей ничего не стал спрашивать у него, а обратился к помощнику Жгералиха. Он договорился, чтобы пленного доставили наверх в одну из допросных комнат. Мийэн был несказанно рад, что они уже покидали эту жаркую пыточную. Жаль, что нельзя еще прямо сейчас снять бороду, а с ней и сутану, чтобы потом принять освежающую ванну.

В кабинете, Мийэн успел напиться прохладной воды и слегка омыть лицо, прежде чем

стражники привели Ульфизака. Он сел на стул, испуганно таращась на людей в серых сутанах. Когда подчиненные Жгералиха вышли, юноша облизал губы и спросил:

— Вы вытащите меня отсюда? Я больше не могу выносить этой страшной жары. Пожалуйста, я прошу вас, месэры!

— Зачем нам освобождать того, кто продал душу Хаосу? — Мийэн внимательно следил за всеми словами грелимарайского хаосита.

— Я не хотел. — Голос Ульфизака сорвался на писк. — Это все из-за Сиглиены, ненавижу эту дуру, ненавижу!

— Ты отвернулся от Порядка ради женщины? — спросил Эвтей, сжимая жезл так, что костяшки побелели. — Отступился от света ради той, которую ненавидишь?

— Да, будь я проклят! Я лишь хотел, чтобы мы были вместе! Я любил ее.

— Любил? — уточнил Мийэн. Ему хотелось проверить честность Ульфизака без использования энергии.

— Люблю до сих пор и ненавижу еще сильнее! — Парень заплакал, пытаясь вытирать слезы связанными руками. Мийэн не чувствовал ни капли силы в его крови, даже слабая аура отсутствовала, но освобождать пленника от пуг, конечно же, не собирался. Этот плач мог быть лишь представлением, спектаклем, разыгрываемым хитрым прислужником Хаоса во имя тайной цели.

— Если ты недавно только поддался переходу в стан Великого Саусесана, откуда ты знаешь, где находится тайное убежище хаоситов? — задал следующий вопрос Эвтей. Песочная голова не думал тянуть, Мийэн мысленно похвалил бывшего ученика.

— Сиглиена знает, — ответил Ульфизак. Он шмыгнул носом и потянулся к стакану с водой, который оставили для него на столе. Веревки, стягивающей руки, мешали ему, но он в итоге сумел схватить стакан и осушить его до дна тремя большими глотками. Юноша набрал воздуха в грудь и продолжил свое объяснение.

— Она сама не была там, но слышала от предводителя хаоситов о месте, куда он должен был отправиться на встречу с каким-то могущественным союзником.

— Этот предводитель, — перебил Мийэн Ульфизака, — его имя можешь назвать?

— Да, Тульгарн.

— И где он сейчас?

— Здесь в темнице, — ответил юноша, потупив взгляд. — Он тот, кто не отвечает ни на какие вопросы, а только улыбается.

— Великий Порядок! — воскликнул Эвтей. — Почему ты молчал до сих пор?

— Боялся. Меня всегда допрашивали там внизу, вдруг кто-то из них услышит? Я и сейчас этого боюсь, но не желаю утаивать от вас теперь ничего.

Если этот предавший свет человек не лгал, то в сети, наконец, угодила крупная рыба. Мийэн и Эвтей переглянулись. Настало время, использовать силу, чтобы подтвердить, что юноша говорит правду. Мийэн вытянул руку в сторону пленника, заметив как замер Эвтей. Песочная голова приготовился улавливать каждую составную часть потока, чтобы потом повторить новое для него плетение. Плетение сложное, требующее предельной концентрации. Сила заискрилась в жилах, охватив все тело от кончиков пальцев до кончиков волос. Для такого особенного потока требовалось много энергии. Слепив очень тонкий луч, сверкающий голубым оттенком, Мийэн быстро ударил им в голову Ульфизака. Тот, вздрогнул, но не осознал, что с ним произошло. Мийэн опустил руку. Теперь, если юноша вознамерится солгать, это тут же станет известно главному смотрителю маяка, сегодня

играющему роль храмовника.

— Действительно ли ты сожалешь о том, что поддался Хаосу, и желаешь вернуться обратно к Порядку? — спросил Мийэн, направив все внимание на тонкий поток. Он был невидим глазу человека, не обладающего способностями тилбэчина. Юноша медленно посмотрел на него и произнес:

— Да! Я был ослеплен и не думал, к чему это приведет. Я не хочу убивать, я думал, что буду просто держаться в стороне, пока Хаос не придет к власти в Энхоре. Но то, что они собирались творить в деревне, отрезвило меня. А Сиглиена... — он на секунду запнулся. — Она оказалась столь же черной внутри, как черна Темница снаружи. Чернее угля, чернее ночи. Она искренне верит Хаосу и готова голову сложить за его дело. Она ответила мне близостью, когда я согласился отвергнуть добро в моей душе. Теперь, вспоминая ее прикосновения и поцелуи, мне тошно. Как я мог из-за любви пасть так низко? Я хочу забыть это, но уже столько натворил, что страшно. Я не хочу умирать! Если Порядок даст мне шанс, я сделаю все, чтобы помочь одолеть проклятый Хаос! Пожалуйста, поверьте мне и помогите!

Юноша не лгал. Он точно был готов вернуться к свету, и это поражало. Зло не успело глубоко пустить корни в его сердце, поэтому Ульфизак мог заслужить прощение. А слова, сказанные им в допросной комнате, не были ложью или хитростью. Мийэн жалел, что рядом нет Аархина. Он бы засвидетельствовал такое знаменательное событие! Теперь медлить нельзя. Хаоситы не станут ждать казни предводителя. Мийэн не знал, каким образом они планируют его вытащить, но уже предполагал, что это случится во время суда. Храмовники должны быть в боевой готовности к этому моменту. В Грелимарае скоро станет беспокойно, поэтому детей следовало отправить в отдаленное место. Например, в родную деревню Фульмера, где жили его отец, мать и двое братьев. Там они переждут опасность. Да и сам помощник, конечно же, обрадуется неожиданному отпуску. В конце концов, каждый человек нуждается в отдыхе. Только вот когда теперь отдохнет сам Мийэн?

А теперь покатай меня, большая черепаха. Фраза из старого мультфильма вспомнилась мне, когда я неуверенно топал по деревянному пирсу в едва разгоняемой светом темноте. Топал не куда-нибудь, а к живому кораблю, вдыхая морской аромат полной грудью. Львенком я никогда не был, поэтому и не знал, удастся ли подружиться с этим существом. Или оно возьмет, да и сбросит меня сразу в воду. Я пытался унять тревогу, потому что сердце вдруг бешено заколотилось. Какие еще сюрпризы приготовил мне Энхор? Магия, необычные звери — все это до сих пор не укладывалось в голове, а о предстоящем плавании на исполинском пресмыкающемся даже думать было жутко. С конца пирса на покатую часть панциря гугутикары вела переброшенная широкая доска. Ее я преодолел быстрым шагом, чтобы случайно не свалиться в море от непрекращающегося волнения. Очутившись на черепахе, я присел и потрогал панцирь рукой. На ощупь он казался каменным, слегка шероховатым. В прочности такой спины можно было не сомневаться. Если взять эту гугутикару и использовать в качестве крепостной стены, то ни один таран ее не пробьет. Стало любопытно, а существовали ли у этих энхорских черепашек естественные враги? Я продолжил путь к палаткам, где виднелся свет от костра. Возле него на большом мешке сидел бородатый мужчина лет под шестьдесят. Голова его была обрита, и пляшущее пламя отражалось на макушке. Мужчина старательно переворачивал прутом какие-то круглые предметы в огне. Не поднимая взгляда, он сказал:

— Если вы не мой долгожданный пассажир, прошу прощения. Мест не осталось, придется вам дожидаться утреннего судна.

— Даже для меня не найдется? — громко спросил я, вновь вживаясь в роль последнего Хранителя Порядка.

— Покарай меня Тибор за глупость! — Бородач бросил свое занятие и вскочил будто ужаленный. — Месэр Аархин! Какая встреча! Давно не радовали Юритыфа своим присутствием.

— Обстоятельства привели меня к вам, без вашей гугутикары, пожалуй, не справиться.

— Спасибо за комплимент, приятно слышать столь уважительные слова от самого великого н'шаста в Энхоре. Мы с моей девочкой вас не подведем. А место найдется, конечно. Не осмелюсь предложить вам заночевать под небом, поэтому уступлю собственную палатку.

— Благодарю. — Я, само собой, не имел ни малейшего желания выгонять этого услужливого джентльмена из его временного обиталища на панцире гигантской черепахи. Но перспектива спать на открытом воздухе что-то не воодушевляла.

— Честно говоря, нас тут напугали крики о гануре, — сказал капитан Юритыф, почесывая высунувшееся из-под жилета пузо. — Я с испуга чуть не отдал приказ отчаливать, пока в порту не появились храмовники. Один из солдат сообщил моему помощнику, что чудовище выбрало ваш образ. На что я, разумеется, рассмеялся. Бабка моя еще говорила, что ганур может в нее обратиться да съесть меня, но никогда — в н'шаста.

— Всем бы вашу память, — произнес я, понимая, что действительно чуть не загубил весь план. Ну как я, тот недоумок из переулка скорее. Если бы гугутикара ушла в море, то мне пришлось бы куковать в Шантайзе до утра, а Маггорайхен предупредил, что чем быстрее мы будем действовать, тем быстрее обменяемся телами.

Хозяин пресмыкающегося чуда-юда отвел меня к большой палатке и предложил перед сном отужинать с ним. Я не решился отказать, поэтому, оставив вещи, вернулся к костру. Юритыф уже приготовил мне сидение в виде такого же наполненного чем-то мягким мешка. Я так понял, что пассажиры странного корабля уже отдались морфею в своих палатках, потому что к нам больше никто не присоединился. Члены команды Юритыфа, видимо, тоже спали. Наверное, добродушный капитан разбудит их прямо перед отправлением.

— Отплываем скоро, если этот последний пассажир не удумает задержаться еще на час, — сказал бородач, выталкивая прутом из костра почерневший шар. Он слегка двинул его в мою сторону, и странный предмет покатился ко мне. Я остановил его ногой, но не спешил брать, опасаясь обжечься. Да и вообще, что это такое? Ужин что ли? Больше смахивало на спортивный снаряд, вроде метательного ядра. Я стал наблюдать за капитаном гугутикары. Юритыф выкатил второй шар, схватил его, будто не чувствуя жара от непонятого комка черноты, и ударил об панцирь черепахи. Кругляш раскололся ровно посередине, и я услышал запах, похожий на жареную рыбу. Вот так просто? Я поднял шар из-под ноги, убедившись, что он был еле теплым, несмотря на то, что покинул пламя меньше минуты назад. Затем хорошенько размахнулся и тоже разбил его на две половинки. Бородач погрузил пальцы в одно полушарие и отправил мякоть в рот. Я повторил за ним. Ого, вот так вкусотища! Мясо рыбы — или чем там на самом деле являлась эта штука — было потрясающим. Оно очень походило на сома, такое же нежное и без мелких костей. Я мигом съел все, подавив желание облизнуться. Юритыф улыбнулся и подал мне добавки. Я с удовольствием ее принял.

— Женушка моя наловила, — произнес он через набитый рот. — Деньги, заработанные на перевозках, позволяют нам жить безбедно, но старуха никак не избавится от старых рыбацких привычек. Я все ей талдычу, что шишагал покупать можно, а не тратить время на лодку и сети, так она, месэр Аархин, кричит, чтоб я не учил ее жить!

— Она заскучает без этого, — пустился я философствовать. Конечно, до мудрости н'шастов мне далеко, но работа, связанная с постоянным общением с очень разными людьми, научила в них хорошо разбираться. — Представьте, что она все-таки бросила выходить в море за рыбой. Чем ваша жена будет заниматься дома? Ну, готовит, стирает, убирает она и сейчас, хозяйка же, хранительница домашнего очага. А без любимого занятия у нее появится еще больше свободного времени, которое она вполне может посвятить тому, что станет пилить вас в два раза сильнее, чем до этого!

— Пилить?!

— Кричать, выяснять отношения и так далее, — пояснил я капитану необычного судна, отругав себя за то, что употребил жаргонное русское словечко. Не дай бог, Юритыф еще решит, что супруга способна разделать его пилой, как какой-нибудь маньяк из классических фильмов-слэшеров. За языком следи, Дима.

— Месэр Аархин! Я так глубоко не глядел, возможно, вы и правы, — задумчиво произнес лысый бородач, дожевывая очередную порцию местного лакомства. — Верно говорят, что мудрее Хранителей Порядка только сам Тибор. Думал, что женушка у меня из ума выжила уже, а, выходит она так развлекается. Уж лучше пусть шишагал ловит, чем лишний раз меня поносит на чем свет стоит!

— Правильно. Она женщина, не по трактирам же ей отдыхать, пока вы в плавании находитесь. — Шишагалы, значит. Новое милое слово в энхоро-русский словарь. Вот вернусь и издам подробный путеводитель по животному миру родины добрых н'шастов и злых н'уданов. Обязательно многомиллионным тиражом.

Наш расслабленный бытовой разговор прервал последний пассажир гугутикары. Высокий мужчина с тонкой бородкой в дорогом костюме и с мечом на поясе кивнул Юритыфу, остановившись возле нас. Хозяин гигантской черепахи проводил почтенного господина в его своеобразную каюту, а потом крикнул зычным голосом, сложив руки возле рта. Через пару мгновений из ближайшей палатки выбрались трое молодчиков. Они дружно потянулись, зевнули и кинулись к разным краям «корабля». Я увидел, что они слаженно принялись вытаскивать из воды на «борт» тяжелые цепи. Так гугутикара не просто ожидала отплытия в порту, сообразил я, она была заякорена, словно реальный корабль. Ну, или как там правильно это называется на морском наречии.

Юритыф направился к носу судна — голове морского исполина. Я решил последовать за ним. Ну не каждый же божий день на твоих глазах человек будет управлять не просто каким-то кораблем, хотя в жизни я даже такого не видывал, а живым существом. Пузатый бородач не возражал, что Аархин Маггорайхен понаблюдает за этим диковинным процессом.

Голова гугутикары впечатляла габаритами, ведь на ее макушке вполне мог разместиться грузовик КАМАЗ, если не два. По краям головы шли невысокие гребни, служившие то ли защитой от неведомых врагов из океанских пучин, то ли еще для чего. Тут я не заметил ни стульев, ни других сидений. Этим уникальным водным транспортом управляли стоя. У меня тут же созрел вопрос, но задавать его я, безусловно, не собирался, иначе бы Юритыф узнал, что перед ним самозванец. Черепахи же прячут голову, лапы и хвост в панцирь! Что если это произойдет на ходу? Совершает ли гугутикара эти движения медленно, позволяя человеку успеть залезть обратно на спину, или кто не успел, тот опоздал? Тем временем хозяин чудачюда подобрал с кожистой башки нечто вроде вожжей и пронзительно свистнул, словно кипящий чайник на плите. Ночную пору огласил ответный трубный рев громадного зверя, от которого у меня побежали вниз по всему телу мурашки. Нас слегка дернуло, когда гугутикара сделала первый рывок. Почувствовалась первобытная мощь, заключенная в этом энхорском пресмыкающемся, а ведь гугутикара пока не набрала скорость. Про черепах всегда ходили шутки, что они полные тормозы, но только на суше эти утверждения соответствовали действительности. В воде они передвигались достаточно быстро, если я все правильно усвоил из передачи «В мире животных». Юритыф слегка натянул поводья и немного наклонился влево. Гугутикара поняла, чего от нее требуют, и плавно развернулась мордой в открытое море. Капитан вновь свистнул, и я едва устоял на ногах от нового рывка. Веселое получится путешествие, если такая свистопляска будет продолжаться на протяжении всего пути. Однако я ошибался. Черепаха больше не дергалась, и мы стремительно понеслись прочь от гостеприимных берегов Шантайза по волнам Тиборского моря.

Я попрощался с капитаном и пошел к месту своего ночлега, ощущая ветер на лице. Я забрался в палатку, не раздеваясь, улегся на импровизированное ложе. Мне думалось, что я провалюсь в сон сразу, потому что день вышел чрезмерно насыщенным приключениями. Очнуться в другом мире, повстречаться в рогатом медведем, побывать в Акл-Миратэ, едва не погибнуть от рук служителей Порядка! Редкий разумный обитатель Энхора смог бы похвастаться столь разнообразными похождениями. Но сон, как назло, не шел. Я лежал, пялясь в темноту, изредка прислушиваясь к тому, что происходил вне палатки. Снаружи тихо переговаривались помощники бородатого капитана, а сам он иногда свистел не хуже советского милиционера.

Несмотря на то, что я убил опасное чудовище, пережил облаву на ганура и уже плыл на спине паразитического существа, смелости во мне почти не прибавилось. А теперь вдобавок я вдруг словно бы окунулся в холод одиночества, ведь здесь я в самом деле был один. Да, беседовать с людьми из другого мира чертовски интересно и увлекательно, но они не понимают, что перед ними пришелец с далекой Земли. Я в чужом теле начал путь в абсолютную неизвестность, неподготовленный должным образом. Занятия в Акл-Миратэ — это прекрасно. Но за один присест не научиться всему, не узнать даже десятой доли особенностей здешнего мира. А ведь каждая упущенная мелочь может оказаться наиважнейшей и стоить мне жизни и возвращения домой. Туда, где одиночество мне грозит в самую последнюю очередь, где все просто и знакомо, как пелось в одной старой грустной, но доброй песне. Мне тоже хотелось ворваться, вернуться в свой родной мир, который после суток, вдруг стал для меня дороже. Я был готов обменять плавание на гугутикаре на обычную черепашку у себя в аквариуме, потому что иногда именно что-то простое, домашнее и приземленное гораздо приятнее нового и будоражащего.

Когда я оказался в своей комнате, то не сразу понял — сон это или Акл-Миратэ. Передо мной были наша с Мариной кровать, компьютерный стол, шкаф, занавески, которые моя любимая выбирала неделю в известном китайском интернет-магазине. Сомнения развеял возникший в дверном проеме Аархин Маггорайхен. Ну, хотя бы я снова на какую-то пору поселился в собственном теле, пускай и опять не в реальности.

— Я успел прочесть твои переживания перед сном, — произнес Хранитель Порядка, присаживаясь на кожаное офисное кресло, которое я давненько урвал на распродаже. В нем было удобно зарабатывать геморрой за прохождением компьютерных игрушек, чем я когда-то долго занимался, пока не познакомился с Мариной. Не то чтобы она выказывала негативное отношение к этому увлечению, совсем наоборот. Она была сама не против порубиться, скажем, в Варкрафт или очередное виртуальное воплощение ведьмака Геральта из серии книг польского писателя Анджея Сапковского. Просто уже через месяц, после того, как мы начали встречаться, моя страсть к компьютерным играм угасла и больше не загоралась.

— Да, по дому так легко скучать не перестанешь. — Я опустил на кровать, не прекращая жадно осматривать комнату, которая в обычный день меня ничем не привлекала. Сейчас же она чувствовалась уникальной, будто в ней я испытал самые радостные моменты за двадцать пять лет жизни, а не всего-навсего снимал ее у престарелой женщины вместе со своей девушкой.

— Как тебе гугутикара? — спросил Аархин.

— Чудесно, — искренне ответил я. — Только жалко, что никто не поверит на Земле, если мне когда-нибудь в голову взбредет рассказать о посещении Энхора и катании на большой черепахе. Жаль, что она без солнечных очков, как в мультфильме, было бы веселее. Ты не злишься за то, что произошло в Шантайзе?

— Нет, твоей вины в произошедшем нет. Разве ты виноват в том, что Хаос стал усиленно влиять на мой мир?

— То есть?

— Встреча с тем юношей — не случайность. Это тлетворное касание Великого Саусесана свело вас на той улице.

— Твою мать! Хаос следит за мной?

— Да, он в курсе, что в теле единственного живого н'шаста находится гость из другого

мира. Он не знает твоего имени, не знает, откуда ты точно пришел. Но без труда ощущает непохожую энергию, которая таится в твоей душе. — Маггорайхен откинулся на спинку кресла. Его глаза сверкнули, и я сразу понял, насколько в нем горит желание немедленно вернуться в Энхор и продемонстрировать Хаосу и его прислужникам кто в доме хозяин.

— Что мы можем сделать? — любопытно спросил я.

— С этой проблемой мы пока ничего не сделаем, Дима. — Аархин потер висок, словно подгоняя нужные мысли.

— Тогда объясни мне подробнее, как Хаос еще способен подложить мне свинью. Хотелось бы хоть как-то подстраховаться.

— Как угодно. Тот парень, его зовут Баеорзт, покинул дом не по своей воле. В нем есть сила и со временем он достигнет определенных умений и будет тилбэчином. Но из-за того, что сейчас некому его повести, Баеорзт очень восприимчив к чужим потокам. А к энергетическим нитям Хаоса, которые опутывают Энхор, тем более. Великий Саусесан, как теперь выяснилось, близок к физическому воплощению, раз не поскупился потратить драгоценную энергию. Хотя я до сих пор не догадываюсь, каким образом это ему удалось, когда в мире отсутствуют его главные слуги. Без н'уданов он никогда не рисковал.

— А как же сбежавшая из Белой Пирамиды? Как ее там? А, Хашайя из какого-то рода, — перебил я Маггорайхена.

— Хашайя из рода Чеенув слаба после заточения. Источник отравлен, и ей негде ускорить процесс восстановления внутренних сил, — ответил Аархин. — Другое дело, что есть еще тот таинственный хаосит, благодаря которому состоялось наше с тобой знакомство. Возможно, замешан он, ибо сила его потоков весома. Но пока вернемся к Баеорзту. Хаос заставил его выйти поздно вечером к тебе на встречу, ведь он очень хорошо знает меня, соответственно, велика вероятность, что юноша заметит подмену будущего учителя. Баеорзт, кстати, разочаровал своим предположением, что вместо меня по Шантайзу бродит ганур, не такими я хочу видеть тех, кому предстоит оберегать Энхор от сил Великого Саусесана. Впрочем, храмовники допустили такую же постыдную оплошность, но Тибор им судья. О ганурах давно не вспоминали, вот и результат. После этих событий я больше не колеблюсь — тот беург, который атаковал тебя утром не что иное, как еще одно касание Хаоса. Предатель собственного отца Калар давно облюбовал Энхор. Его мерзкие щупальца дотрагиваются до моего несчастного мира тысячелетия, и последствия этого контакта ты наблюдаешь со стороны. Войны, болезни — это лишь верхушка горы. Животную среду Хаос преобразовал заметнее. Изначально звери Земли и Энхора совершенно не отличались, что абсолютно логично. Порядок с сыновьями творили миры похожими друг на друга. В Энхоре ты тоже можешь встретить волков, зайцев, собак, знакомых птиц, и готов держать пари, что ты не найдешь разницы с теми, что обитают в твоём родном мире. А вот животные, названия которых слышатся тебе тарабарщиной, являются следствием физического влияния Великого Саусесана. Иначе говоря — они мутанты. Беурги, гугутикары, вистлы, мадиусы. На Земле их нет. Для величайшего в истории вселенной предателя это стало потехой, очередной безумной забавой могущественного создания, обязанного своим существованием Порядку. Калар в курсе, что такое воздействие не принесет ему победы, но радуется от того, что измывается над творением старших братьев безнаказанно.

— Да уж, генный инженер недоделанный, этот ваш Хаос. А что за мадиусы, при мне еще никто не упоминал про них?

— Ты видел одного в лесу. Еще мечтал, что на Земле дашь ему странное имя.

— А, кенгуруобразный кошкокролик Жмых! — припомнил я свой дневной безудержный полет фантазии.

— Именно. Кстати, интересная идея приручить мадиуса. В Энхоре ученых мадиусов никогда не было. Даже юружаойцы их не приручали, а я видел у них дрессированных беургов! — Маггорайхен был рад отойти от темы разговора. Оно и понятно. Рассказывать человеку из иного мира, как злобный Хаос губит его дом, и при этом не иметь возможности воспрепятствовать этому ужасному процессу, было сущей пыткой для Хранителя Порядка, последнего в своем роде. Я сутки страдал, что заблудился в чужом мире, считал себя самым несчастным человеком во Вселенной, бла-бла-бла. А ведь н'шасту Энхора приходилось не слаще. Даже хуже, я бы сказал. Из-за потери простого гражданина России Земля не станет на грань уничтожения. Что есть Димка Ладыженский, что нет его. Вот про Маггорайхена так не скажешь.

— Аархин! — воскликнул тут я. Уже и забыл, что шестилапного медведя я убил лишь при помощи неизвестного мага, вот голова садовая! Самое время уточнить у н'шаста, пока мы не приступили к чой-хуа. — Кто-то был возле пещеры, когда беург повторно попытался меня сожрать, хотя я никого не заметил.

— Ты о том, что время вокруг тебя замедлилось? — спросил Маггорайхен и лукаво улыбнулся. Прямо не Хранитель Порядка, а Мефистофель хренов.

— Ну, или я ускорился, неважно. Я в терминологии ваших заклятий не разбираюсь, уж прости. Кто это мог быть? Храмовник?

— Не храмовник. Вообще-то ты уже сам дал ответ на этот вопрос.

— Я? — переспросил я, чувствуя себя идиотом. Когда же, о великий волшебник Энхора, я ответил на свой вопрос. Аархин продолжал изображать из себя человека из рекламы мятных жевательных резинок, и тут меня осенило.

— Я. — Утвердительно повторил я местоимение и завершающую русский алфавит букву.

— Да, именно ты, Дмитрий Ладыженский с Земли, — сказал н'шаст и продолжил, прочитав на лице мое замешательство:

— Когда я в прошлый раз в Акл-Миратэ сообщил тебе, что человек из твоего мира не сумеет направить даже слабый поток магической энергии, я ошибся. Пока нельзя утверждать, связано ли это с тем, что ты обладаешь моим телом, или с тем, что если б Земля избрала путь не технологического развития, в тебе бы светилась искра силы Порядка. Поэтому помимо чой-хуа я постараюсь дать тебе базовые уроки управления потоками. То, что ты сплел в сражении с взбесившимся беургом, — серьезный уровень владения энергией, выше опытного тилбэчина. Но здесь я вижу простое объяснение. Ты сотворил поток неосознанно, спонтанно из-за угрожающей твоей жизни беде.

— То есть, повторить не получится? — Я бы не сказал, что особо хотел попадать в ситуации, аналогичные столкновению с зубастым мохнатым чудовищем. Но из-за противных касаний Хаоса мое путешествие по Энхору явно будет состоять из непредсказуемых встреч и случаев. Любое средство, хотя бы вот такое замедление, послужит с пользой для моей безопасности.

— На сегодняшний момент не знаю. Ни разу не учил магии иномирянина, поэтому в этой сфере я не мудрый Хранитель Порядка, а такой же школяр, как и ты. Начнем с повторения боевых приемов и стоек, затем я покажу кое-что новое, ну а после перейдем к простейшим потокам.

— Постой, — осадил я ретивого учителя. — Я не задал главного вопроса.

— Спрашивай, — позволил Аархин; Йенталстуакрахт уже материализовался у него в руке. Зрелище было поистине психоделичным. Мужик с холодным оружием сидел там, где я обычно бегал с оружием виртуальным.

— Для чего вы оставили в живых н'уданов? Либо я туп, как пробка, либо тут кроется некая особая причина. Сначала собирался выяснить это у Палстарника, но полный ответ дашь только ты.

— Причина кроется в природе н'уданов, — сказал Маггорайхен, разглядывая свой волшебный клинок. — Великий Саусесан достаивал каждого из них визитом, во время которого эти предатели Порядка не только продавали души. Они позволяли их телам стать вместилищем черных потоков энергии, созданных самим Хозяином. В случае насильственной смерти, н'удан выпускал их наружу. А вот что могло произойти, не ведали даже сами служители Калара. Одни из них гибли и освобождали чуму, с которой длительное время боролись, прежде чем страшная болезнь была побеждена. Другие отравляли убивших их н'шастов, доводя бедняг до безумия. Этому мы вскоре научились противодействовать. Третьи взрывались, уничтожая вместе с собой целые кварталы. Потом что-то поменялось. Как будто Порядок вмешался и очистил тела оставшихся н'уданов от скверны. Так, практически на моих глазах Ритайлина прервала жизнь Каески и ничего — никаких последствий. Во время открытой войны Порядка и Хаоса мы вообще не задумывались с последствиях. Мы убеждали себя, что если не стереть н'уданов с лица Энхора, то все эти черные потоки покажутся безобидными, когда Великий Саусесан явится во плоти и высосет наш мир до мельчайшей капли.

В итоге, пленив выживших прислужников Хаоса, мы огляделись и ужаснулись. Столько разрушений, пролитой крови, пролитых слез. Было принято решение не рисковать, вдруг Калар вернет разрушительные потоки в тела своих последователей. Мы заключили в надежные энергетические тюрьмы четырех н'уданов: Хашайю, Энкрича, Оордашу и Щамерта. Пирамиды возвели быстро; одну на территории Джийятской империи, одну в Виленсбашиге, одну в Соророре и одну на границе Заркондая и Каварахиича. Белый цвет символизировал власть Порядка над чернотой Хаоса. Строения укреплялись тонкими плетениями, смешанными с кровью тилбэчинов для дополнительной защиты. Мы тогда не подозревали, что Источник будет отравлен. Гробницы должны были стать вечными для последних н'уданов. Но без чистого Источника сила заклинаний упала, кто-то из хаоситов догадался, как развеять чары, и Хашайя, самая ужасная из предательниц, обрела свободу. Нельзя предугадать, как скоро из плена вырвутся остальные. Поэтому нам тоже нельзя медлить.

— Значит, буду заниматься интенсивнее, — пробормотал я, поднимаясь с кровати. И внезапно увидел, как Аархин вздрогнул. Его кустистые брови приподнялись, словно он заметил слона, который до этого прятался где-нибудь в шкафу. Ага, в котором Марина хранила ее многочисленные вещи. Комната, столь дорогая моему сердцу, испарилась, будто пустынный мираж. Мы стояли на фиолетовом ковре среди нескончаемой белизны.

— Проклятый Хаос! — вскричал Маггорайхен, подскакивая с кресла ко мне.

— Что такое?!

— Кто-то вошел в твою палатку, и его намерения отнюдь не добры! Продолжим урок после, иначе потом мне некого будет обучать. — С этими словами Аархин толкнул меня, и я стремительно взлетел вверх, ощущая себя запущенной в бескрайний космос ракетой.

Ракетой, чье существование намеревался прервать ночной незнакомец. А для чего еще он посетил безмятежно спящего на гугутикаре Хранителя Порядка?

Живая изгородь, окружающая городской сад в северной части Шантайза, превосходила человеческий рост. Рассматривая ее некоторое время, можно было прийти к выводу, что она есть олицетворение Порядка — каждая из ее сторон выглядела абсолютно ровной, ни единой торчащей веточки и листа. Еще бы, десяток лучших садовников, на содержание которых не скупился Наместник, ежедневно ухаживали за ней, поддерживая надлежащее состояние. Всякий, кто посещал это чудное место днем, обязательно слышал, как без перерыва работали ножницы внутри и снаружи периметра сада. Причины, по которой особое внимание уделялось именно этому участку города, никто не ведал. Ходили слухи, что здесь отец Наместника впервые встретил свою будущую жену. Кое-кто подшучивал, что правителя Шантайза здесь же и зачали, но делал это, естественно, тихо, ибо Наместник хоть и отличался набожностью, не забывал демонстрировать жестокость, если оскорбление касалось его царственной семьи. Для Ксаркаана Ньялигьяна сей сад стал местом, где он иногда кормил карликовых уток в небольшом пруду вместе с Длимашзуром Титвафолом.

Распахнутые металлические ворота предлагали жителям Шантайза прогуляться по чудесному саду. На улице царил погожий денек, настроение было приподнятым, поэтому Ксаркаан с улыбкой шагал привычным маршрутом. Он знал, что в этот час в саду народу немного, а вот к вечеру уставший от работы люд потянется отдохнуть среди океана зелени, великолепных фонтанов и специально обученных птиц, не покидавших территорию этого, несомненно, приятного места. Храмовник направился по знакомой дорожке вглубь сада, как обычно бросая взгляды на кусты, обратившиеся с помощью умелых рук в животных со всех краев Энхора. Здесь встречались и беурги, и тиргезы, и гугутикары, словно сад был своеобразным зверинцем, где отсутствовали клетки. Тут любой от мала до велика мог погладить по голове даже самого свирепого хищника без угрозы с его стороны. Ксаркаан заметил по пояс голого садовника ближе к изгороди. Тот пил воду из огромной фляги, а рядом на ковре из трав и цветов лежали огромные ножницы, которые в процессе работы в руках такого мастера порхали, будто бабочки. Ксаркаан сам был не прочь раздеться, солнце сегодня припекало, но снимать сутану перед беседой с членом Совета Тибора он не собирался. Пусть их встреча отчасти неформальна, нарушать традиции в любом случае ему не разрешалось.

Над головой пролетали разноцветные птицы, поющие каждая на свой лад. Ксаркаан не помнил точное количество их видов, но знал — оно впечатляло любого, кто посещал этот сад. Когда-то здесь пытались держать и хищных птиц, но затея вышла, мягко говоря, неважной. Они едва не съели всех остальных. Охотники получили приказ отстрелять бедных пернатых.

Дорожка свернула к аллее, над которой склонили ветви деревья, растущие лишь в империи Джийят. Только энергия смогла прижить их в здешнем климате к радости жителей Шантайза, ранее лицезревших подобные деревья лишь на картинках. Их кроны вверху были круглыми, а длинные ветви ниже серебряными нитями расходились во все стороны. Отсюда до пруда было рукой подать, поэтому Ксаркаан согнал с лица улыбку. Не хватало, чтобы Длимашзур его отчитал за несерьезность в свете новостей, доложенных утром Крамди Палстарником. То, что рассказал библиотекарь, потрясло храмовников. Ночное фиаско с поимкой ганура оказалось не самым пугающим событием. Освободившаяся из заточения

н'удан Хашайя свидетельствовала о том, что закон Порядка в Энхоре под угрозой. Аархин Маггорайхен покинул Шантайз ночью на гугутикаре, чтобы донести эту весть в Грелимарай, и Совет храмовников стал совещаться без последнего н'шаста. Единогласно приняли решение — не сообщать всем горожанам о побеге прислужницы Хаоса до других событий, которые могли бы представлять угрозу. Наместника предупредили, и надо отдать ему должное, он подействовал как подлинный правитель и главный защитник города. Буквально в течение часа наместник направил дополнительные силы стражников на городские стены, а вокруг близлежащих окрестностей усилили патрули. Чтобы солдаты и простой народ не задавали лишних вопросов, капитанам сообщили, что в дне пути от Шантайза заметили соророрских лазутчиков.

Ксаркаан миновал деревянные столики, на которых по вечерам играли в карты и кости, взял правее, обходя большой фонтан в форме гугутикары из молочного мрамора, и, наконец, впереди показался пруд, на котором покачивались уточки. Эту породу коричнево-зеленой расцветки вывели полвека назад для дочери короля Заркондая. Размер птичек был примерно в три раза меньше их крупных сородичей. Какой-то бедняк хотел однажды отужинать ими, но его вовремя поймали. Пара плетей научила его не покушаться на собственность города.

На широкой скамейке возле искусственного водоема овальной формы Ксаркаана ожидал месэр Титвафол. Длимашзур уже раскрошил хлеб и бросал его пестрым уточкам. Огромный живот члена Совета обтягивала белая сутана, на рукавах которой чернели восьмиконечные звезды. В этом году Длимашзуру исполнялось пятьдесят пять лет, но ни его полнота, ни уже почтенный возраст не вводили Ксаркаана в заблуждение. Он как никто знал, что в энергетических потоках толстяк даст фору тилбэчину моложе и стройнее его. Любой хаосит дважды подумает, прежде чем станет атаковать месэра Титвафола. В Совет Тибора просто так не избирают, а влияние среди старших храмовников толстяк имел весомое. Ему предлагали должность Настоятеля лет пятнадцать назад. Другой бы человек использовал эту возможность без колебаний. Но Длимашзур отказался, потому что Настоятели не принимали участия в полевых операциях, а он иной раз вырывался на боевые задания по собственному желанию. Ксаркаан без слов присел рядом на теплую, выкрашенную в желтый цвет доску, молча взял у Длимашзура кусок хлеба и присоединился к увлекательному процессу. Легкий ветер приятно обдувал их, а слух ласкала песня какой-то птахи, кружившей чуть вдалеке. Покой и умиротворение, правда, ненадолго.

— Как оцениваешь решение совета? — Титвафол давно готовил Ксаркаана к продвижению по иерархии храмовников. В моменты их встреч в саду толстяк либо выяснял его отношение к какому-либо вопросу, внимательно оценивая ответы, либо давал поручение, которое чаще всего заключалось в поимке очередного хаосита, тайно проникшего в Шантайз.

— Вполне адекватное ситуации. Месэр Аархин дал бы указания, если бы таковые у него имелись. Даже несмотря на эту глупую ночную историю. Думаю, он заочно одобрил Совет, ибо решения лучше этого нет.

— Мы все к этому склоняемся, иначе споры бы затянулись до вечера. А вечером тут слишком много глаз и ушей, а некоторые могут служить Хаосу к тому же.

— Так почему тогда не сменить место? Это прекрасный сад, но есть другие.

— Если бы Совет задержался еще на несколько часов, мы бы сменили место. К примеру, на мой дом. — Толстяк бросил еще крошек уточкам. Те устроили небольшое сражение за вожделенный хлеб. Маленькие, да удаленькие. — Но это вызвало бы лишние разговоры,

которых предпочтительно избегать.

— Какие? — спросил Ксаркаан. Он, конечно, догадывался сам, но хотел услышать это из уст Титвафола.

— Не все одобряют твою кандидатуру, мой мальчик. Мы все верны Порядку, но Хаос столь сильно влияет на Энхор, что даже в наших рядах есть разногласия. Часть Совета считает тебя слишком юным, чтобы посвящать в Старшего храмовника.

— Двадцать семь — это слишком юный?!

— Все относительно, — сказал Длимашзур, повернувшись к Ксаркаану; при этом его щеки колыхнулись словно желе. — Для Аархина Магторайхена даже я еще безусый юнец.

— А как же мой опыт? Я не только превосходно владею искусством создания потоков, но и не раз доказывал в бою, что умею действовать не хуже тех, кто сражался с Хаосом десятилетиями. Я выдержал схватку с двумя прислужниками Великого Саусесана одновременно!

— Никто не подвергает твои достижения сомнению.

— Неужели этого мало? — спросил Ксаркаан, подавляя желание швырнуть в скользящих по глади пруда уточек всю краюху хлеба. Они, конечно, ни в чем не виноваты, но не срывать же злость на толстяке?

— Посмотри внимательно вокруг. — Месэр Титвафол поводил рукой из стороны в сторону. — Здесь каждый клочок земли, каждый фигурный куст, каждое дерево привлекает к себе внимание. Ты тоже привлекаешь внимание Совета и остальных тилбэчинов. Тебя ценят и уважают, Ксар. Но если красотами сада, обожаемого нашим Наместником, можно только любоваться, то с тобой случай другой. Тебе завидуют, без злобы, конечно же, однако зависть всегда останется завистью, назови ее белой или черной.

— Мне завидуют? — удивился Ксаркаан. Он ожидал услышать что угодно, но не это слово. Ксаркаан сдержал смех, ибо давненько не слышал ничего веселее. Самые способные тилбэчины Шантайза испытывают зависть к рядовому храмовнику! Члены Совета, мудрые люди, мастера энергетических плетений, а ведут себя хуже маленьких детей. Немудрено, что давление Хаоса неумолимо нарастает.

— Да, как бы глупо это не звучало, — ответил Длимашзур, улыбнувшись так, что его щеки снова задрожали. — Ты молод, а в силе им почти не уступаешь. Некоторые из них встречались лицом к лицу с врагом куда реже тебя, Ксар. Поэтому их зависть легко объяснима и понятна. Я долго ломал голову, каким образом выбить для тебя место среди Старших, но никто бы не потерпел моего, как они говорят, любимчика. Теперь я нашел лазейку.

— И связано это с побегом Черной Хашайи из рода Чеенув.

— Никогда не сомневался в твоей сообразительности, мой мальчик. Да, живая н'удан на свободе сейчас является опаснейшей угрозой Порядку. Все столкновения с хаоситами за прошедшее столетие померкнут, если она сумеет восстановить утраченные за время заточения силы. Я убежден, что Аархин справится с ней без посторонней помощи, но будет лучше, если в этот миг рядом с ним будешь ты, мой лучший ученик.

— Вы хотите, чтобы я отправился за н'шастом? — Ксаркаан ушам своим не верил, о такой удаче он и не мыслил. Так, главное, чрезмерно не радоваться и не возгордиться. Гордыню месэр Титвафол не приветствовал.

— Да, и не просто отправился, а принимал полноценное участие во всех его действиях. Письмо для Аархина я подготовлю сегодня же, думаю, мне он не откажет. Тем более, я

посылаю к нему не какого-то недоучку, а настоящего тилбэчина, свободно справляющегося с любыми потоками энергии.

— Значит, в море выходить завтра? Успею собрать вещи!

— Не усердствуй, — усмехнулся Длимашзур, отряхивая живот от хлебных крошек. — Наш н'шаст много времени проводит в дороге, так что бери по минимуму. Это станет для тебя не приятным путешествием, а работой, которая, в свою очередь, может оказаться тяжелой и связанной с риском для жизни. Зато плоды, которая она принесет, в итоге компенсируют все затраченные силы. Ты приблизишься к Совету, а я проведу старость, зная, что среди храмовников Шантайза будет достойный тилбэчин, который никогда не отступит перед лицом Врага.

Они посидели еще немного, наслаждаясь свежим воздухом и запахами сада. Сперва обсудили политическую обстановку в мире, особенно останавливаясь на том, что Соророр вновь собрал войска у границ. Хотя то, что рядом с городом заметили шпионов южной империи, было на самом деле прикрытием для бегства Хашайи, возможность появления лазутчиков из Соророра росла с каждой неделей. Затем собеседники коснулись реставрации старинной часовни Тибора в западной оконечности Шантайза. Наместник выделил достаточно средств для ремонта, но Совет все еще сомневался, кому поручить выполнение работы — местной гильдии строителей или мастерам-каменщикам из Грелимарая. Когда тема разговора перешла на книги, Ксаркаан понял, что их встреча у пруда подходит к завершению. Месэр Титвафол всегда заканчивал беседу наставлением, какую книгу взять на заметку. На сей раз, он посоветовал работу безымянного автора о природе потоков, используемых н'уданами. При обучении в Храме Тибора об этом рассказывали мало, ибо никто не ожидал, что кто-то из прислужников Великого Саусесана вырвется из вечного плена. Теперь же, говорил толстяк, знать это жизненно необходимо.

Распрощавшись, они разделились. Длимашзур отправился выгуливать свой жир по периметру сада, а Ксаркаан, как обычно после их встреч, пошел в сторону лавки Митсаца, располагавшейся в паре кварталов отсюда. Ксар еще раз прокрутил в голове поручение месэра Титвафола, и оно нравилось ему все больше и больше. Ведь час назад вероятность такого успеха равнялась нулю, а теперь судьба бросила кости тремя шестерками кверху. Нужно было хорошо помолиться, чтобы удача не улетучилась, словно туман на ветру.

Лавка Митсаца занимала первый этаж каменного дома с покатой черепичной крышей. Колокольчики, зазвеневшие, когда открылась дверь, оповестили почтенного хозяина магазина о посетителе. Он крикнул, что сейчас подойдет, и Ксаркаан встал у стола, заваленного всякими лечебными травами. Благоухание различных кореньев, кустиков, странных растений из других государств заполнило ноздри за неуловимое мгновение. Сюда приходили все, включая членов Совета. Товары, предлагаемые Митсацем, стоили своих денег и всегда давали результаты после использования. Резь в животе, зубная боль, бессонница — любая из этих проблем решалась в сей известной на весь Шантайз лечебной лавке. Хозяин магазина появился из подсобного помещения и, наконец, увидел, кто к нему зашел.

— Была встреча? — спросил он, приподняв бровь. Высокий худой мужчина с пышными усами и волосатыми руками внимательно глядел на Ксаркаана.

— Само собой, — ответил Ксар. — Но, кажется, и что-то из лекарств сегодня понадобится. Предстоит долгая дорога.

Митсац ослабился. Он запер входную дверь на металлический засов и поманил Ксара

за собой в подсобку. Внутри помещения, где горел энергетический светильник, ничего не изменилось. Там среди груды деревянных ящиков, в которых Тиборским морем привозили товары для лечения всевозможных болезней, выделялся один, самый большой, прислоненный к стене. Чем-то неуловимым он напоминал гробы — коробки, обитые красным бархатом, в которых зарывали в землю своих умерших жители северной империи Джийят. Хозяин лавки снял при помощи стамески крышку с ящика, и между сколоченных досок показался длинный проход в тайную комнату.

Секретное помещение занимало просторный подвал под магазином. Мало кто из обитателей верного Порядку города бывал здесь. А те, кто все же удосуживались подобной чести, помалкивали об этом, ибо на кону была их жизнь и нечто большее. На дальней стене подвала в свете нескольких сальных свечей виднелся символ Хаоса, начертанный черной краской. Казалось, что стена треснула от удара невиданной мощи. Ксаркаан снял с себя синюю сутану, чтобы не оскорблять взор Повелителя, и отдал ненавистную одежду Митсацу. Хаосит нехотя принял наряд служителей Тибора, но перечить по обыкновению не стал. Он мог только догадываться, каково это — носить одеяние заклятого врага ежедневно.

Ксаркаан подошел ближе к стене. Он опустился на колени и медленно нараспев произнес молитву Великому Саусесану, истинному хозяину Вселенной. Стены тайного храма Хаоса бесчисленное количество раз слышали эти слова верности. И будут слышать еще столько же, пока Хаос, наконец, не установит в Энхоре законное Царство, окончательно расправившись с Порядком. Завершив короткий обряд, Ксаркаан забрал сутану у Митсаца и одел ее.

— Что нового тебе сообщил этот болван жирдяй? — спросил хозяин лечебной лавки, он же главный связной всех хаоситов в Шантайзе. Никто бы не заподозрил в человеке, чьи снадобья помогают лечить детей, слугу Хаоса. Ксар сам был невероятно удивлен, когда в первый раз посетил тайную комнату в магазине Митсаца. Тогда он осознал, что хаосит поистине умеют приспособливаться.

— Будешь смеяться, но судьба сыграла сегодня на нашей стороне!

— То есть? Тебя все-таки посвятят в Старшие? А то предводители уже заждались.

— Нет, одного жирдяя недостаточно, чтобы это случилось. А других покровителей завоевать сложно, — сказал Ксаркаан. Ему было искренне жаль месэра Титвафола. Старый тилбэчин многому научил Ксара, они бились плечом к плечу против хаоситов, а на занятиях по направлению потоков Ксар вникал в энергию дотошнее всех. Чем, собственно, и заслужил уважение и привязанность Длимашзура. Толстяк был бездетным, поэтому с радостью нашел сына в Ксаркаане. Это стало дебютной удачей хаосита, всю сознательную жизнь играющего роль храмовника. Тибор, наверное, находился в ярости, если еще наблюдал за Энхором. Но сей ложный бог скорее забыл о мире, на который когда-то претендовал. Глупцы ждали его, а он не спешил приходить. Слабый бог. Беспольный бог. Лживый бог.

— Не понимаю, ты уже так долго внедрен в число Тиборских прихлебателей, а к Совету еще не приблизился. Твои редкие встречи с Титвафолом не дают полной картины того, что прячется в умах служителей Порядка. Что может быть важнее посвящения в Старшего?

— Длимашзур поручил мне помогать Аархину Маггорайхену!

— То есть, как помогать?! — воскликнул Митсац, его глаза неподдельно расширились.

— Сопровождать его повсюду. Я не использовал никогда искаженные плетения Хаоса, поэтому н'шаст не почувствует, что моя душа принадлежит Великому Саусесану, — пояснил Ксар. — Маггорайхен, сам того не ведая, посвятит меня в самые важнейшие дела Порядка, о

которых я буду сообщать нашим агентам.

— Ни во что он тебя не посвятит. — Хаосит раздраженно махнул рукой.

— Что ты имеешь в виду?

— Потому что человек, покинувший пределы Шантайза этой ночью, возможно, не Аархин Маггорайхен.

— Ты издеваешься? — разозлился Ксаркаан. Митсац не входил в число его друзей, их объединяла лишь принадлежность к одному лагерю. Слова хозяина лавки взбесили Ксара, и он пожалел, что Митсаца нельзя проучить, ведь от отношений с ним зависело многое. С него станется выдать слугам Тибора того, кто десять лет живет чужой жизнью, каждый день рискуя быть убитым. — Крамди Палстарник подтвердил, что лично проводил н'шаста к гугутикаре. Или ты отравился своими травками и считаешь, что ночью видели ганура?

— Не считаю. Многие подробности от тебя утаивают, Ксар, потому что ты тесно общаешься с храмовниками. Слишком рискованно держать тебя в курсе всего важного, что сейчас происходит. Если тебя раскроют раньше, чем ты успеешь подобраться к Совету, то пытки поборников Порядка заставят тебя болтать.

— Я скорее умру, чем выдам кого-либо! Говори, Хаос тебя заведи, чего я не знаю?! Утаивая от меня важные сведения, вы только повредите миссии, возложенной на меня!

— Месэра Ритайлина вытолкнула Аархина из Энхора, — произнес отдельно Митсац. — Существо, которое обратилось в н'шаста... Никто из хаоситов не ведает, что оно такое. Судя по библиотекару, оно ведет себя так, что не вызывает подозрений в подмене. Идеально притворяется Хранителем Порядка.

— А если Ритайлина не смогла осуществить задуманное? — Ксаркаан сам не сомневался в силе бывшего Хранителя. Ритайлина Чисхаргана была могущественным н'шастом, а перекройка в н'удана, насколько он слышал, совершенно ее не ослабила. Но как тогда объяснить то, что рассказал Митсац?

— Вот тебе и предстоит разузнать, вернулся ли из небытия н'шаст или кто-то иной играет свою игру.

Хорошее настроение Ксаркаана полностью пропало. Проклятье, подумал он. Отказать толстяку Длимашзуру теперь было нельзя. Это его обязательно разочарует, и тогда места в Совете Тибора не видать никогда. Правда, если Аархин Маггорайхен не остался самим собой, а в его облике по Энхору бродит другое существо, места не видать в любом случае. Ведь их встреча может закончиться гибелью Ксара.

Но кто не рискует, тот не седлат тиргеза. Старая поговорка вспомнилась к месту. Ксаркаан только и делал, что жил верхом на тиргезе. Он родился в семье, которая поклонялась Великому Саусесану шестое поколение, и выбора стороны в вечном конфликте двух могущественных сил ему не предоставили. Но Хаос привлекал его сам, влек своей свободой и будущими возможностями. Когда в Ксаре проявилась способность к манипуляции энергией, радости его отца не было предела. Старик даже прослезился. В их роду до этого не рождались тилбэчины, а теперь его младший сын получил шанс занять высокое положение в иерархии хаоситов. Но судьба сложилась иначе. Ему приказали отдать Ксаркаана на обучение в Храм Тибора, потому что тот не успел запятнать себя чуждыми для Порядка плетениями. Отец возмутился, но его успокоили тем, что возложенная на Ксаркаана миссия имеет важнейшее значение для победы Хаоса. С тех пор началась двойная жизнь, построенная на риске. Ксар общался и дружил с теми, кого однажды ему придется стереть с лица Энхора. Поначалу, он думал, что на это не способен, но чем старше

становился, тем сильнее признавал свою значимость для Великого Саусесана, а ради него был готов даже на убийство родичей, если Повелитель того когда-нибудь возжелает. Ксар верил, что Хаос изберет его н'уданом, когда явится, наконец, в мир. А терпению он научился за долгие годы среди храмовников.

Ксаркаан узнавал врага изнутри, постигал их принципы, все больше убеждаясь, что Порядок — лишь мерзкая плесень на свежей плоти Вселенной. Было странно, что люди цеплялись за ложную веру, не замечая вокруг себя истины. Хаос изначален! Не Порядок, а Хаос! Ксар слушал лекторов и сдерживал себя от криков. Вы не правы, хотелось рычать ему, вы слепы и глухи, и несете вашу слепоту и глухоту Энхору. Ксаркаан жалел, что не мог открыть глаза тем тилбэчинам, с которыми дружил. Он с удовольствием бы переманил их на сторону Повелителя, но не обманывал себя: они хоть и молоды, хоть и не заостенели еще, но все равно не примут правды. За это Ксаркаан их не осуждал, он тоже не представлял, что кто-то имеет силу переубедить его в правоте Великого Хаоса. Но час истины настанет, очень скоро настанет. Слепые научатся видеть, глухие — слышать, ложь, порожденная Порядком, исчезнет, а Царство Великого Саусесана придет.

Ксаркаан взял нужные травы и покинул лавку Митсаца. Обычно после он возвращался в Храм, но сейчас решил еще побродить по улицам Шантайза. Ксар плыл среди людей, и в этот миг чувствовал себя далеким от них как никогда. Разум Ксаркаана уже занялся тем, что ему однажды предстояло. Вершить судьбы.

Я очнулся и едва не вскочил как ошпаренный. Пришлось сжать кулаки и стиснуть зубы, чтобы заставить себя остаться недвижимым. Я еще не чувствовал присутствия постороннего в палатке, но в том, что оно имело место, не сомневался. Аархин не походил на того, кто ошибается в подобных случаях. Тем более, что от сохранности его тела и наличия моего разума в нем, зависела судьба огромного мира.

Незнакомец ничем не выдавал себя: ни шороха, ни приглушенного дыхания, ничего. Я вслушивался в темноту, гадая, что делать дальше. Первым и, естественно, глупым порывом, было желание позвать на помощь. Даже если бы на этот сигнал SOS сюда ввалился десяток прекрасно обученных воинов, преданных Порядку, они бы нашли здесь уже бездыханное тело последнего н'шаста Энхора. Горемычная же душа Дмитрия Ладыженского отправилась бы в финальное путешествие по Вселенной. Ну а если бы удача улыбнулась этим гипотетическим спасителям, то отвертеться от их расспросов после я бы не смог. В конце концов, я — Хранитель Порядка, это я должен бросаться на помощь, а не просить ее. Тянуться за волшебным клинком тоже было нельзя; от человека, проникшего в мою импровизированную каюту на необычном корабле, это движение не скрыть. Я лихорадочно метался от одной идеей к другой, понимая, что вот-вот на меня сверху может обрушиться меч, нож или еще что-нибудь не менее смертоносное. Наконец, я уловил выдох незваного гостя. Он еще стоял у входа и, видимо, занимался сейчас тем же, чем и я: соображал, как быть дальше. Наше молчаливое знакомство могло затянуться надолго, поэтому я решил заговорить с чужаком, надеясь, что он не кинется на меня в ту же секунду.

— Стой на месте, если хочешь жить, — произнес я грозно. — Иначе я уничтожу тебя.

— Каким же образом? — спросил голос в темноте. Он не дрожал, но я уловил сомнение, будто человек взвешивал свои шансы против проснувшегося могучего мага.

— Поток, который испепелит твое несчастное тело, я приготовил, едва ты ступил за порог палатки без моего разрешения.

— А вот это неправда. — Тьма вдруг резко сменилась светом, заставив меня зажмуриться. Я тут же разлепил глаза, чтобы незнакомец не успел напасть на меня. Но тот не спешил, он так и не сдвинулся с места.

Это был мужчина в дорогом костюме, из-за которого откладывался выход в море. Эх, жаль, что мы дождались такого опаздывающего. Лучше б я приказал отдать швартовые, как только поднялся на борт; капитан бы не смел перечить н'шасту. В одной руке ночной гость с бородкой держал меч, который я заприметил, когда он взошел на гугутикару Юритыфа; в другой — шар, размером с теннисный мячик, источавший яркий свет. Очередная магическая лампа, вот уж поистине велико их разнообразие в Энхоре. Щеголь слегка улыбнулся и сказал:

— Я не чувствую в тебе даже отголосков жизненной энергии, поэтому ты не убьешь меня никаким плетением. Ты не Аархин Маггорайхен.

— Ты тилбэчин?

— Вот еще одно доказательство, что ты самозванец! — самодовольно произнес незнакомец. Теперь он растянул губы в хищной ухмылке, которую немедленно захотелось стереть с его лица хорошим ударом кулака. Или даже сапога.

— Ну, раз ты все знаешь, объясни, кто ты сам такой, твою мать? — Я шарил глазами по

палатке, пытаясь определить, что можно использовать в качестве защиты. Подушка отпадала, плащ тоже. Йенталстуакрахт, конечно, лежал рядом, но щеголь бросил на него взгляд. Я не дурак, понял, что это значило. Если во тьме мысль схватить клинок казалась бесполезной, то при свете волшебной штуковины она стала бесполезной вдвойне. Незавидное у меня положение.

— Меня зовут Црагыыл, и я — д» рута.

— Поздравляю, но будь добр, поясни подробнее. Я же не последний Хранитель Порядка.

— Д» рута — убийца, обученный отнимать жизнь у тилбэчинов Порядка. — Црагыыл слегка поклонился мне. Козел. Железный Феликс хренов! Я вдруг почувствовал, что возвращается паника. Не время! Надо успокоиться и болтать дальше, Дима. Соберись, не будь тряпкой.

— То есть, ты всего-навсего обычный хаосит, неспособный брать силу из Источника, — с умным видом заключил я, как будто беседовал с преподавателем магических искусств из какого-нибудь энхорского университета. Если, разумеется, они здесь вообще существовали. Заговаривать зубы, так заговаривать, пока в голову не придет надежный выход из сложившейся ситуации.

— Обычный? О нет! Любой служителю Тибора боится д» рута не меньше ганура. Мы действуем так, что нас не замечают, а смерть приносим мучительную и долгую.

— Ого, впечатляет. Но ты же выяснил, что я не н'шаст и не обычный тилбэчин. Может, и убивать не станешь?

— Похвально, что ты не испытываешь страха, — сказал Црагыыл. — Шутки — это прекрасно. Ни разу до этого мои жертвы не шутили в ожидании известного им исхода. Разве что слезно вымаливали еще несколько мгновений жизни. Я д» рута, но убиваю всех, кого требует дело Хаоса. Мне любопытно, кто ты на самом деле и как тебе удалось завладеть Йенталстуакрахтом, ведь я ощущаю, что это действительно меч, зачарованный для н'шаста. А потом я подарю тебе смерть. Скорую, если ты станешь отвечать на мои вопросы без промедления.

— Не нужны мне от тебя никакие подарки.

— Кто ты? — хаосит, призванный убивать храмовников, не обратил внимания на мои слова.

— Я человек.

— Хм, ты уже начинаешь утомлять. Кто ты?

— Я прибыл издалека. — Почему бы мне не рассказать этому приятному собеседнику все, как есть? Что я из другого мира. Только добавить немного обмана для того, чтобы запутать щеголя с бороденкой. Ведь я ясно и четко уже осознавал — из палатки выйдет лишь один живой.

О том, что рано или поздно мне придется убить человека, я думал раньше. Просто этот момент наступил скорее, чем того хотелось. Црагыыл — не рогатый медведь, но опасность представляет серьезную. Тут уж не до моральных принципов и не до заповеди: не убий. Да и не человек он, а тот, кто якшается с Хаосом. Сколько жизней светлых магов он и ему подобные прервали? Единицы? Десятки? Сотни? Он приносил зло Энхору, прислуживая Великому Саусесану. Теперь я должен был стать орудием возмездия со стороны Порядка. Нужно только обхитрить Црагыыла, чтобы инициатива перешла в мои руки. Пока же право сильного было за щегольским убийцей, а не за Дмитрием Ладыженским с Земли. Сейчас бы

пробудить те магические способности, которые уберегли меня от когтей и кльков разъяренного беурга, да где уж там. Время, как тогда, не замедлилось, но так и д» рута пока не напал.

— Издалека? — переспросил Црагыыл и нахмурился. — Из новых земель за океаном?

— Нет, — не стал я лукавить. — Из мира совершенно отличного от вашего.

— Выходит, это правда! Поэтому я не вижу твоей энергетической ауры. Великий Саусесан обещает нам, что когда Хаос возродится в Энхоре, мы пойдем дальше к другим вселенным, чтобы установить наш истинный закон повсюду. Путешествия между мирами возможны!

— Не для всех, — одернул я вдохновленного д» руту. Я, наконец-таки, поймал за хвост занимательную идейку. — Только для тех, кто посвятил жизнь служению Хаоса.

— О чем ты говоришь?!

— Я такой же хаосит, как и ты. С Тэрры. Мира, где Повелитель правит уже пару эпох сс всем своим величием.

— Правит, уже? — Црагыыл опешил, но бдительности не потерял. Я не стал лишним раз смотреть на Йенталстуакрахт, чтобы моя легенда тут же не обратилась в фарс, поэтому продолжил импровизировать на эту тему:

— Именно! Великий Саусесан крепко держит длань над Тэррой. Последователей Тибора и его отца не существует больше, а каждый из семи миллиардов жителей моего мира верен Хаосу и не помышляет об ином счастье.

— Семи миллиардов?! Почему нам в Энхоре неизвестно ничего об этом? — поинтересовался убийца. Надо было отдать ему должное, он хоть и внимал мне, но не принимал слова за совсем чистую монету. Проверял, ведь я на самом деле мог вполне оказаться служителем Хаоса из соседнего мира, а убивать союзника не к чему.

— А ты часто напрямую общался с Хозяином? — ответил я вопросом на вопрос.

— Нет. — В потоке света от волшебной лампочки от меня не ускользнуло, что Црагыыл покраснел. От стыда что ли? Я надеялся, что мне еще представится возможность выяснить у Маггорайхена, из-за чего у д» руты такая реакция. Может, он еще слишком молод для первого контакта с Великим Саусесаном.

— Тогда нет ничего удивительного, что вам многое неизвестно. Зачем Хаосу делиться своими достижениями со слугами? Часто ли короли рассказывают простому крестьянину, как они добыли победу на поле битвы? Придет час, и Энхор познает все таинства. Хоть ты и не ощущаешь во мне энергии, она, естественно, течет по моим жилам. Я нахожусь далеко от Источника, который дает жизненную силу в моем мире, поэтому твое тренированное чутье д» руты распознает меня как человека без толики энергетических умений. А ведь я сильнейший тилбэчин по потокам разума в Тэрре. Позволь, я сяду, лежать и заговаривать неудобно.

— Сядь, но без резких движений, — позволил человек с мечом. Само собой, упырь, иначе ты насадишь меня на клинок, как жука на иголку, а оно мне надо? Я устроился поудобнее, но это не дало мне никакого преимущества. Зато я разглядел сумку с припасами, которые собрал Крамди Палстарник, и на меня нахлынул голод! Не было печали, так подай. Я на волосок от смерти, а мне вдруг жрать захотелось. Вообразить, что людей, которых в средние века вели на казнь, вдруг одолевала жажда покушать, не вышло. Видимо, я один такой придурочный. Уникум, феномен. Маринина радость.

— Почему ты выглядишь как последний н'шаст? — спросил Црагыыл, продолжая играть

в профессионального следователя. — Если твои слова про Хаос и Тэрру правдивы, то это самый странный выбор для воплощения.

— Аархина Маггорайхена выставили из Энхора к нам. Великий Саусесан лично выпил его душу на площади, возведенной в честь его давней победы. Все как один глазели на пришельца из мира, в котором Порядок еще имеет влияние. — Может, это и прозвучало пафосно, но я был доволен придумкой. Конечно, можно было сказать, что казнь н'шаста транслировали по телевидению, но пришлось бы на пальцах объяснять Црагыылу, что это и как работает. — Совет Хаоса после казни поручил мне занять его тело, ибо только так путешествия между мирам приобретало реальность, и отправиться к вам.

— Для чего?

А вот тут следовало быть осторожным, потому что я еще не успел покумекать для чего. Помогать? А в чем? Я еще не достаточно хорошо разобрался в противостоянии Хаоса и Порядка. Какую миссию я мог бы выполнять, если бы моя история не была ложью? Если не знаешь верного ответа, лей воду. Институтская мудрость, не раз выручавшая на экзаменах и зачетах. Но воды я итак пролил изрядно, хватит на целый огород; без конкретики мой рассказ слишком походил на байку. Я решил напустить тумана, используя те крупницы информации, которыми владел на момент, когда проклятый д» рута без приглашения зашел в палатку. В животе заурчало — голод подал голос. От волнения, наверное. Я снова метнул взгляд на сумку. Вгрызться бы прямо сейчас в луковицу, выпить бы зубами в мясо, заесть все потом краюхой хлеба, да запить бодрящей водой. От Црагыыла не укрылась моя внимательность к торбе, но он промолчал, ожидая услышать объяснение моего тайного задания.

— В Грелимарае кое-что поможет власти Великого Саусесана в Энхоре, — продолжил я актерствовать. — А как твой орден узнал заранее, что я сяду в порту именно на гугутикару?

— Мы не знали. Шантайз этим вечером бурлил, а потом кто-то из наших сообщил, что Аархин сел на живой корабль. Я уже давно был без дела, поэтому без распоряжения сверху решил пойти за тобой. Я собирался тайно проникнуть на борт и затеряться среди палаток, но тут удачно под руку подвернулся опаздывающий пассажир. Его тело навсегда поглотили портовые воды. Юритыф все равно перевозит слишком много людей, чтобы запоминать каждого из них в лицо.

— То есть никто не в курсе, что ты отплыл из Шантайза. — Это радовало. Значит, хаоситы еще не объявили охоту на меня, а мой вероятный убийца действовал единолично.

— Что в сумке? — Црагыыл указал клинком на торбу Палстарника.

— Еда, — сказал я.

— Возьми сумку и покажи, что в ней, — велел мне щеголь. — Только медленно и безо всяких лишних мыслей, я успею прикончить тебя раньше.

Я послушно дотянулся до сумки, поставил ее рядом с собой и запустил внутрь руку. Сначала ухватил луковицу, и, выудив ее наружу, демонстративно повертел перед д» руты. Потом пришла очередь бурдюка с водой. Следующим мне попался хлеб, который на ощупь был мягким, словно его только что испекли в огромной домашней печи. А вот вместо мяса я вдруг нащупал кое-что другое. Твердый небольшой предмет. Ай да Крамди, ай да Палстарник! Я сразу подумал, что если повезет, и у меня появится шанс еще раз увидеть его длинный нос, я буду неустанно благодарить старика-библиотекаря, обниму его крепко и расцелую. Крамди дал мне в дорогу не только съестных припасов. Он оставил мне з'уартхил, того белого голубя с малиновыми глазами и клювом. Жаль, что я не обнаружил его с самого

начала. Вот если бы отказался от угощения Юритыфа перед сном, я бы заглянул в сумку, но сейчас это уже не важно. Я так и не нашел в себе смелости зарезать или задушить человека, пусть и такого, как слуга Хаоса, поэтому Палстарник избавил меня от еще одной трудности. Настал момент истины. Я вытащил фигурку из сумки и направил кулак на Црагыыла.

— Что это? — спросил он.

— Сувенир для тебя, — спокойно пояснил я. — Лови!

Я сжал з'уартхил, и в то же мгновение в палатке началось светопреставление. Надо отдать должное, щеголь-хаосит успел прыгнуть в мою сторону; его реакции мог бы позавидовать мангуст. Но было поздно. Мою кисть словно обдало холодом, голубь из камня лопнул, и появившаяся из небытия ломаная линия молнии с оглушающим треском ударила в Црагыыла. На неуловимый момент в палатке стало еще ярче, а потом пространство вокруг сотряс мощный удар грома. Само собой, я закрыл глаза, а когда наступила тишина, осмелился посмотреть на результат срабатывания з'уартхила.

Палатка исчезла: то ли сгорела, то ли ее сорвало потоком воздуха с панциря гугутикары, и теперь она, скорее всего, дрейфовала неподалеку на воде. О присутствии здесь минуту назад убийцы, специализирующегося на устранении магов Порядка, напоминал лишь его меч. Он теперь лежал возле моих ног. А, вот еще и его сапоги, дымящиеся как две трубы старого завода в каком-нибудь провинциальном российском городке. Говорил же я Црагыылу, что испепелю, а он не верил. Фома неверующий. Эх, д» рута, а сколько было бахвальства. Нет, конечно, мне повезло, что друг Маггорайхена пожертвовал столь редкую вещь пришельцу из параллельного мира. Иначе б я еще долго вешал лапшу на уши Црагыыла и в итоге вступил с ним в рукопашную борьбу. А она могла бы закончиться плохо как для него, так и для меня.

Гугутикара затрубила и замедлила бег по водной глади. Из палаток высыпали люди, зазвучали расспросы, а ко мне уже направлялись капитан и его помощники, освещая палубу факелами. Юритыф держал в руке стальной тесак, его команда вооружилась дубинками. Отряд быстрого реагирования, блин!

— Месэр Аархин! — воскликнул капитан, оглядывая все, что осталось от его капитанской каюты. — Вы в порядке?

— Да, бывало и хуже. — Я встал на ноги и отряхнулся от пепла, который раньше носил имя Црагыыл. — Меня во сне пытался убить приспешник Хаоса.

— Храни нас Порядок! — пузатый хозяин гугутикары и его матросы принялись неистово молиться. — Хаоситы на моем корабле?

— Не беспокойтесь, он был один и больше не потревожит наш покой. Прошу прощения, что не вышло уничтожить его, не разбудив спящих пассажиров.

— Что вы, месэр Маггорайхен, — пробормотал Юритыф. — Мы благодарим вас за избавление от раба Великого Саусесана.

— Теперь я хочу осмотреть его палатку. Это был тот самый господин с бородкой, которого мы ждали.

Я был уверен, что если бы на моем месте был сам Аархин, он стал бы рассуждать также. Вооружившись Йенталстуакрахтом, я последовал за капитаном, который велел помощникам успокоить пассажиров. Гугутикара в этот момент громко огласила ночную пору, словно давала сигнал к повторному отбою.

В палатку д» руты Црагыыла я вошел осторожно. Вряд ли он приготовил здесь какую-нибудь ловушку, но раз я решил изображать из себя Шерлока Холмса, то и действовать

должен был со всей присущей знаменитому сыщику внимательностью. Свет факел уступал в силе магической лампочке хаосита, но я ее не нашел. Возможно, волшебный шарик отбросило в море, либо он сгинул в потоке энергии, вырвавшейся из мраморного голубя. Каюта Црагыбла была в два раза меньше капитанской, но в остальном она походила на нее как родная сестра. Ничего примечательного мы с Юритыфом не обнаружили. Я даже вытряхнул набитый соломой матрас, пока не убедился, что поиски напрасны. Любезный капитан все это время переминался с ноги на ногу. Волнение от того, что на его судно проник хаосит, который еще и совершил покушение на жизнь Хранителя Порядка, в нем не угасало. Я положил руку ему на плечо, ободряюще улыбнулся и убедил, что беды закончились. Пришлось напомнить ему, что от настроения капитана зависит расположение духа его команды. А паника на корабле способна навредить не меньше злобных хаоситов.

После хозяин гугутикары предложил мне переселиться в одну из палаток его матросов, но я вежливо отказался. Сказал, что продолжу ночевку в жилище хаосита. Другой бы на моем месте, наверное, сжег эту палатку, но я же Аархин Маггорайхен! Меня не страшит место, где пару часов провел слуга тьмы. Я только вернулся за гостинцем от Крамди, потому что голод никуда не делся. Умяв все до последней крошки, я лег спать, и на сей раз сон накрыл меня быстро.

Единственный н'шаст Энхора вновь встречал меня в комнате. Он сотворил из ничего чайник и две чашки, которые сразу же заблагоухали душистым напитком. Я взял одну, отхлебнул, блаженно зажмурился и присел на край кровати.

— Ты отлично справился, Дима, — сказал Аархин, отпив чая.

— Премного благодарен! После этого Црагыбла, я боюсь двигаться дальше. Я не знаю всех опасностей вашего мира! А тут они на каждом шагу.

— Ты прав, поэтому сегодня уделим немного времени не только чой-хуа. Я расскажу про опасности, но и научу тебя месяцам, нашим обычаям и прочим вещам, которые тебе пригодятся. Возможно, надо было с этого и начинать, но представь, если бы с беургом тебе пришлось сражаться без приемов, что я тебе преподавал ранее.

— Не желаю даже представлять. — Я поежился, представив, как говорю рогатому хищнику, что знаю все двенадцать месяцев Энхора. Или не двенадцать, никто же не утверждал, что мир, где Хаос и Порядок сошлись в прямом противостоянии, совершает оборот вокруг солнца за такое же время, как Земля.

— Не удивляйся, что Крамди отдал тебе з'уартхил. Он понимал, что, не владея магией, твои шансы на выживание совсем малы. Жаль, что такой мощный артефакт использован в самом начале пути, — задумчиво произнес н'шаст. — Но д» рута действительно грозный враг. Они профессионалы своего черного дела. Когда-то их орден был многочислен, и угроза, которую они представляли, была весома. Со временем мы почти полностью выкосили их ряды, но сорняки имеют свойство снова прорасти.

— Почему они чувствуют энергию в людях?

— Это достигается с помощью определенных потоков, которыми воздействуют на молодых адептов ордена д» рут. В течение нескольких лет они подвергаются этой процедуре, и она не только дает им такое умение, но и серьезно вредит психике. Часто этот вред проявляется в повышенной ярости, нередко возникают неконтролируемые вспышки злости. К старости, если д» рута доживает до преклонных лет, почти все они сходят с ума и кончают жизнь самоубийством.

— Это потому, что в них растет жажда убивать?

— Правильно, Дима. Не будет рядом подходящей жертвы, д» рута перережет горло себе. — Аархин провел пальцем под подбородком. — Хаос в отличие от Порядка не заботится о слугах. Тибор и его отец ценят и благословляют любую светлую жизнь. Калар же использует людей для достижения своих черных целей, и если это требует их смерти — так оно и будет.

— Тогда другой вопрос, почему Црагыыл знал, что меч — Йенталстуакрахт, а голубка не распознал? — уточнил я. — И почему он покраснел, когда я спросил у него про контакт с Великим Саусесаном. Вроде бы особо обученный душегуб.

— Все просто. Энергия з'уартхила внутри оболочки. Д» рута не может пробиться сквозь камень, железо, дерево или любой другой материал. От Йенталстуакрахта же сила исходит наружу. Энергия словно обволакивает его, поэтому любой маг или член ордена убийц распознает вещь, подобную моему мечу; он видит ее ауру. Ну а стеснение объяснить еще проще. Калар иногда дарит беседу своим последователям, но только, тем, кто обладает силой. Не можешь касаться Источника — не жди контакта. Поэтому рядовые хаоситы стыдятся, что, несмотря на верность, они никогда не удостоятся внимания Великого Саусесана. Уверен, что глава д» рут и тот, кто сейчас командует хаоситами, тоже зальются краской, когда их спросят про связь с властелином. Они ждут его физического воплощения, только тогда они увидят его. Мы еще обсудим не раз и д» рут, и хаоситов. Ты готов, ученик?

— Да, учитель. — Я уже давно не был студентом, но вдруг опять ощутил себя в университете, который теперь носил гордое название Акл-Миратэ. Вместо профессора философии передо мной вел лекцию маг, вместо огромной аудитории мы находились в чертогах его разума. Я вспомнил, как много раз прогуливал занятия с друзьями, или храпел прямо на столе, если не высыпался перед походом в альма-матер. Но сегодняшнюю пару я планировал прослушать от начала до конца. Ведь диплом о высшем юридическом образовании — это здорово, а знания, которые продлят мою жизнь — бесценны.

Удар грома совпал с ударом ее сердца. Небеса оглушительно треснули, и летний дождь, хлынувший следом, наполнил раннюю ночь шелестом. Вспышка света — и снова грохот, перекрывающий остальные звуки. А затем все повторилось, еще и еще.

Хашайя стояла на массивном валуне, поросшем мхом с восточной стороны, и не обращала внимания на стихию. Она слушала ночную музыку с закрытыми глазами. Это был ее первый дождь после векового забвения, и влага, льющаяся с темных небес, вызывала сейчас исключительно приятные эмоции. Шайя подставила лицо теплой воде, чувствуя как струи бьют по коже, бьют ощутимо, но в тоже время нежно. Она улыбнулась, сама не зная чему. Может, это какое-то воспоминание из детства дало о себе знать? Или прикосновения дождя напомнили ей пальцы Ленцырбана? Он тоже умел быть одновременно сильным и ласковым. Хашайя провела руками по мокрым волосам и открыла глаза. Не лучший момент, чтобы переживать прошлое, но отказывать себе в минутной слабости, она не собиралась. По крайней мере, сейчас. Шайя положила руку на рукоять меча и направила взор вперед, где с помощью сполохов небесного пламени из темноты возникала Белая пирамида — сестра-близнец той, в которой провела долгие годы сама представительница древнего рода Чеенув.

Гробница Энкрича располагалась на территории королевства Каварахиич вдали от городов и деревень. В дне пути отсюда проходила граница с Заркондаем. Белая громада поднималась над степью, где обитали лишь вистлы и мыши. После возведения пирамиды возле нее построили Храм Тибора, в котором несли службу боевые тилбэчины Порядка, сменяемые раз в год. Они существовали в этой глуши благодаря припасам, доставляемым сюда из ближайших поселков. Заниматься земледелием тут не рисковали — ходили слухи, что злая энергия, выделяемая телом н'удана, была способна загубить посевы. Долговязую смерть, как оказалось, боялись даже в заточении.

Здесь влияние хаоситов было бессильно. Если в Тримашлонапе связи и деньги способствовали освобождению Хашайи, то в этих глухих землях они значили не больше, чем дохлый капит. Местных храмовников не подкупить и не запугать, их предки бились со служителями Хаоса еще во время последней войны. Возможно, чей-то прадед даже видел Хашайю лично. Поэтому оставалось только дерзкое внезапное нападение, а ночь, к тому же сопровождаемая дождем, подходила для него лучше всего.

Перед перемещением Хашайя выбрала себе одежду и клинок. Она облачилась в обтягивающие, но в тоже время не стесняющие движения, коричневые штаны и легкую куртку без рукавов. На ноги отлично подошли кожаные полусапожки. Меч Шайя искала долго — пришлось пройти половину оружейных залов. Она бы предпочла клинок, который верно служил ей сто шесть лет назад, но его уничтожили сразу, после пленения. Еще одна причина для ненависти к тиборским псам. За каждую обиду они ответят, подумала она, и разгром стражей Энкрича станет началом ее мести.

Сила еще слабо пульсировала в ее крови. Хашайя не смогла оторвать от мраморного пола нитку, однако от этих крупиц энергии пользы в битве все равно бы не прибавилось. В любом случае, она делала ставку на чой-хуа. Шайя поупражнялась несколько часов, выяснив в итоге, что многие приемы работают плохо из-за нехватки энергетической подпитки, но в целом удовлетворилась результатом. Противостоять ей сумеет лишь поистине талантливый боец, а их среди храмовников всегда было немало. Ритайлина наблюдала за ней в это время,

и на сей раз удержалась от колкостей. Перекроенная н'шаст сказала, что помимо чой-хуа, Шайя принесет дополнительную пользу их плану своим присутствием. Хашайя поначалу не поняла, о чем именно говорила Рита, пока они не переместились в Каварахиич.

Двух н'уданов на закате встретил небольшой отряд хаоситов. Остальные воины ожидали, укрывшись в старом карьере, где когда-то готовили материалы для строительства Белой пирамиды. Завидев, что Ритайлина появилась вместе с Хашайей, воины, среди которых были три женщины, спешили с капитов и упали на колени. Они протягивали к ней руки и бесконечно повторяли: «Великая! Великая! Великая пришла к нам!» Шайя посмотрела на Риту; та пожалала плечами, мол, чего удивляться. Верные слуги Хаоса, наконец, узрели ту, которая билась за Великого Саусесана до их рождения. Ту, которая отвернулась от лживого Порядка и спустя годы стала легендой, передаваемой из уст в уста.

Хашайя поравнялась с хаоситами, но те даже и не подумали встать. Кто-то принялся усерднее кланяться, коротко стриженная женщина обхватила ее и заплакала навзрыд. Хашайя вдруг ощутила ужасное желание расхохотаться. Ей, разумеется, был приятен такой почет и обожание, но что случится с этими беднягами, когда они предстанут перед Повелителем, если доживут до его пришествия. Умрут на месте от разрыва сердца? Онемеют или ослепнут? Шайя погладила расчувствовавшуюся воительницу по щеке и с трудом высвободилась из ее объятий.

Когда они достигли стоянки, разбитой среди каменных глыб, усеивающих карьер, преклонение колен продолжилось. Десятки плоток взорвались в шумном приветствии. Ритайлине пришлось срочно сплести поток тишины, накрыв им лагерь, иначе бы храмовники раскусили их замысел еще до наступления темноты. В прошлом за такое безрассудство каждый из хаоситов понес бы наказание, но Хашайя держалась великодушно, а зеленоглазая откровенно забавлялась происходящим.

Предводителя отряда звали Джикуя, он был уроженцем Соророской империи, смуглокожим и низкорослым. Шайя обратила внимание на его силу. Этот мужчина средних лет обладал впечатляющей мощью. Если бы он не служил Хаосу, а Источник жизненной энергии оставался чистым, его бы почти наверняка избрали в н'шасты. Джикуя единственный не пал ниц перед Хашайей, но почтительно поклонился ей, приложив правый кулак к сердцу. Так в Соророре приветствовали императоров.

Ритайлина уточнила у смуглого хаосита численность группы.

— С вами нас пятьдесят четыре, месэра Чисхаргана, — сказал Джикуя с заметным южным акцентом. — Десять тилбэчинов, сорок воинов и двое самопожертвенников.

— Почему двое? — спросила Хашайя. Она знала, что для открытия двери в Пирамиду хватило бы и одного. — Из них кто-то сомневается в собственной крепости духа?

— О нет, месэра Чеенув, — с улыбкой возразил соророрец. — Здесь с нами самые верные слуги Великого Саусесана, а самопожертвенники — наилучшие из них. Страх они выжгли из себя каленым железом, а слезы высушили горячим песком. Их родичи возрадуются, когда эти достойные исполнят предначертанное.

— Тогда в чем причина?

— А причина в том, — произнесла Ритайлина, — что мой план предполагает не затягивать освобождение Энкрича. Тиборских тилбэчинов в этом храме больше, чем имеем мы. Если битва продлится дольше, чем нужно, кто-то из храмовников улизнет, а нам необходимо сохранить в тайне нападение, по крайней мере, до следующего обоза с провиантом. Он прибудет послезавтра. Один из самопожертвенников станет Шщихой,

которая войдет в храм. Мы не только ускорим так выполнение цели, но и сократим число погибших с нашей стороны.

Шайя едва не дала пощечину зеленоглазой суке. Когда они обсуждали план в Убежище, Рита рассказала ей все, кроме этой маленькой, но важной детали. Они даже коснулись темы, как наградить особо отличившихся после того, как Долговязая смерть обретет свободу! Теперь Джикуя, не последний человек в нынешней иерархии хаоситов, видел, что Великая Хашайя не была главной в ночной атаке на служителей Порядка. Она лишь следовала указаниям бывшего н'шаста. Да и подробности плана узнала последней! Каждый из присутствующих хаоситов уже был в курсе Шщихи, но не она! Ничего, Шайя вытерпит это испытание. Рита поняла по глазам, о чем думала Хашайя, и с улыбкой подмигнула ей.

Как только стемнело, в воздухе появились первые признаки грозы. Хаоситы спрятались от дождя под навесы, растянутые между кусками горной породы, а Хашайя выбралась из карьера и взошла на валун, чтобы вода смыла ее ярость. Теперь она аккуратно спускалась вниз по размокшей земле. Возле самого большого костра в центре лагеря стояли Ритайлина, Джикуя и три его капитана. Они тоже умели работать с энергией, но сильно уступали предводителю. Хотя какая ей разница, сейчас Шайя была слабее тилбэчина-самоучки. Когда она вошла под навес, перекроенная н'шаст встретила ее уколом:

— Я уже посчитала, что ты отправилась к пирамиде в одиночку.

— Нет, дорогая. Сто шесть лет назад я уже доказала свои способности, теперь твой черед, — парировала Хашайя. Хаоситы пропустили их обмен любезностей мимо ушей. Действительно, достойные командиры.

— Не дуйся. — Рита взяла Хашайю под руку и отвела чуть подальше. — Ты помнишь — я когда-то была на другой стороне, неужели ты думаешь, что это никак на меня не влияет?

— Не понимаю, о чем ты.

— Я полностью верна Великому Саусесану, но в глубине души я все еще ненавижу н'уданов. Этого не искоренить ритуалом, сколь бы древним и мощным он не был. Иногда мне тяжело владеть собой. Обещаю, что впредь буду держать себя в руках. При посторонних уж точно.

— Ты весьма любезна, — сказала Хашайя, посмотрев прямо в зеленые глаза. Она пыталась разглядеть там, что творилось внутри бывшего Хранителя Порядка, но видела лишь пляшущее пламя костра. — Но утаивать такие детали плана — это чересчур, даже для тебя.

— Я не могла знать, как ты отнесешься к моей идее со второй Шщихой. — Рита отпустила ее локоть и коснулась волос. Через мгновение они высохли, а после них и одежда.

— Зачем?

— Твой иммунитет слаб из-за упадка сил. Мне нужна крепко стоящая на ногах союзница, а не страдающая от кашля черноволосая красотка под одеялом. Джикуя, конечно, хорош; некоторые из его людей тоже, но кто они в сравнении с тобой? Они лишь единица на брошенной кости, а ты — девятка. Остальные в отряде — не более чем мусор. Они навоз, которым мы удобрим земли будущего Царства Хаоса.

Хашайя была удивлена, что Ритайлина рассуждает как истинный служитель Великого Саусесана, сменив свою язвительность на милость. Возможно, это ее очередная уловка. Но прощать бывшего врага Шайя все равно не намеревалась.

— Ты все еще трогаешь мои волосы, — произнесла она. Рита убрала руку, медленно, словно что-то ее удерживало. Хашайя с недоумением взглянула на стоящую перед ней женщину. Чисхаргана слегка улыбнулась и сказала:

— Пора, отдай приказ Джикуи выступать.

Капитов оставили в карьере и выдвинулись пешими. Дождь все еще лил, но уже успокаивался. Хаоситы прибавили ходу, чтобы успеть до Храма, пока стихия продолжала давать дополнительное укрытие. Здание святилища Тибора состояло из центральной постройки и двух крыльев, образующих прямоугольник без одного основания, если смотреть с высоты полета. Когда храмовники выбегут через главные ворота, где на решетках сияли восьмиконечные звезды Порядка, им не удастся вырваться. На случай, если они станут выбираться через окна, Хашайя приказала выделить по четыре воина и одному тилбэчину на каждое крыло, чтобы пресечь такие попытки. Окна на стороне, примыкающей к гробнице Энкрича, отсутствовали из-за суеверий. В ста шагах до Храма Тибора, Джикуя подал сигнал остановиться. От отряда отделилась высокая девушка, которая была полностью обнажена. Шщи́ха. Хашайя специально не узнавала ее имени, она помнила, что самопожертвенник, выбравший путь Шщи́хи, добровольно отказывался от имени во славу Великого Саусесана. Хаоситка уверенно шла по мокрой траве навстречу смерти. Шайя не видела, но слышала, как ее готовили к предназначению. После ритуала, тело девушки превратилось в живое оружие. Сейчас Шщи́ха чувствовала страшную боль внутри себя и знала, что избавиться от нее можно лишь исполнив начертанное судьбой. Девушка достигла внутреннего двора и истошно закричала: «Помогите! Пожалуйста, кто-нибудь!» Буквально через три удара сердца из здания выбежал храмовник в серой сутане с энергетическим светильником в руках. Он что-то спросил у девушки, затем приобнял ее и повел внутрь. Глупец! Если бы ты внимательнее взглянул на ту, которая плетется рядом, ты бы уничтожил ее на месте. Храмовник и хаоситка скрылись в святилище, и Хашайя принялась считать про себя. Когда счет дошел до десяти, впереди громыхнуло, словно стихия, разгулявшаяся в ночи, каким-то образом проникла внутрь Храма Порядка. Из центрального корпуса повалил дым, а из оконных проемов струями выплеснулось пламя. Вот он знак, что Шщи́ха выполнила миссию.

— В атаку! — крикнула Ритайлина, обнажив меч. Хаоситы ринулись к горящему святилищу Тибора. Из дверей стали выбегать храмовники, словно крысы, спасающиеся с тонущего корабля. Некоторые из них падали на землю — они кашляли из-за горького дыма, наполнившего их легкие. Другие стряхивали огонь, быстро пожирающий их одеяния. Все они не сразу заметили, что на них несется волна ощеренных мечей и копий. А затем для них наступил час расплаты.

Ворота со звездами сорвало плетением зеленоглазой. Тилбэчины из числа хаоситов сразу выбрали себе цели среди множества врагов. Огненные шары поджигали плоть храмовников, способных касаться источников. Молнии пронзали их тела, а сильные потоки воздуха сбивали с ног. Надо отдать должное — слуги Порядка скоро сумели собраться после внезапного наступления. Хашайя увернулась от сгустка магического пламени, которой угодил в хаосита, державшегося позади нее. Наивный парень с копьем ждал, что рядом с Великой его будет сопровождать удача, но в итоге не успел даже ранить кого-то из врагов. Что же, Великий Саусесан оценит по достоинству и такой подвиг. Шайя подскочила к храмовнику, едва не убившему ее, и с непередаваемым удовольствием опустила меч ему на голову. Удар, усиленный чой-хуа, рассек бедолагу от макушки до паха: две половинки, еще секунду назад составлявшие человека, упали на землю. Кровь оросила Хашайю, и она вдруг словно вернулась на век назад, когда битвы за Энхор, не переставая, гремели друг за другом. Вокруг сражались воины, грохотала энергия, потоки причудливо переливались и сталкивались над головой. Хашайя выбрала следующую жертву, заметив, как Ритайлина

играючи билась сразу с пятью тиборскими тилбэчинами. Они что-то кричали ей, вероятно, узнали ее. Но перекроенная н'шаст лишь хохотала в ответ. Храмовник, вооруженный мечом, увидел направляющуюся к нему Шайю и сам бросился в атаку. Яростный удар мужчины она остановила с легкостью. От удивления его глаза полезли на лоб.

— Не такого ты ждал от женщины, верной Хаосу? — спросила она.

— Кто ты?! — голос солдата Порядка утонул в звуках бурлящего вокруг побоища.

— Твой рок. — Хашайя ударила сбоку, не прибегая к чой-хуа. Храмовник отразил атаку и отступил на пару шагов, чуть не запутавшись в пологе собственной сутаны. Он выкрикнул молитву Тибору и смело бросился на Шайю, переборов замешательство. Она отставила левую ногу назад, слегка наклонилась вправо и встретила клинок противника острием своего меча. Удар попал в цель, и храмовник вскрикнул, выронив оружие. Его руку парализовало, и она обвисла, словно ветка плакучей ивы. Чой-хуа оправдало себя. Это искусство было единственным, за что Хашайя могла поблагодарить Порядок.

— Я Хашайя из рода Чеенув, слышал обо мне? — спросила она, толкнув побежденного храмовника ногой. Тот упал в грязь, прямо на бесчувственную руку.

— Не может быть! — Конечно, он слышал. Миллионы слышали это имя и миллионы еще услышат, когда оно снова будет греметь на весь Энхор. Хашайя вонзила меч в грудь храмовника. Прекрасная смерть! Если бы трупы умели говорить, этот бы точно хвалился, что погиб от клинка вернувшегося из вечного заточения н'удана.

Что-то ударило в спину. Сердце замерло — рано праздновать победу, так и самой можно превратиться в мертвеца! Хашайя резко обернулась, но увидела перед собой не храмовника, а ту самую коротко стриженую женщину, которая плакала на закате в ее ногах. «Великая...», — прошептала она, медленно опускаясь на землю. В спине у хаоситки торчал кинжал, а на его рукояти светился символ Порядка. Эта женщина спасла Шайе жизнь. Да, слуги Великого Саусесана в этом столетии куда преданнее своих предков. Те в решающий год сражений попрятались по углам. Хашайя оторвала взгляд от уже мертвой соратницы и остановила его на храмовнике, которой метнул клинок. Он поманил ее длинным мечом. Глупый смельчак. Шайя зашагала к нему, обходя всех, кто попадался ей на пути: и своих, и чужих. Храмовник встал в боевую позицию. Хашайя ощущала, что он был тилбэчином, сила сверкала в нем, но он хотел сражаться с ней, не используя энергии. Что же, тогда она не станет использовать чой-хуа, пусть их схватка будет честной. Но этому сражению не суждено было состояться — голова храмовника вдруг взорвалась кровавыми брызгами, его тело осело в грязь, засучив ногами. Проклятье! Шайя даже вздрогнула от неожиданности. Кто посмел лишить ее удовольствия? Хаосит из числа капитанов Джикуйи вообразил, что его помощь требуется Великой Хашайе и убил храмовника потоком воздуха, расколов ему голову изнутри. Похвальная забота, но сейчас она не требовалась.

Хашайя осмотрелась. Она не успела поймать момент, когда сопротивление служителей Тибора сошло на нет. Уже вернулись хаоситы, посланные контролировать пристройки к центральному зданию. Судя по их довольным лицам, все произошло как нельзя лучше. Дождь совсем закончился, поэтому Храм Порядка продолжал догорать. Ветер стих, и дым ровно поднимался к ночному небосводу. К Хашайе подошел Джикуйя. Он был цел и невредим, свой меч он уже спрятал в ножны за спину.

— Ваше чой-хуа великолепно, месэра! — сказал соророрец, чуть наклонив голову. — Всегда жалел, что нам это искусство недоступно. Мы взяли пленного, месэра Ритайлина говорит с ним. Хотите участвовать?

— Почему бы и нет? — Шайя очистила клинок краем серой сутаны безголового храмовника и последовала за предводителем хаоситов. Он сообщил ей потери: шесть тилбэчинов, двадцать простых воинов. Итого из отряда уцелела почти половина. Великий Хаос! Без Шщиhi их нападение бы просто захлебнулась. Как бы не хотелось Шайе мириться с этим, но Чисхаргана оказалась права насчет двух самопожертвенников.

— Да, потери серьезные, — произнес смуглый коротышка, догадавшись о ее тяжелых думах. — Но эту высокую цену мы заплатили за то, чтобы с нами был еще один н'удан. Семьи погибших не будут горевать.

— Верно, Джикуя, верно. — Правда, толку от третьего н'удана, как и от меня, придется долго ждать, добавила Хашайя мысленно. Шесть погибших тилбэчинов сейчас гораздо ценнее. Так, одернула она себя, что опять за сентиментальность. Неужели на нее так подействовала смерть той женщины? За Шайю отдавали жизни и в давние времена.

Пленный храмовник стоял на коленях в центре двора. Энергии в нем не чувствовалось, но руки на всякий случай ему связали. Молодой еще, от силы лет двадцать. Ритайлина уже заканчивала допрос.

— Тогда мне незачем продлевать твою жизнь еще на минуту, — сказала зеленоглазая.

— Месэра Чисхаргана! — проговорил с надрывом юноша. — Очнитесь! Мы думали, что вы погибли, почему вы предали Порядок?! Это, наверное, страшный сон, о Тибор, помоги мне!

— Это не сон, мальчик. — Хашайя поравнялась с бывшим Хранителем Порядка. — К сожалению, для тебя это жуткая реальность. Не волнуйся, она для тебя почти закончилась.

— Предательница! — выдохнул молодой храмовник. — Ты сбежала...

— О, кто-то помнит, как я выгляжу. Похвально.

— Я видел твой портрет, продавшаяся Великому Саусесану!

— Надеюсь, он подарил тебе множество сладостных мгновений.

— Довольно, — вмешалась Ритайлина. Она сжала кулак, и шея юного служителя Тибора сломалась с треском. — Он все равно не отвечал на вопросы, только голову забил.

— Тогда идем в Пирамиду, — предложила Хашайя.

Вторым самопожертвенником был пожилой мужчина. Его привели к запертому входу в энергетическую тюрьму Энкрича. Джикуя быстрым движением перерезал ему горло, и поток теплой крови оросил белоснежную дверь. Ритайлина сделал несколько замысловатых пассов, суть которых Хашайя не уловила. Затем охранные плетения, наложенные на камень, испарились, как капля воды на раскаленном пустынном песке. А ведь для обезвреживания защитных энергетических потоков с ее темницы хватило крови тимашлонапского воришки. Или Чисхаргана заранее сняла другие плетения?

В пирамиду вошли только Шайя и Рита, предводитель хаоситов поручил трем воинам сторожить вход, а сам ушел наблюдать за работой остальных. Хашайе пришла мысль, что было бы неплохо порыскать в уцелевших после разгрома помещениях Храма Тибора. Мало ли какие интересные вещи там найдутся. Вдруг здесь хранились з'уартхилы. Кровь самопожертвенника предварительно собрали в маленький бурдюк. Н'уданы недолго искали комнату, где покоился Долговязая смерть. Дарованную хаоситом кровь Хашайя вылила на крышку мраморного саркофага и отошла назад. Ритайлина ждала у выхода в коридор. Камень вскоре треснул, и плененный столетие назад н'удан пробудился.

Он ничуть не изменился. Все тот же длинный, худой, морщинистый. На нем была белая сутана, будто надетая на него в насмешку. Энкрич ошарашено посмотрел на Хашайю, а

потом заметил Чисхаргану. Шайя не успела ничего сделать, чистая энергия отбросила ее в стену, и она упала на холодный пол. Из рук Энкрича тотчас в сторону зеленоглазой ударили десятки искрящихся молний. Ритайлина проявила чудеса реакции — она незамедлительно поставила надежный воздушный щит. Атака Долговязой смерти длилась короткий миг. Энкрич слишком много вложил энергии в боевой поток. Его силы исчерпались, и н'удан ощутил то, что пришлось пережить Хашайе после освобождения — отравление жизненного Источника и абсолютная невозможность быстрого восстановления.

— Что ты разлеглась?! — взревел Долговязая смерть, словно раненый тиргез, обращаясь к Шайе. — Уничтожь ее!

— Прекрати орать! — мирно сказала Хашайя, поднимаясь на ноги. — Ты только зря истратил остатки силы, Энкрич. Рита, не стой столбом, покажи ты ему уже ладони.

Ритайлина выставила перед собой руки. Энкрич увидел символы Хаоса и хмыкнул.

— Вот оно что. Поразительно. Никогда не думал, что увижу перекроенную, — наконец, спокойно произнес он.

— А я не думала, что буду рисковать собой, чтобы выручить из тюрьмы Долговязую смерть. Но, как ты заметил, мы отныне под одним знаменем.

— Пути, ведущие к служению Хаосу, множественны, и каждый из них — одинаково верный. Кто еще с вами?

— Пока только мы, — сказала Хашайя, потирая ушибленную спину. — Ты спал сто шесть лет. Для твоего освобождения мы перебили целый Храм Тибора, его служители стерегли твой покой. Нам нужно выдвигаться в Убежище, Энкрич. Тебе предстоит многое узнать, а промедление для нас в нынешних обстоятельствах невыгодно.

— Не торопись, девочка. Для начала я хочу узнать следующее. — Долговязая смерть спустился вниз из саркофага. — Оставили ли вы мне живого храмовника? Я жажду убийства. Очень сильно жажду. Жажда, длиной в век должна быть утолена немедленно!

Ритайлина и Хашайя переглянулись. Великий Хаос! Стоило ли освобождать это кровожадное существо? Время покажет, подумала Шайя, время рассудит.

Утро на гугутикаре для меня началось рано. Солнце еще не охватило лучами морское пространство, но ночная темнота сгинула. Я выбрался из палатки на свежий воздух и потянулся так, что затрещали кости. Команда пузатого капитана наводила порядок на нашей необычной палубе, а сам он правил кораблем. Другие пассажиры не спешили просыпаться, но, по крайней мере, одного я заметил. Он сидел ближе к краю панциря, любуясь красотами утреннего моря. Я размял затекшую за ночь шею и пожалел, что со мной нет футбольного мяча. Было бы весело покатать его на шершавой поверхности, хоть и не плоской. Надо бы уточнить у Аархина, существуют ли на Энхоре командные спортивные игры? А вдруг стану человеком, научившим представителей иного мира футболу!

Зарядку дома я, наверное, делал в последний раз на уроках физкультуры. Полезное на самом деле, занятие, но у большинства детей почему-то вызывает неприязнь. В том числе и я не миновал этой нелюбви к утренним упражнениям. Но сейчас я решил вспомнить былое, тем более на спине гугутикары места было вдоволь, даже для пробежки хватало. Я поработал руками, затем ногами. Потом принял упор лежа и стал отжиматься. Когда я дошел до сотого раза, меня поразило, что я совсем не устал. Когда я дошел до второй сотни, меня, слава Порядку, осенило. Я ж не тело Дмитрия Ладыженского разминаю, а Аархина Маггорайхена. Он и подтягивается, небось, раз триста и плавает не хуже дельфина. Я только сейчас осознал, что убежал от беурга только благодаря выносливости н'шаста. Представлять, чтобы со мной случилось, если б я попал в Энхор в собственном теле, я не стал. Тяжело представить себя в виде бесформенной массы, перевариваемой желудком рогатого медведя.

Поднявшись с твердой поверхности панциря, я помахал рукой наблюдавшим за мной двум молодчикам Юритыфа. Они вдруг сразу стали делать вид, что чем-то активно занимаются. Имитаторы бурной деятельности, мать их за ногу. Не любил я никогда внимания к своей персоне, в интимные моменты, к которым я причислял не только мытье в душе, но и обед к каком-нибудь кафе, и занятие спортом. Зато матросики, может, тоже будут по утрам зарядку делать, глядя на Хранителя Порядка.

В это посещение Акл-Миратэ Аархин порадовал меня обширной информацией о гостеприимном мире, в который меня угораздило попасть. Год в Энхоре длился ровно четыреста дней. Всегда. То есть никаких високосных годов здесь в природе не существовало. Я даже на секунду представил, что буду выглядеть глупо, если попытаюсь кому-то в Энхоре рассказать о том, что на Земле раз в четыре года откуда-то прибавляется один день. Да и вообще, с учетом григорианского, юлианского, еврейского и прочих календарей у меня самого голова шла кругом, чего уж говорить про жителей почти земного средневековья. У них тут все просто — четыреста суток и баста! Что говорить — сплошной Порядок. Год длился шестнадцать месяцев, месяц — пять недель, неделя, соответственно, пять дней. Каждые четыреста дней года шли под покровительством какого-либо животного, так уж повелось с древности, когда люди еще не знали своих истинных создателей. Зверей было десять, но утруждать себя запоминанием всех я не стал, вдруг успею вернуться домой в течение текущего года Оленя?

Времена года в Энхоре были братьями-близнецами земных: весна, лето, зима, осень. Каждое из времен продолжалось четыре месяца, что было логично. Год начинался с весны. Названия всех месяцев я заучил, благо они звались в честь деревьев, чьи названия были

знакомы мне с раннего детства. Весна начиналась с месяца Кленов, который сменялся месяцем Тополей. Затем шел месяц Осин, а завершалась весенняя пора месяцем Ив. Лето стартовало с месяца Ясеней, который плавно перетекал в месяц Дубов, а это значило, что мне повезло очутиться в Энхоре в середине лета. После месяца Дубов вступал в права месяц Лип, за ними на календаре шел месяц Каштанов. Первым месяцем осени был месяц Акаций, вторым — месяц Шиповников, третьим — месяц Тисов, а четвертым — месяц Вязов. Кошмар на улице вязов, блин! Когда в нежном возрасте я с помощью видеомэгафона познакомился с чудесным дядей Фредди Крюгером, я думал, что Вязов — это фамилия, и название фильма читал так — «Кошмар! На улице — Вязов». И потом искренне не понимал, почему у страшного мужика из кошмаров фамилия все-таки Крюгер, а не Вязов. Марина само собой хохотала, когда я ей об этой истории рассказал. Ну, и наконец, зима включала в себя месяца Пихт, Сосен, Елей и Рябин.

Мы кратко пробежались по политической обстановке, но господин Маггорайхен, или, как тут к нему все обращались — месэр, в итоге решил, что ученье свет, а шашкой махать надо. Идея посвятить наш сеанс исключительно разговорам почти сразу перестала казаться ему удачной. Аархин не хотел рисковать моей безопасностью после ночного происшествия с д» рутой, поэтому мы вновь перешли к чой-хуа. Мы не строили иллюзий, отдавали себе отчет, что хорошим фехтовальщиком даже с памятью тела я стану ой как не скоро. Стойки и позиции я осваивал быстро, простейшие финты уже отскакивали на зубок. Но вот сочетать все это в движении, да еще быстро и резко... Это умение должно прийти, но со временем. Десятка занятий не хватило бы, чтобы сотворить из меня мастера клинка, а уж двух! Мы закрепили пройденные материалы на созданной мыслями Аархина лесной опушке, а затем. Затем наступил момент, которого я больше всего ждал. Настал черед обучения магическим потокам.

Я, конечно, не сильно раскатывал губу в предвкушении таинства сверхспособностей. Но вышло уже совсем печально. Я никак не мог почувствовать того, о чем толковал месэр Маггорайхен. Лишь иногда улавливал нечто похожее на некую смесь мурашек с пощипыванием, когда пытался коснуться невидимой энергии, пронизывающей даже виртуальное пространство Акл-Миратэ. Аархин хмыкал, причем я не понимал, что это его хмыканье означает. Он больше ничего в эти мгновения не говорил, я не спрашивал, а потом он давал отмашку, и я снова, как какой-то сумасшедший, охотящийся за летающими слонами, пытался поймать то, суть чего мой мозг абсолютно не воспринимал. Как там писал Козьма Прутков? Нельзя объять необъятное? Так вот, по мнению моего учителя, я был просто обязан коснуться материи, которой не мог коснуться. Это бесполезное занятие через минут десять уже стало подбешивать, а великий н'шаст продолжал нарезать возле меня круги и хмыкать. Тут он вдруг растянул губы в какой-то уж совершенно идиотской улыбке и отошел метра на три в сторону. Я перестал хватать воздух, не представляя, что происходит. И вдруг этот учитель-мучитель стремительно завел руку за спину и с криком: «Лови!» кинул в меня таракана размером с тапок! Пока рыжий и усатый сокращал расстояние между мной и собой, я догадался, что Аархин вычитал в моей голове, что больше всего я ненавижу тараканов, и для чего-то сообразил из воздуха огромного мутанта. Я уже не успевал увернуться, поэтому зажмурился и выставил перед лицом руку, чтобы мерзкое насекомое не попало мне в лоб. Выяснилось, что этого было достаточно для пробуждения во мне хоть какой-то магии. Я почувствовал, что могу осязать воздух, и толкнул рукой приближающегося таракана. Пощипывание в кисти подтвердило, что жизненная энергия преобразовалась в

магический поток, и муляж насекомого, такой же противный как и настоящая тварь, отскочил будто от стеклянного барьера между нами. Это я уже видел собственными глазами.

— Вот мы и нашли закономерность, — важно заключил Аархин.

— Какую? — полюбопытствовал я, ибо метание снаряда в виде домашнего членистоногого и моя способность касаться силы не складывались в одну картину.

— Ты можешь взаимодействовать с энергией лишь тогда, когда тебе грозит опасность.

— Ага, то есть от таракана мне будет плохо, поэтому я его отбросил. А вот д» рута, видимо, излучал безопасность?

— Нет, Дима. — н'шаста мое ехидство ничуть не задело. — Пока д» рута на тебя не нападал, сила дремала. Если бы под рукой не оказалось з'уартхила, то вероятно ты бы отбросил и хаосита. Или замедлил как беурга. Но я не буду утверждать это наверняка. Может, ничего бы не случилось, и ты был бы мертв.

— И долго ждать, пока я сумею обуздать потоки не только в случае угрозы? — спросил я, рассматривая свою руку, на которой, кажется, разглядел след магической энергии. Ну или это были просто галлюцинации, вызванные радостью, что я немножечко овладел телекинезом.

— Долго, — ответил Маггорайхен. — Управлять с мечом ты научишься гораздо раньше.

Теперь я восседал на мешке с пшеном, и руки чесались попробовать коснуться потоков не в Акл-Миратэ, а реальном мире. Но опять же, привлекать внимание было глупо, а в палатку возвращаться не хотелось. Юритыфа у руля сменил загорелый матрос, а сам хозяин отправился спать, предупредив, что все, что мне потребуется, я могу получить у его старшего помощника Вармлика. Из палаток уже выходили мои попутчики, они вдыхали свежесть морского воздуха и приветствовали друг друга. Вармлик, даже не уточнив, желает ли н'шаст позавтракать, притащил мне пяток сваренных вкрутую яиц и кусок белого хлеба. Такую инициативу я не мог не оценить и сказал ему большущее спасибо.

Пока я поглощал скромный завтрак, народ на спине плывущей гугутикары занимался чем попало. Кто-то справлял утреннюю нужду. Причем ни женщины, ни мужчины не стеснялись друг друга. А меня почему-то потянуло засмеяться, когда я увидел, как одна миловидная дама спустилась на покатую часть панциря, задрала юбки, а ее кавалер в это время держал ее за одну руку, чтобы дама не опрокинулась в воду. Странно, почему бы ведра не использовать? Но, возможно, здесь был некий энхорский обычай или правило хождения в туалет на гигантской черепахе. В голову сразу пришла идея для названия книги-бестселлера: «Двадцать способов справиться большую и малую нужду на стремительно идущей по волнам исполинской Тортиллы». С таким названием раскупят как горячие пирожки с ливером. Некоторые пассажиры образовали группы вокруг импровизированных столов. Я понял, что сейчас гугутикара станет движущимся казино, потому что эти люди достали кости, глиняные кружки и принялись делать ставки. Ну а действительно, чем плохи азартные игры во время путешествия по морю?

Внутренние моря материка, по словам моего наставника, не представляли опасностей. Штормов практически не случалось, а хищные рыбы и прочие твари были немногочисленны. Иное дело — Северный и Южные океаны Энхора, две родины гугутикар. Помимо черепах-великанов, там водились трехголовые акулы, которые назывались талалиды. Габаритами они уступали гугутикаркам, но стаями вполне могли завалить и их, если черепашки не успевали спрятать в панцирь голову и все свои конечности. Аархин рассказал, что сам видел как несколько талалид, благодаря умению стремительно ускоряться, вцепились мертвой хваткой

в лапы гугутикары. Она тщетно пыталась втянуть их внутрь каменного домика, но тела трехголовых зубатых рыбин не позволяли сделать это. А ведь помимо этого подобия земных акул, в здешних океанах обитали и совершенно непохожие ни на что чудища. Скажем спасибо Хаосу за это!

То тут, то там на панцире разводились костры. Мне бы стало жалко черепашку, если бы Аархин не предупредил меня об особенностях этих животных и путешествиях на них. Гугутикары совершенно не чувствовали пламени, если это пламя не достигало их плоти. Гадили черепахи-великаны прямо в дороге, для этого остановок не требовалось. А вот с приемом пищи было все сложнее, и скоро мне предстояло в этом убедиться на собственном опыте.

Почему на черепахе не построили каменные дома, а разбивают платки? Почему нигде не видно склада, где хранился корм для гугутикары размером с половину футбольного поля? На эти два, на первый взгляд, несвязанных вопроса имелся один ответ. Потому что питание громадные существа добывали себе сами. Они опускались на глубину, где устраивали охоту на косяки крупных рыб, и проводили под водой около часа. А затем находили сушу, подходящую их размерам, и нежились на песочке еще час, пока пища усваивалась их громадным желудком. Именно поэтому прежде Грелимарая, мы должны были достигнуть маленького островка, на котором стоял небольшой городок, обслуживающий корабли, бороздящие здешние воды.

Вармлик сообщил, что остров появится на горизонте к полудню, поэтому у меня было время познакомиться с обитателя удивительного судна поближе. Благо на вопросы о погоде, политике или религии я теперь мог сносно общаться. Но люди в основном кланялись мне или что-то рассказывали сами, словно стеснялись дотронуться до жизни последнего Хранителя Порядка Энхора. Я понаблюдал, как ловко записываются на дощечке ставки по игре в кости. Опробовал потрясающую уху, которую готовила милая пожилая женщина. Она попросила благословить ее, в чем, разумеется, я не отказал.

По пути к острову нам встретилось несколько кораблей, правда, тщательно рассмотреть их не удалось. В основном это были одномачтовые судна, и наша гугутикара в самом деле неслась гораздо быстрее, чем они. Наконец, вскоре, впереди стала вырисовываться земля. Я не мог оценить размеры острова, потому что в жизни никогда их не видел, но его величину я бы не назвал маленькой. На острове возвышалась гора с плоской вершиной, чьи склоны были залиты зеленой краской лесов. Еще издали я заметил пристань, где несколько кораблей уже заняли место. Но нам было не сюда. Матрос, управлявший гугутикарой, дал команду взять левее пристани. Живой корабль ответил очередным ревом, и принялся поворачивать. Мы направились к просторному пляжу, который охватывал западный край острова. Капитан Юритыф, появившийся из «каюты», предупредил путешественников, чтобы те закончили свои дела и готовились к сходу на берег. Люди засуетились, затушили костры и принялись собирать вещи. Я тоже схватил нехитрые пожитки, сопровождавшие меня и замер в ожидании. Команда гугутикары резво свернула палатки, и теперь палуба смотрелась пусто. Зато я еще раз впечатлился размером панциря, ибо теперь он казался еще большим.

Исполинская черепаха сбавила обороты, а через минуту мы уже не плыли по морю, а ползли по дну. Многие люди присели, потому что этот процесс сопровождала легкая тряска. Я бы тоже опустился на палубу, но позорить имя Аархина Маггорайхена не осмелился. В итоге я даже не покачнулся, чем поднял себе самооценку. Когда гугутикара выбралась на песочный берег, пассажиры по очереди сошли с корабля. Последними на землю спустились

члены команды и сам пузатый капитан. Юритыф после подошел к громадной кожаной голове своей любимицы, погладил ее и будто что-то зашептал. Здоровенные глаза чудовищной рептилии внимательно глядели на него, а потом открылась пасть. На секунду я испугался, что гугутикара съест Юритыфа и не поморщится, но она лишь снова затрубила и стала ползти обратно в воду. Она отплыла на приличное расстояние от береговой линии. Несколько мгновений мы еще наблюдали ее движение, а затем она нырнула под воду. Что ж, оставалась пожелать гугутикаре приятного аппетита.

Морские путешественники, на пару часов превратившиеся в сухопутных, разделились: одни решили переждать здесь на пляже, другие двинулись в сторону островного поселка. Сидеть на месте мне не хотелось, поэтому я присоединился ко вторым. Ноги проваливались в мокрый песок, но я не обращал на это внимания. Погода была под стать пешей прогулке. Я вспомнил нашу последнюю поездку с Мариной на море и улыбнулся. Отличный вышел тогда отпуск. Здесь в Энхоре тоже красиво, морской бриз приятно обдувает, а запахи, витающие в воздухе, чудо как хороши. Но я бы никогда бы не привез сюда отдыхать свою любимую. Лучше уж поездка в Анапу, чем на такой классный остров в мире, где Хаос и Порядок занимаются бесконечным армрестлингом.

Я шагал позади всех и заметил витиеватую раковину чуть ближе к полосе воды. Удостоверившись, что я отошел достаточно от места стоянки, чтобы меня не заметил никто лишний, я вытянул руку к находке и коснулся энергии. Ничего не произошло. Полный сим-салабим ахалай махалай. Амаяк Акоюн и то лучший маг, чем ты, Ладыженский! При этом я был готов поклясться, что осязал силу Порядка. Во мне просто-напросто горело желание доказать Аархину, что я способен использовать магию и без внешних угроз. Но пока выходило, что почти трехсотлетний могущественный волшебник Энхора всегда прав. Куда до него рядовому землянину. Я попробовал обмануть себя, представил, что из этой раковины наружу выбирается страшное существо с клешнями, которое без труда отчекрыжит мне нос и уши. Но создать поток все равно не получилось. Ну и пес с этой магией, придет время, и я сумею запулить такую раковину на середину океана. Хотя, если задуматься, оно мне вообще надо? Главная моя цель — вернуться домой, а ради нее можно отказаться от любых супер возможностей. Я бы вообще отказался даже от владения долбаным чой-хуа, но в Энхоре добро просто обязано быть с кулаками. Где-то на свободе разгуливает н'удан, рыщут другие члены ордена д» рут, а обычные приверженцы Хаоса вообще могут быть где угодно.

Песок скоро сменился травой, среди которой петляла протоптанная тропинка. Я бодро шел к новому для меня месту, гадая, чем может привлечь маленькое поселение на острове посреди моря неопытного путешественника. На краткий миг мне показалось, что лучше пойти назад, подольше пообщаться с капитаном Юритыфом, но ноги будто сами несли меня вперед.

Тропа вела к расщелине между двух гигантских замшелых валунов. Когда из нее выбежало чудовище, я едва не выхватил из ножен Йенталстуакрахт. Но через мгновение заметил, что на неведомом звере верхом сидит человек, понял, что передо мной капит. Аархин рассказал мне про животных, которых в Энхоре используют как лошадей у нас на Земле. Но не стал их описывать, якобы мне интереснее будет узреть их самому. Вот же гад! Я бы скорее штанишки намочил от испуга, чем сел мы на эту бестию. Капиты были двуноги и больше всего походили на ощипанную курицу ростом мне по шею, если бы курицы были коричневого цвета, конечно. Лапы их имели по два крупных пальца, а вот голова больше напоминала крокодилю морду. Всадник резким движением остановил капита. Животное

раскрыло пасть, и я увидел, что острых клыков там не имелось, лишь мелкие зубы, которыми и укусить как следует не получится. Зато язык скорее выглядел длинной змеей, внезапно забравшейся в пасть зверю, а не частью ее тела.

— Вы прибыли на гугутикаре? — громко спросил всадник на капите.

— Да, несколько минут назад, — настороженно ответил я.

— А нет ли среди пассажиров храмовников?

— Нет.

— Проклятье! — выругался мужчина, разворачивая своего страшного скакуна.

— Что случилось? — я был удивлен, что незнакомец искал служителей Порядка, но не узнал стоящего перед ним н'шаста. Хотя кто сказал, что Аархина в лицо должен знать каждый житель Энхора?

— С местной девочкой что-то стряслось! Маг, дежуривший в порту, пришел к ней в дом по зову лекаря. В итоге храмовник выбежал из ее жилища ослепшим, а лекарь повесился над крыльцом. Хаос спустился на остров.

— Я Аархин Маггорайхен. — Я понятия не имел, что здесь произошло, страх от услышанного заставил меня вздрогнуть. Но промолчать я посчитал неправильно.

— О, месэр Маггорайхен! — всадник спрыгнул на землю. Он припал на одно колено, словно рыцарь перед благородной дамой. — Прошу простить меня, я не узнал вас. Вы должны помочь, раз судьба сама привела вас сегодня сюда. Садитесь на моего капита, так будет быстрее!

Вот подстава так подстава! Я на лошадях никогда в жизни не катался, потому что всегда боялся свалиться с них и сломать шею. А тут страшная языкастая образина о двух лапах. Говорить, что я не умею ездить верхом, тоже нельзя. Оставалось надеяться, что тело Аархина помнит верховую езду также хорошо, как чой-хуа. Я подошел к капиту, усиленно представляя на его месте пони. Незнакомый мужчина, слава Порядку, помог мне взобраться в седло и даже шлепнул зверя по странному отростку на заднице, видимо, заменяющего хвост. Капит резво побежал вперед.

Поездка не заняла много времени, курица-крокодил привезла меня в небольшой городок, где многие узнали Хранителя Порядка. Меня бережно вытащили из седла, хватили за одежду и просили помочь. У дома, где произошли эти странные события, собралась толпа людей. Мать девочки рыдала и порывалась ворваться внутрь, но соседи не пускали ее. Храмовника, потерявшего зрение, поддерживали парни. Он бормотал только одно слово — Хаос.

Я не знал, что должен делать и что буду делать, но в первую очередь очистил разум от страхов и сомнений. Я поднялся на крыльцо, тело местного врача слегка покачивалось на ветру. Смелых, готовых приблизиться и снять беднягу с балки, не нашлось. Я вошел в дом и сразу почувствовал жжение на руках. Я посмотрел на ладони и чуть не вскрикнул — отметины Маггорайхена светились красным. Какое-то шестое чувство подсказало, где найти девочку. Она лежала в кровати в небольшой комнатке с затворенными ставнями, но солнце все равно умудрялось заглядывать сюда. Прикрытые веки больной, если ее можно было так назвать, подрагивали, словно она пыталась открыть глаза, но что-то ей мешало. Я подошел и склонился над девочкой. Она вдруг широко распахнула глаза. Там не было ничего — ни зрачков, ни тьмы, ничего, чтобы было можно описать словами. Я смотрел в абсолютное ничто.

— Незванный гость. — Эти слова девочка почему-то произнесла тихим мужским

голосом. — Будь со мной.

Я резко отпрянул назад, но было поздно. Внезапный холод и кромешная темнота унесли меня в небытие.

— Как там говорится в Соророской империи? Если в гости пришел друг, готовь на стол сладкое вино, если враг — кинжал поострее? — спросил крепкий лысый мужчина средних лет, наполняя хрустальные бокалы. Он делал это аккуратно, стараясь не запачкать рукава своей сутаны храмовника. Восьмиконечные звезды, вышитые на голубой ткани золотой нитью, говорили о его высоком положении среди служителей Тибора.

— Я вижу, ты не изменяешь привычке, — произнес Мийэн Заурбанз, поднося напиток ко рту. — Полдень только миновал, а ты уже прикладываешься к бутылке, Дугшац.

— А ты все такой же зануда, — парировал член совета Грелимарая. Он отворил ставни в собственном кабинете на втором этаже храма Порядка, пригласив дневной солнечный свет разрушить полумрак помещения. Лучи озарили собрание книг, несколько маленьких статуэток из бронзы, к коим Дугшац питал слабость, и, конечно же, карту Энхора, занимавшую весь потолок. На ней легко было найти отметки в тех местах, где за последнее время замечали следы деятельности прислужников Хаоса. Судя по карте, они активизировались везде, даже в Джийтской империи, где Хаос всегда имел слабую позицию. Мийэн попробовал вино. Отличное; другого его старый знакомый не держал.

— Почему не стали созывать совет?

— А для чего? — пожал плечами Дугшац. — Эвтей сообщил, что незаконно провел тебя в Темницу, а раз ты не стал обращаться сразу к нам, значит, дело серьезное. Когда ж еще сам Мийэн Заурбанз снизойдет до нарушения общественного порядка?

— Ты меня в приверженцы Великого Саусесана смотри не запиши.

— Ну, такого от тебя можно не ожидать. Скорее день с ночью внезапно местами поменяются! На самом деле я предложил поговорить с тобой лично, как со своим давним боевым товарищем. И твои мысли, если они действительно помогут нам в этом деле, я уже сам вложу в уши всем остальным.

— А я, было, подумал, что совет не желает видеть мою персону после того, как я решил остаться в порту. — Мийэн внимательно поглядел в глаза Дугшаца, когда тот расположился рядом в кресле.

— Плохо думаешь о нас, — возразил старший храмовник. Он чуть пригубил вина, почмокал и довольно улыбнулся. — Великолепный букет! Не поверишь, но сей божественный напиток родом из Домридинши, а ведь когда-то их вина ценились не дороже прокисшего молока.

— Новые сорта винограда, полагаю.

— Может быть, может быть. — Дугшац выпил еще немного, посмотрел на Мийэна и закатил глаза:

— Да не волнуйся ты, никто не держит на тебя зла. Да, совет тогда ослаб из-за твоего ухода, но сейчас все восстановило прежнюю форму. И заметь, это ты сам перестал пересекаться с нами, а в редкие встречи вел себя так, словно тебе срочно пора на корабль.

— Наверное, я был немного обижен в то время.

— Обижен?! О Порядок, это на что?

— На то, что вы не попытались отговорить меня, — пояснил Мийэн. — Глупо для моего возраста, но я хотел слышать, как меня останавливают. Естественно, я бы не передумал, но сам факт этого придал бы мне сил.

— Ох и болван же ты, сохрани Тибор твою душу, — засмеялся храмовник. От смеха он чуть не пролил остатки вина из бокала на сутану. — Ценят тебя, дружище. Ценили и будут ценить. Просто необязательно каждому человеку говорить, как он незаменим и насколько он хорош, не зачем тешить самовлюбленность.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Да дело не в самовлюбленности. В любом случае, закроем эту тему. — Мийэн ругал себя, за те мысли, недостойные служителя Порядка, но не узнать через столько лет, как видели его со стороны бывшие товарищи, сейчас не мог.

— Закроем, тем более встретились мы обсуждать не прошлое, а будущее, — сказал Дугшац, откидывая голову назад. Его взгляд уперся в карту. Мийэн тоже посмотрел на потолок. За многочисленным точками на карте Энхора крылось многое: где-то случались прямые столкновения с хаоситами, где-то обнаруживались проведенные ими черные обряды, где-то удавалось найти их соглядатаев.

— Видишь вот эту? — спросил старший храмовник, указав пальцем на отметку возле гор на южной границе Пердожалафа.

— Да, самая жирная здесь. Что там?

— Погибли семнадцать наших: семь магов и десять солдат. Ну и пара десятков местных жителей, оказывающих им помощь.

— Засада? — уточнил Мийэн. Он уже отвык слышать, как гибнут те, кто поклялся защищать мир от зла, источником которого являлся Великий Саусесан.

— Не совсем. Там искали з'уартхил.

— Великий Порядок, судя по тому, что группа была большая, нечто мощное?

— Верно, — произнес Дугшац, отпивая из бокала. — Очень сильный з'уартхил, маскирующий излучение жизненной энергии. Тот самый, который долгое время помогал шпионить за одним из н'уданов в последней войне.

— Хаоситы посчитали, что группа храмовников ищет что-то важное, и шли за ними по пятам, — предположил развитие событий Мийэн.

— Нет, не угадал. Слуги Хаоса сами искали там тот же з'уартхил. Отряды столкнулись случайно в одном из тамошних ущелий.

— Откуда они знали, где искать?!

— Бьешь в точку, Мийэн, не растерял еще хватку. — Дугшац добавил в бокалы белого вина. — Сведения об этом были достоянием храмовников, никто больше не мог знать этого. Поэтому ответ на твой вопрос прост. В наших рядах есть предатель и, боюсь, он не одинок.

— В то, что среди нас есть отвернувшийся от Порядка, нет ничего удивительного, такое случалось всегда. Почему ты уверен, что изменников несколько?

— В Пердожалафе как раз хранилась запись, куда в случае возможного провала, наш шпион должен был спрятать з'уартхил. Кто-то из местных храмовников на самом деле сменил шкуру и выдал тайну врагам. А кроме этого, у нас появились достоверная информация, что в Шантайзе действует агент Хаоса. Так что их минимум уже двое.

— Откуда ветер дует? — поинтересовался Мийэн.

— Не имею права говорить об этом даже с тобой. Посвящены только совет и некоторые храмовники, в чьи обязанности входит поиск вот таких вот неверных сынов Порядка. Даже по дружбе не скажу, прошу не затаить обиды. Украденный з'уартхил усилит хаоситских шпионов. Мало того, что его обладатель скроет способность управлять жизненной силой от нас, он сможет одурачить даже самого Аархина Маггорайхена! Или, не дай Тибор этому

произойти, убить последнего н'шаста в Энхоре. После гибели Ритайлины Чисхарганы нам итак пришлось сложно, а что будет, когда Хранители Порядка сгинут окончательно?

— Что-то тебя на совсем мрачные мысли потянуло.

— А откуда взяться светлым думам? — Дугшац показал на точку, находящуюся на другом конце карты возле крупного порта Юружаоя. — Здесь двое из ордена д» рут сумели лишить жизни мага среди бела дня, а ведь с тех пор, как их почти уничтожили, д» рута не совершали столь дерзких нападений. — Палец старшего храмовника сместился на север в центр Джийятской империи. — Здесь буквально в начале месяца Ясеней обнаружили следы человеческого жертвоприношения. Возможно, именно такое нам удалось пресечь прямо возле Грелимарая. Хаос будто поднимается с колен. И это без участия н'уданов!

— Вести, которые я принес, поднимут тебе настроение, — сказал Мийэн, отставляя в сторону пустой бокал.

— Весь во внимании, друг.

— Есть достоверные доказательства, что один из хаоситов в Темнице готов вернуться на сторону Порядка. Он знает, где в данное время находится штаб прислужников Великого Саусесана.

— Что же, — произнес Дугшац после недолгого молчания. — Я бы ни за что не поверил в это, если бы услышал такие слова от кого-то другого. Кроме, конечно же, Маггорайхена. А про предателей этот несчастный...

— Нет, — сразу перебил старого товарища Мийэн. — Он и про тайное убежище хаоситов узнал случайно.

— Чего он хочет взамен?

— Защиты и прощения.

— Ну, с первым мы справимся самостоятельно, а по поводу прощения решать лишь нашему н'шасту. Он вообще собирается выбраться из своей пещеры и почтить нас присутствием?

— Должен, — ответил Мийэн, не упомянув про детей. Это было дело его и Аархина, никто больше не был в курсе предназначения двух девушек и юноши. Насколько главный наблюдатель порта знал, даже Храм Порядка в Нагарских горах Маггорайхен не посвятил в свои планы. — Но это еще не все, что поведал раскаявшийся грешник. Среди пленных содержится лидер хаоситов!

— Ты не шутишь?! — Дугшац вскочил с кресла и заметался по комнате, словно что-то внезапно потерял.

— Его зовут Тульгарн. Я сам не уверен, что он именно предводитель всего союза последователей великого Саусесана. Возможно, он координирует деятельность хаоситов на территории нашего государства.

— Неважно! Если в руках у нас такая крупная дичь, значит, есть вероятность выйти и на остальных. Сумел порадовать ты старого приятеля.

— И вот с этим Тульгарном связана одна проблема.

— Ну что там еще? Ты умеешь сбивать с толку, сначала говоришь, что мое настроение поднимется, а теперь сообщаем, что существует некая проблема.

— Тульгарн не отвечает вопрошающим, а только улыбается. — Мийэн после допроса Ульфязака взглянул на этого слугу Хаоса. Тульгарн был средних лет, мощного телосложения. Такие мужчины нередко становились личными стражниками у знатных вельмож и пользовались успехом у противоположного пола. Он обладал длинными

вьющимися волосами, которые бы подошли и юной деве. Тульгарн сидел, прислонившись к стене и не замечая царящий вокруг жар. Он действительно улыбался. Всегда. По словам стражников, улыбка не сходила с лица Тульгарна даже во сне. Сумасшедшего вряд ли бы избрали лидером хаоситов, поэтому он просто насмеялся над всем. Над стенами, в которых его держали, на Порядком, которого он поклялся выжечь в Энхоре. Тульгарн что-то знал и ждал. — Я предполагаю, что он не собирается ждать суда, назначенного Наместником.

— Думаешь, хочет бежать? Ты сам должен понимать, что из Темницы не вырваться. На моем веку такого ни разу не было.

— Да, если никто не поможет на поверхности. Я считаю, что хаоситы нанесут удар прямо здесь, в Грелимарае, поэтому необходимо увеличить численность не только людей Жгералиха, но и Храмовников.

Дверь в кабинет распахнулась, и внутрь ввалился запыхавшийся послушник.

— Месэр Нерволджац, простите, что без стука. Наместник приехал, какие-то важные новости, объявлен сбор в Малом Зале. — Мальчишка не удосужился получить ответ и выбежал прочь.

— Наместник и без предупреждения? — Дугшац поскреб подбородок большим пальцем. — Вот так — сядешь со старым другом поболтать, а не дают. Пойдешь тогда со мной, Мийэн. Только пара советов: не сильно высовывайся и не никому не говори, что мы пили вино. Другие члены Совета на меня коса смотрят, наверно, завидуют.

Коридоры Храма Тибора в Грелимарае Мийэн Заурбанз помнил чуть ли не до последнего камня. Он мог найти нужную комнату или келью с завязанными глазами. Когда-то эти стены заменяли ему все: здесь он жил, учился и познавал тайнства энергии. Теперь он спешил вместе с Дугшацем Нерволджацем на собрание, как в старые добрые времена. Возникло ощущение, что долгих лет, когда Мийэн не бывал в Храме, не существовало. Все вернулось на круги своя.

Малый зал представлял собой просторное овальное помещение, днем освещаемое солнцем через специально расположенные в крыше люки, а ночью с помощью магических светильников, которые сейчас не горели. Ступенеобразные ряды резных деревянных сидений возвышались вокруг. Зал был самой молодой пристройкой грелимарайского Храма Тибора, его соорудили лишь двести лет назад, чтобы проводить совещания, касающиеся городских нужд. Массивные дубовые двери, на которых силой энергии выжгли восьмиконечные звезды, отворялись чаще, чем каменные врата, за которыми находился Большой зал. В последний раз Большой зал открывался сто шесть лет назад, в год разгрома приспешников Хаоса.

Мийэн и Дугшац смешались с идущими храмовниками. Кое-кто из них узнавал зрителя порта и с удивлением кивал в приветствии. Мийэн отвечал взаимностью, но ему хотелось скорее занять место где-нибудь в тени. А то пойдут толки, что он скучает на новой должности. Мимо пробежал Эвтей. Песочная голова так спешил, что не заметил старого учителя. Наконец, Мийэн со старшим храмовником сели неподалеку от входа, где на них уже не обращали внимания. Все смотрели в центр Малого зала, где за кафедрой стоял Наместник короля Лухаврин Базикувк. Он был облачен в дорогие одежды, и даже с самого дальнего ряда было видно, как сверкают на его руках браслеты из золота — символы его должности. Лухаврин с терпением дождался, пока все, кому хватило места в Малом зале, опустились на стулья. Наместник, наконец, откашлялся и заговорил:

— Прошу прощения, что это собрание получилось таким внезапным. Но король Заркондая, храни его Великий и вечный Порядок, просит оказать помощь в охране

скульптуры Ритайлины Чисхарганы, которую сегодня утром доставили к нам по морю. Существует опасность, что продавшие душу Великому Саусесану могут уничтожить сей памятник павшему Хранителю прежде, чем его успеют переправить в пункт назначения. Солдат мы выделим достаточно, но с тилбэчинами будет надежнее. Что скажете, мудрейшие?

— В этом весь наш Наместник, — зашептал Дугшащ, пока в зале оживленно начались обсуждения. — Каждый раз думаю, что собрание вызвано чем-то действительно важным, а на деле оказывается, что причины — очередной пустяк. Сдалась им эта статуя! Не верю, чтобы при жизни Ритайлина желала такого поклонения, но кто меня будет слушать?

Каменные изваяния н'шастов находились в Нагарских горах; так было издавна принято, что после их смерти, они увековечивались в скалах, где стоял первый храм Тибора в Энхоре тысячи лет. Но Заркондай, родина месэры Чисхарганы, возжелал отдать дань погибшему защитнику света, поставив на центральной площади их столицы бронзовое изваяние высотой пятьдесят шагов. Аархин Маггорайхен не возражал, хотя Мийэн был уверен на тот момент, что последний н'шаст выскажется против. Но, видимо, чувство вины за смерть Ритайлины все еще не оставляло его, и он даже лично посещал Соророр, чтобы найти лучших мастеров.

Храмовники решили выделить десять магов на неделю, пока скульптура должна была храниться в Грелимарае. Дугшащ воспользовался моментом и попросил не расходиться, чтобы донести до совета разговор с Мийэном. Сам смотритель порта не решился досидеть до конца, ведь ему могли задавать вопросы, а он желал этого меньше всего. Мийэн тихо покинул Малый Зал, пока Дугшащ начал говорить издали, а затем и храм. Ему нужно было попрощаться с детьми и Фульмером, которые уже ожидали указа выехать из города.

Каждый воспринял известие об отъезде по-разному. Помощник Мийэна был несказанно рад получить возможность увидеть родные места. Он, конечно, переживал, что оставит главного смотрителя порта без писаря и вкусной фукеры, но Мийэн убедил Фульмера, что справится без него. Ральмидур тоже не скрывал удовольствия покинуть стены города. Мальчишке хотелось свежего воздуха, деревенского спокойствия. Тем более там он мог свободно оседлать капита и гонять по округе. Саанка немного расстроилась. Она привыкла к Грелимараю, ей нравились здешние парки и сады. Но хуже всех, само собой, отреагировала Ахшамилла. Эта бестия закатила истерику, а после проревела всю ночь. Она кричала на Мийэна, обвиняла его в том, что мало того, что он забрал ее из дворца Наместника в свой тесный дом, так теперь еще собирается отправить ее в вонючую захолустную деревню! Мийэн выслушал этот спектакль молча, но снова поймал себя на желании высечь эту юную деву при первой возможности.

Уже вечером после проводов, Мийэн сидел в своем кабинете, проверяя поступившие торговые грамоты с прибывших судов. В дверь постучали, и на приглашение войти откликнулся Эвтей.

— Новости от Совета, — с улыбкой сказал он, располагаясь на стуле.

— Охрана будет усилена?

— Так точно! Храмовники усилят не только посты внутри Темницы, но и снаружи. Кроме того, Наместник согласился по ночам удваивать стражников на городских стенах, этого даже Совет не ожидал.

— Отрадно слышать. — Мийэн остался доволен результатом. Ему поверили, а это главное. Если слуги Великого Саусесана решатся атаковать, их ждет горячая встреча.

— Думаешь, хаоситы нанесут удар? — Песочная голова посмотрел на учителя, будто все

зависело именно от него.

— Разум говорит мне, что это случится обязательно. И если так будет, мы должны продержаться до прихода Аархина. И сохранить жизнь несчастному Ульфियाку, оступившемуся из-за слепой любви.

А кто сохранит наши жизни? Об этом Мийэн только подумал, произнести эти слова вслух — значит дать ученику повод для сомнения в победе. Такого неудавшийся н'шаст не мог себе позволить.

Здесь было очень прохладно, словно только что начавшейся осенью, когда дожди внезапно приходят на смену еще согревающему солнцу. Я стоял по шиколотку в воде в сапогах, пока не пропускающих ни капли, кутаясь в плащ, под которым на мне были надеты старые джинсы и толстый свитер. Каким образом я здесь очутился? Почему на мне такое странное сочетание вещей? Да хрен его знает. Последнее, что я помнил — это девочка, лежащая на кровати. Она что-то сказала мне, и на этом все. Теперь я в каком-то странном месте. Акл-Миратэ? Но меня бы уже встретил Маггорайхен. Я мог бы сделать шесть шагов направо или налево, чтобы выйти из воды и встать на каменный парапет, шириной в почти два метра. Но почему-то боялся сдвинуться с места. Я чувствовал, уж не знаю чем, что это место пропитано Хаосом. Как масляная тряпка в гараже. Я ощущал едва заметные волны, от плеска которых не нарушалась гулая тишина, стоящая здесь. Через минуту мне стало казаться, что маленькие робкие волны нашептывают мне. Конечно, это было полное сумасшествие, а в средние века за то, что я слышу разговор простой воды, меня бы просто-напросто сожгли, предварительно добившись от меня же чистосердечного признания в том, что дьявол дал мне такую способность в обмен на мою грешную душу. Но в Энхоре такое вполне могло иметь место.

Я стоял в воде еще долго, с каждой минутой замерзая. Температура здесь по Цельсию достигала градусов пяти выше нуля по моим скромным ощущениям, но с учетом холодной воды я бы сказал, что тут было около нуля.

Спустя какое-то время я понял, что нужно идти вперед. Уверенность в этом возникла неожиданно, словно вспышка слабого огонька в ночи, когда ты знаешь, что он слаб, но одновременно с этим понимаешь, что и такого огня хватит и чтобы согреться, и чтобы видеть вокруг. Я пошел вперед по воде, вперед по длинному коридору. Я переставлял свои ноги, загребая ими эту странную воду, нарушая тишину, словно хулиган в библиотеке.

Я смотрел на потолок на ходу, казалось, что плоские магические светильники, которые были здесь повсюду, передвигаются как летающие тарелки, медленно тянутся друг за другом, словно играют в ленивые догонялки. Коричневые стены справа и слева, потрескавшиеся и в некоторых местах покрытые зеленоватым мхом, почти не обращали на себя внимания, пока взгляд не стал цепляться за белые двери. Они-то откуда здесь взялись? Через некоторое время моего путешествия в этом сводящем с ума месте, я вдруг отчетливо осознал, что дверей тут — бесконечное множество! Этих пугающих белоснежных дверей с круглыми черными ручками.

Я дошел до первого разветвления. Передо мной оказались парапет и стена с дверью. Направо и налево шли две еще ветки коридора, схожие, как близнецы. Я остановился, прислушиваясь к своим ощущениям. Куда дальше вправо или влево? Или, может быть, вернуться назад? Или вообще остаться прямо здесь. Но ответ пришел справа. Это было не нашептывание воды, не голоса дверей, не зов светильников или зеленого мха на стенах. Это был крик девочки. Я замер. Сердце едва не остановилось от напряжения, охватившего меня. Крик повторился. Не испуганный крик, не крик ужаса. Просто крик: «Тут есть кто-нибудь?» Конечно, есть! Я здесь. Я повернул в правый коридор и побежал. Я кричал: «Есть! Я здесь! Не бойся!» Вода плескалась у меня под ногами, мельтешили двери и волшебные огни. Уши донесли до меня такой же плеск издали. Девочка бежала ко мне навстречу.

Да, это было она, та самая девчонка с кровати. Она увидела меня, замерла на месте, а потом резко запрыгнула на камень, открыла белую дверь и исчезла. Твою мать! Что вообще происходит! Это магия Хаоса на меня действует? Или я сейчас в голове девочке, пораженной недугом? Я взобрался на парапет и достиг двери, за которой она скрылась. Я аккуратно взялся за ручку, но она не обдала меня ни холодом, ни жаром. В ней никакого подвоха не было. Я открыл дверь, за которой не было ничего, кроме серого тумана. Аархин, где ты, товарищ мой боевой, что мне дальше делать? Но здесь не было н'шаста Энхора, лишь Дима Ладыженский с Земли. Я задержал дыхание и шагнул в туман.

Как писал Николай Васильевич Гоголь: «Не было печали, так подай». Я стоял на опушке в лесу в совершенно другой одежде, и, судя по рукам, находился в собственном теле. На сон все это не походило, но и радоваться, что я вернулся домой, было рановато. Следов убежавшей девчонки я не нашел. Я заметил тропинку, ведущую в чащу, и направился к ней.

Когда тропа привела меня в низину, я увидел перед собой сгорбленную старуху, которая несла на спине вязанку хвороста. Казалось, она не заметила приближающегося к ней человека, не услышала моих шагов и хруста веток под ногами. Удивительно, откуда эта пожилая леди вообще здесь появилась? Я ожидал тут встретить, ну максимум девочку из островного городка. Поравнявшись с ней, я спросил:

— Вам помочь?

— Спасибо, парень, — хриплым голосом ответила старуха, наморщив своё уставшее лицо. Старуха не выказала ни тени испуга, значит, все-таки слышала меня, но не подала виду. Я взял её вязанку, положил себе на плечо, и мы продолжили путь вместе. Старуха всю дорогу молчала, да и сам я не знал, как завести разговор. Наконец, тишину, которую нарушало только пение птиц, прервал человеческий голос:

— Как тебя зовут, парень? — спросила старуха.

— Дима, — ответил я, — а вас?

— А меня Наиша, — сказала она, и я понял, что это точно не Земля. Вновь затянулось длительное молчание. Тропа к этому времени стала петлять, но оставалась ровной: без всяких рытвин и ям. Бабка вдруг остановилась, нагнулась, тяжело вздыхая, и сорвала несколько голубо-красных ягод, которые росли прямо у дороги. Я повторять за ней не стал, вдруг она их в качестве слабительного использует? Прошло уже больше часа, и я заметил, что в лесу становилось всё темнее и темнее. Тропы вскоре стало совсем не видно. Внезапно старуха свернула в чащу:

— Там мой дом, — произнесла она, — если хочешь, то можешь переночевать у меня. Нужно же мне тебя отблагодарить.

— Хорошо бы, — поразмыслив, согласился я. Остаться ночью на корм зверям мне не льстило.

Я переложил хворост на другое плечо и последовал за старухой. Тропинка, которая вела к дому Наиши, совсем заросла. Ветви деревьев, причудливо переплетающиеся над тропой, мешали идти. Я то пригибался к земле, то, царапая руки, просто раздвигал их. Когда, наконец, бабка-путешественница вывела меня на поляну, окружённую непроходимым терновником, я с облегчением вздохнул. Прямо перед ними стоял небольшой дом. Такого старого мне ещё не приходилось видеть. Крыша обросла мхом и, казалось, вот-вот обрушится. От забора, некогда окружавшего огород, на котором росли разные овощи, осталось несколько досок. Бабуля приказала мне подождать у двери, а сама вошла в дом. Дверь скрипнула так, будто бы её не смазывали добрую сотню лет. В маленьком окошке

справа от двери вскоре появился свет, и старуха кликнула меня. Я вошёл внутрь и бросил вязанку в угол, куда указала своим костлявым пальцем Наиша. Внутри, к моему удивлению, оказалось уютней, чем снаружи, но древность дома чувствовалась даже в воздухе. Комната была небольшой: стол в центре, на котором горели три свечи, несколько стульев и печь — это всё, что стояло в ней. В противоположном от печи углу находилась дверь. Наиша открыла её и поманила меня рукой. Спальня была меньше первой комнаты, но лучше.

— Я могу приготовить тебе ужин, — предложила старуха.

— Спасибо, не откажусь, — сказал я, опустившись на кровать. Желудок мой тут же требовательно урчал. Когда я успел так проголодаться, только на гугутикаре плотно позавтракал. Наиша вышла из спальни, и я осмотрелся. Напротив меня находилось окно, которое было распахнуто, рядом с окном, слева, стоял старый стул без спинки. Когда бабка, наконец, позвала меня к столу, я почти бегом выскочил из спальни. На столе меня ожидали салат, кроличья ножка и стакан пива.

— Мяса я почти не ем, — сказала Наиша, садясь неподалёку от мен, — зубов-то совсем не осталось! А ты кушай, кушай.

— Спасибо, — пробубнил я сквозь набитый рот. В этот момент меня ужаснула мысль, что старуха меня травит, но внутренний голос урезонил, что это не так.

— Куда ты хоть шёл? — спросила старуха.

— Вообще я ищу девочку.

— Девочку? Здесь? Далеко же она зашла, бедняжка. Я не видела в этом лесу девочек уже пару десятков лет.

— Вот и я думаю, как она тут оказалась. — Меня порывало уточнить у гостеприимной хозяйки, где я нахожусь. Но мой вопрос мог испугать ее. Подумает, что я какой-то безумец.

— Тут разбойников нет, но зверей диких много. От них меня только терновник спасает. Если девочка не заберется на дерево на ночь, ее могут съесть. — Старуха произнесла это так просто, будто на ее глазах постоянно волки кушают маленьких детей.

Когда я закончил есть, Наиша собрала со стола крошки, а сам я ушёл в спальню. В окно уже проникал холодный голубой свет луны. Я только стянул с себя сапоги, и, не раздеваясь, лёг на кровать.

Я ожидал, что во сне ко мне явится Хранитель Порядка, но его не было. Меня мучили кошмары, очень жуткие и непонятные: то я видел, как тону в крови, то мне представлялось, что я отбивается от сотни врагов и, обессилев, падаю. Я старался проснуться, но у меня ничего не получалось. Вдруг сквозь пелену сна я почувствовал тяжесть у себя на груди, и мои глаза, наконец, открылись. Я увидел перед собой мерзкую рожу: два огненно-жёлтых глаза, гнилые огромные зубы, с которых капала густая и вязкая слюна, кривой нос, вытянутые остrokонечные уши и длинный, весь в бородавках, язык. Тварь засмеялась, и... Я снова проснулся. Мое сердце бешено стучало, в голове шумела кровь, а тело так затекло, что я не смог сразу подняться. Я повернул голову в одну сторону, потом в другую, чтобы размять мышцы, и мой невольно замер на окне. При свете луны существо выглядело ещё ужасней. Я неожиданно для себя крикнул: «Йенталстуакрахт!» Меч Аархина возник передо мной. Он светился, а пространство вокруг него искажалось, будто воздух плавился словно пластик. Языкастая тварь почуяла мощь магического клинка и пропала. Я сжал рукоять меча, закрыл окно и отступил в угол, где стоял стул. Он оказался расшатанным, но всё же пригодным. Мой сон как рукой сняло. Я сел на стул, не опуская мерцающего клинка, и стал ждать, сам пока не зная чего. Мои глаза неотрывно следили за дверью. Наиша — прислужница Хаоса, в

этом не оставалось сомнений. Скорее всего, оборотень. За окном слышалось стрекот светляков и уханье вышедшего на охоту филина. Время текло медленно, словно мелкие песчинки, падающие в часах. Но вскоре, к моей радости, стало светать. В щель между оконными ставнями пробрались первые робкие лучи утреннего солнца. Я распахнул окно, когда вдруг дверь в комнату открылась, и на пороге появилась Наиша:

— Ты чего это с мечом стоишь? — спросила она своим хриплым голосом, в котором я услышал нотки страха.

— Зачем ты приходила ко мне ночью?! — гневно спросил я, не опуская Йенталстуакрахта. Клинок продолжал искажать мир вокруг себя. В Энхоре такого за ним не замечалось.

— Тебе, наверное, приснилось. Я всю ночь проспала на печи.

— Нет! Ты была здесь в образе какого-то зверя. Ты оборотень! И служишь Великому Саусесану.

— Что?! — Губы старухи затряслись. — Да как ты только смеешь такое говорить мне! Я приютила тебя, накормила! А ты на меня такое наговариваешь! Да, если б, я в зверя могла оборачиваться, то съела бы тебя давно!

— Ты просто не захотела познакомиться вот с этой зачарованной сталью. — Я направил острие меча на Наишу, и увидел ее истинную сущность. Хаоситская тварь смекнула, что разоблачена, и визгом прыгнула на меня. Я встретил ее тем самым приемом, которым убил разъяренного беурга. Тело бородавчатого чудовища отскочило от меня со скоростью пробки от бутылки шампанского. Создание, порожденное чуждым разумом, вертелось на полу, пока не превратилось в серый дым. Я перевел дух, мысленно поблагодарив, что Йенталстуакрахт явился на помощь даже в это неизвестное место. Дверь спальни уже выглядела не как полугнилая. Она белела, словно ее только что покрасили. Я толкнул ее ногой и очутится вновь в коридоре с водой.

Волшебный клинок Аархина Маггорайхена вел здесь себя также странно, как в доме Наиши-оборотня. Да, Дима, не скоро ты забудешь старушку, которой мог донести хвороста. Я ради интереса, и чтобы отвлечься от образа напавшей на меня твари, окунул меч в воду. Она зашипела змеей, и вокруг Йенталстуакрахта образовался сухой участок пола. Вода стала сторониться магического оружия.

— Эй, я здесь! — Крик девочки заставил меня грязно выругаться. Марина бы оценила выданный мной пассаж. Девчонка стояла возле другой двери, почти в самом конце этого коридора. Она не дождалась меня и опять ушла в очередной ненастоящий мир. Я понимал, что меня заманивают дальше, где Хаос приготовил мне следующую ловушку. При этом я был уверен, что выбраться отсюда смогу только тогда, когда девочка будет со мной.

Я добежал до двери, за которой она скрылась в этот раз, и коснулся дерева клинком. Белая краска словно слезла в тоже мгновение, но за ней я наблюдал лишь уже знакомую серую туманность.

За вторыми воротами в неведомые дали меня ждал замок. Я находился во внутреннем дворе, а передо мной стоял с виду крепкий донжон. Вокруг было серо. Небо заволокло тучи, а в ногах клубился туман. Вдруг откуда из марева вынырнула девочка и со смехом побежала в башню. Я тут же сорвался с места. Девчонка вбежала в открытые ворота и бросилась вверх по винтовой лестнице. Я ускорился. Перепрыгивая через несколько ступеней, я все равно никак не приближался к той, из-за которой попал в эту ситуацию. Смех девчонки отражался от стен. В этой реальности я вновь был внутри своего тела, а натренированностью н'шаста я

не обладал. Дыхание мое быстро сбилось, а пот покатился со лба. Лестница резко закончилась, и я с размаху влетел в металлическую дверь. Великолепно, хоть нас, слава Порядку, не сломал. Я отдышался и стал искать взглядом беглянку. На площадке, куда привел подъем, ее не было. Но я же не слышал, как закрывалась дверь, если девчонка воспользовалась ею. Неужели, Дмитрий, ты думаешь, что в этом мороке все действует по обычным природным законам, осадил я сам себя? Здесь вообще черте что творится. Я дотронулся мечом до металла, но ничего не изменилось, поэтому я смело открыл таинственную дверь.

Я никогда не принимал психотропных препаратов, но подозревал, что мир под их воздействие похож на то, что предстало передо мной дальше. В пустом пространстве, которое сверкало всеми цветами радуги в воздухе плавали платформы, взятые будто из древней игрушки про водопроводчика Марио. Металлическая дверь захлопнулась за мной, и я остался в этом упоротом мире. Воздух казался тут осязаемым, а вокруг все заморгалось с большей силой. Девчонка сидела на одной из платформ, которая вращалась вокруг невидимой оси, выше меня метров на десять. Я посмотрел вниз. Да, падать отсюда будет долго. Подозревая, даже бесконечно. Ближайшая летучая плита была чуть выше той, на которой я стоял. Я предельной осторожностью наступил на нее. Она даже не покачнулась. Я принялся прыгать среди всей этой наркомании в сторону девочки. Беглянка, что уже было не удивительно, не стала меня дожидаться и забралась еще выше.

Наша гонка среди безумия цветов и летающих плит продолжалась не долго. Девчонка исчезла в арке, которая раскинулась на самой громадной платформе из всех, что летали здесь. Я, недолго думая, нырнул вслед за ней.

За аркой психоделия закончилась. Я был в комнате, где стоял большой кожаный диван, а на стене висела «плазма» метра два диагональю. На диване сидел мужчина с самым поразительным лицом во всей вселенной. Оно постоянно менялось. Мне казалось, что я смотрю на молодого человека с длинным носом, а в следующую секунду я видел на его лице морщины и лишь один глаз. Мужчина был одет в обычную земную одежду. Майка, шорты и мягкие тапочки. Этот многоликий Янус поманил меня к дивану и жестом предложил сесть. Я хотел направить на него Йенталстуакрахт, но он заговорил со мной:

— Дмитрий, не нужно. — Голос его был такой же разный, как и лица. Ему бы к нам на эстраду, глядишь, стал бы лучшим пародистом. — Если бы я хотел убить тебя, я бы сделал это давно.

— Кто ты? — спросил я, уже зная ответ. Садиться рядом с этим существом, я не решился бы за все богатство Энхора и Земли.

— Тот, кого называют Великим Саусесаном. Но для тебя я — Калар. Это имя данное мне при рождении.

— Я думал, что тебе больше нравится зваться Хаосом.

— Это имя дал мне старший брат. И я ношу его тоже, но лишь до того момента, как стану единым богом для всех миров.

— Выпив их досуха? — и откуда во мне такая наглость взялась. Передо мной был сильнейший враг всего светлого, а я веду себя, будто разговариваю с обычной уличной шпаной.

— Ты еще много не знаешь в моем противостоянии с Порядком, поэтому твою дерзость я прощу. — Калар поднял руку, в которой я увидел пульт дистанционного управления, и включил телевизор. Я посмотрел на экран, где уже демонстрировалась моя битва с беургом.

Следом шло бегство от храмовников, а потом дошел черед стычки с тем жеманным убийцей магов.

— Ты хорошо справился с трудностями в реальном мире и выдержал испытания в моем.

— Старушкой-оборотнем меня не одолеть, — сказал я. — Где девочка, за которой я пришел?

— Пришел? — Великий Хаос расхохотался. — Это я привел тебя сюда, убедиться, что ты достоин.

— Достоин чего?

— Быть рядом со мной, а не с прислужниками Порядка. Девочку я, конечно, отдам. Но она меня совсем не интересует. Целью был ты. Я ослаблен, поэтому собрал все крупички своей силы, чтобы перетащить тебя в мой мир.

— Почему я должен быть на твоей стороне? — спросил я, покрепче сжав рукоять зачарованного меча.

— Потому что я — не зло, как тебе пытаются внушить Аархин Маггорайхен, — ответил Калар, его лицо на какой-то момент приобрело черты н'шаста. — Я лишь другая сторона правды.

— Но твои поступки и то, что творят твои последователи в Энхоре, говорят об обратном.

— На войне как на войне. Я не пью души. Я забираю и сохраняю их для нового мира, где не будет лживых законов моего отца. Поверь, если бы ты оказался в теле хаосита, а не в теле последнего Хранителя Порядка ты бы думал по-другому.

— Не знаю, вред ли бы мне хотелось убивать.

— Ты упрям и не хочешь видеть очевидного. — Калар выключил телевизор. — Мой отец не изначален. Порядок лишь следствие изначального хаоса. Не меня, естественно. А того беспорядка в пустоте, который был до появления отца. Уничтожив мою телесную оболочку, мои дорогие родственники сами создали новый Хаос. Мои жизненные силы смешались с частицами изначального хаоса, и я родился заново. При этом я видел все прошлое Вселенной и видел, как Порядок поглотил те миры, что были до него. Вижу, ты поражен.

— Нет, — слукавил я. Но ведь Аархин говорил, что Порядок создал первые миры. Хотя верить на слово Калару нельзя. Свою сущность убийцы он не отрицал.

— Не лги, я чувствую твое смятение. Мой отец построил миры на обломках прошлых, так почему я не прав, когда хочу построить свои на обломках его? Присоединяйся ко мне, Дмитрий.

— Даже если все, что ты говоришь — правда, я откажусь. Уходи куда-нибудь и строй свои миры там. Оставь в покое жизни людей, которые заселили миры Порядка давным-давно.

— Что же, я не из тех, кто будет уговаривать. — Калар поднялся с дивана, и вся обстановка комнаты мгновенно изменилась. Прямо как в Акл-Миратэ. Мы находились теперь на плоской горе. Рядом лежала спящая девочка. — Я предложу тебе альтернативу.

— Да неужели?

— Моих сил на это еще хватит. Я готов вернуть тебя сейчас домой.

У меня перехватило дыхание. Похоже, здесь Великий Саусесан не врал.

— А что станет с Аархином? — поинтересовался я.

— Его разум погибнет, скрывать от тебя это не буду. Подумай, что тебе дороже: жизнь

мага из далекого мира, или близость твоих друзей и родных? Шанс у тебя один, если я не отправлю тебя сейчас, позже уже не смогу этого сделать.

— Тогда ответь мне. Когда ты поглотитшь Энхор... Ты примешься когда-либо за землю?

— Ты умный мальчик, — сказал Калар и улыбнулся тысячей улыбок. — Когда-нибудь придет и ваша очередь. Но не при твоей жизни.

— Тогда верни мне девочку и убирайся!

— Как пожелаешь.

Я оказался в комнате, где на кровати лежала девочка. Я наконец-то вспомнил ее глаза полные пустоты, но сейчас все было иначе. На меня испуганно смотрели большие детские глаза.

— Ты в порядке? — спросил я, а в голове внезапно застучало металлом о металл.

— Да, мне кажется, я спала и видела кошмар. — Голос бедняжки дрожал.

— Не только ты его видела. Но все позади.

— А с вами все хорошо, месэр? — девочка потрогала меня за руку. Я прислушался к себе, и понял, что слово «хорошо» сейчас далеко от Дмитрия Ладыженского, как Земля. Поэтому не стал врать и ответил ребенку абсолютно честно:

— Думаю, нет. — А затем я почувствовал, как огромное желание упасть в обморок резко накрывает меня жаркой волной. И немедленно потерял сознание.

Хашайя принимала ванну. Она лежала в каменном резервуаре ромбовидной формы, наслаждаясь обжигающей водой. Над ней поднимался пар, густой, словно утренний туман. Шайя давно приучила тело к высоким температурам, любой же неподготовленный человек, опустив в такую воду руку, с криком бы ее одернул. Воздух вокруг благоухал нежной хвоей, благодаря добавленному в купальню душистому маслу. Среди стеклянных бутылочек, в которых хранилась ароматизированная жидкость, можно было найти запахи персиков, дикой мяты, полыни, сирени и вишневого дерева. Но Хашайя всегда предпочитала во время купания ощущать вокруг себя сосновый лес. Этот запах успокаивал ее и дарил чувство безмятежности.

Чуть в стороне от Хашайи располагался внушительных размеров бассейн, где раньше вдоволь плавали жители тайного убежища. Сейчас он пустовал, отдаленно напоминая бойцовскую яму в ожидании следующей драки. Ходили слухи, что однажды кто-то из н'уданов крепко напился и в итоге утонул здесь. За это сам Великий Саусесан приказал использовать его труп в качестве пустышки. Справедливое наказание. Если ты готов глупо расстаться с жизнью, вместо того, чтобы посвятить ее служению истинному повелителю Энхора, то цена тебе — грязь под ногами бродяг.

Горячая вода и аромат хвои спустя какое-то время убаюкали Шайю. Она погрузилась в дремоту, несмотря на то, что прекрасно выспалась ночью. Она не знала, сколько это продолжалось, но вода не успела остыть. Ну и славно, проснуться в еле теплой воде — что может быть ужаснее этим ленивым утром?

Прикрыв глаза, Хашайя опустила под воду с головой. Она постаралась задержать дыхание на столько, на сколько это было физически возможно, а когда вынырнула, то поняла, что теперь не в одиночестве. Сквозь плотный пар она разглядела силуэт. Надеюсь, это не Энкрич, подумала Шайя. Она бы предпочла увидеть другого участника их хаоситской троицы. Было забавно, но общество Ритайлины с недавних пор стало для нее не таким мерзким. Все познается в сравнении, не зря эта поговорка злободневна в любую эпоху.

— Кто пожаловал? — спросила она, выжимая волосы.

— Я пришла выяснить, не сварилась ли ты тут заживо. — Бывшая Хранительница Порядка словно выплыла из тумана. На ней была рубаха без рукавов и зеленая юбка до пола, украшенная Рита присела на край купальни.

— Как видишь, я жива и здорова, обо мне можешь не беспокоиться.

— Как твое восстановление? — спросила Ритайлина. В вопросе не чувствовалось издевки, поэтому Шайя решила ответить:

— Лучше, чем я ожидала. — Она подняла руку из воды и прикоснулась к Источнику. Хотя настоящим прикосновением это было все же не назвать, Хашайя дотянулась до жизненного родника. Совсем чуть-чуть, но даже этого хватило. Энергия вокруг руки запульсировала, пар, окружавший ее, вдруг сгустился в подобие снежного кома. Шайя протянула к нему магическую нить, тонкую, готовую порваться от малейшего колебания, и аккуратно толкнула шар вверх. Он медленно достиг украшенного фреской потолка, ударился о поверхность и растекся, словно кисель по сторонам.

— В битве не поможет, но мне приятно ощущать, что я способна хоть на такие фокусы. — Хашайя убеждала себя, что еще месяц-два, и она сумеет поднять таким же

образом предмет, обладающий весом. Пускай очень легкий, вроде гусиного пера, но сумеет.

— Сколько ты еще собираешься нежиться? — Ритайлина будто назло почти незаметным движением, отогнала весь пар к стене.

— Если ты хочешь искупаться, тут полно свободных ванн самых разных размеров.

— Может, позже. Наш пробужденный от долгого сна компаньон требует собраться в библиотеке. Он как раз знакомится с тем, что случилось в Энхоре без его участия. Говорит, пора собрать наш скромный совет н'уданов.

— Что он о себе возомнил? — возмутилась Хашайя. — Кто его поставил главным? Он пуст, как барабан, даже слабее меня, а ты способна стереть его в порошок. Укажи ему место!

— Скажешь еще. А не ты ли противилась моему лидерству в нашем деле? С чего бы я сейчас ставила на какое-то место опытного мага? Я буду вести себя, словно маленькая мышка, случайно забежавшая дом, где живет парочка котов. Но кто сказал, что мы с тобой должны бежать по первому зову Энкрича? Как только закончишь здесь, жду тебя в Главном зале. Покажем ему девичий характер. — Ритайлина улыбнулась и скрылась за облаком пара, который снова образовался над водой.

Хашайя нежилась еще несколько минут. Потом вытерлась полотенцем, накинула халат и, обув мягкие тапочки, покинула купальни. Рита сидела возле очага, на столике уже было разлито вино. Шайе показалось, что она вернулась в тот день, когда спустя сто шесть лет встретила в тайном убежище бывшего врага. Они успели выпить по бокалу, обсудить современные веяния в дамской одежде, прежде чем услышали тяжелую поступь Долговязой смерти.

Энкрич шагал, размахивая своими длинными руками, словно плетью. На нем были узкие кожаные штаны, в которых его ноги походили скорее на палки, чем на то, с помощью чего передвигаются люди. Отсутствие рубахи подарило мило беседующим женщинам незабываемое зрелище его покрытой шрамами груди. Шайя знала, что некоторый из них этот безумец оставлял сам. Правда, никто не даже и не догадывался, что это самобичевание символизировало. Вряд ли количество жертв, иначе бы на коже Долговязой смерти не сохранилось свободного места. Энкрич остановился неподалеку. Его холодные глаза попытались пронзить насквозь тех, кто не явился в библиотеку по его приказу.

— По-моему, я сказал, что сбор будет не в Главном зале, — произнес Долговязая смерть. Его голосом в этот момент можно было спилить толстое дерево.

— А по-нашему, здесь более подходящее место, для такого дела, — сказала Хашайя, пока Ритайлина подливала ей вино. Зеленоглазая незаметно для Энкрича подмигнула ей.

— Пусть будет так. — Тощий н'удан присел на свободный стул. — Но предупреждаю вас, вы играете даже не с огнем. Пламя может просто обжечь. Я же сожгу дотла.

— Не понимаю, для чего эти нелепые угрозы, — взяла слово Рита. — Мы не враги, а союзники, у нас единая цель. И если кто-то будет ставить себя выше других, то до ее выполнения мы доберемся.

— Ты чересчур дерзка для новообращенной, Чисхаргана, я прощаю тебя. Будем служить Хаосу на равных, но напомним вам кое-что. Одна из вас перекроенная, а другая — когда-то входила в число прихлебателей Тибора. Если бы я имел свою истинную силу, справился бы без вашей драгоценной помощи.

В этом заключалась личность Энкрича: в самовлюбленности, в резком отношении ко всем остальным и, конечно, в повышенной кровожадности. Узнав, что ему не предоставили живого храмовника для расправы, он пришел в ярость. Его сущность требовала убийства, как

природа тиргезов требовала от них постоянно желать свежего мяса. На выручку подоспел Джикуя. Он предложил Долговязой смерти лишит жизни трех тяжелораненых хаоситов. Первого, Энкрич задушил, причем с такой силой, что Хашайе показалось на мгновение, что голова бедняги просто-напросто оторвется. Второго он зарезал, медленно вгоняя в грудь добровольцу его же кинжал. Ну а третьей, женщине за сорок, раненой мечом в живот не повезло. Перед тем, как отрубить ей голову топором, Энкрич изнасиловал несчастную. Но таково было собственное желание убитых — умереть от рук великого н'удана, возвратившегося спустя столько лет из плена Белой пирамиды. Во имя Великого Хаоса.

— Я оставил для тебя в библиотеке несколько книг, — обратился Энкрич к Ритайлине. Она с улыбкой протянула ему вина. — Раз мы с Хашайей бесполезны в работе с жизненной силой, заняться многими вещами придется тебе.

— Чем же? — уточнила зеленоглазая.

— В книгах ты найдешь записи плетений, без которых не обойтись в будущем. И, естественно, заклятие по созданию пустышек. Я не собираюсь стирать свою одежду и готовить еду. В принципе, если кто-то из вас возжелает делать это за меня — прошу.

— И где же я найду столько мертвецов, чтобы удовлетворить все твои потребности?

— Могу посоветовать переместиться на ближайшее кладбище! — Долговязая смерть хохотнул над своей остроумной, по его мнению, шуткой. — Но все гораздо проще. Спустись в подвал, где хранятся припасы во льду. В дальней секции найдешь с десятков трупов, оставленных когда-то про запас. Надеюсь, как растопить лед ты разберешься без моих рекомендаций.

— Проклятье, — сказала Ритайлина. — Хорошо, что лед для вина я искала не там. Чувствую, что меня сию же минуту вырвет.

— Меня тоже, — вставила Хашайя, откинув волосы назад. — Но Энкричу такой бы коктейль пришелся по нраву. Человечиной он никогда не брезговал.

— Слаще человеческого мяса в мире нет ничего. Но хочется мне его редко, а вот от жареного поросенка я бы не отказался. На кухне я нашел только ощипанных кур.

— Может о деле теперь? О пище мы можем поговорить и в другое время.

— Хорошее предложение, Шайя. — Рита отставила фужер в сторону. — Нам предстоит нападение на Грелимарай.

— Грелимарай?! — удивился Энкрич. — Нужно освободить Щамерта и Оорташу, а не бросаться в город, где храмовники всегда были сильны. Великий Хаос, что мы там позабыли?

— Одного человека. Хаосита. Волею судьбы, его пленили и теперь держат в Темнице. Нам необходимо освободить его и доставить за пределы города в безопасное место.

— Хаосита, значит. Тратить силы на хаосита, а не на н'уданов. Кажется, ритуал перекройки свел тебя с ума, Чисхаргана. В чем его ценность для Хаоса?

Этот вопрос Хашайя задавала несколько раз себе. Ритайлина постоянно уходила от прямого ответа, лишь повторяла то, что говорила ранее. Таинственный человек — единственный, кто сейчас может контактировать с Великим саусесаном. И что? Повелитель всегда способен выйти непосредственно на Шайю или Энкрича. Ну, или на худой конец, на другого хаосита, благо есть из кого выбирать. Тем более даже если этот незнакомец сумел организовать слугителей Хаоса, своим пленением он лишь выставил себя неудачником. Такого легко заменить. Тот же Джикуя во всем показал себя достойным наивысшего доверия со стороны Хозяина. Хашайя предполагала, что пойманный у Грелимарая человек либо

знает что-то очень важное, либо у него есть еще какая-то особенность, помимо связи с Великим Саусесаном.

— Его ценность, — ответила Рита, — вы поймете после удачно выполненной миссии. Иначе, все может пропасть, даже не начавшись. Достаточно знать его имя — Тульгарн.

— Хорошо. — Долговязая смерть залпом выпил красный напиток. — Надо принести что-нибудь покрепче этого приторного пойла. Каков план?

— Все просто. Я переносу вас в Грелимарай.

— Подожди, — перебила бывшего н'шаста Хашайя. — То есть как, не мы переносимся, а ты переносишь? То есть ты не собираешься сражаться с нами?

— Не собираюсь. — Ритайлина спокойно посмотрела в глаза Шайе. — Освобождая Энкрича, мы позаботились, чтобы ни одна живая душа из храмовников не покинула поле боя. Для Энхора я по-прежнему мертва. Представь, что кто-то увидит меня в таком крупного городе, как этот порт. Многие пойдет крахом, если служители Тибора выяснят, что меня перекроили. Они станут понимать, кто помог вам выбраться из ваших гробниц. Сохранив в тайне мое присутствие, мы только выиграем. А теперь представьте, как они будут поражены, когда увидят на свободе двух н'уданов! Они испугаются, они поймут, что власть Порядка уже не такая незыблемая, как последние сто шесть лет, раз верным слугам Хаоса удалось бежать из капканов, в которых они должны были оставаться вечно.

— Здесь Чисхаргана права, — сказал Энкрич. — Что с теми, кто нам будет помогать?

— В городе, естественно, есть хаоситы, но среди них нет магов. Двадцать отобранных лично мной людей, способных касаться источника силы, должны будут появиться в городе завтра.

— И как же они туда попадут?

— Увидите своими глазами. — Рита все продолжала играть в загадки. Хашайя уже вновь начинала чувствовать раздражение от этой поганки.

— Если бы я не знал, что ритуал, которому тебя подвергли, необратим, — начал Долговязая смерть, скрипнув зубами, — я бы думал, что ты ведешь двойную игру, слишком многое утаиваешь.

— Все ради победы Хаоса, Энкрич. Вернемся к делу. Ваша задача будет той же, что была у Хашайи в степи — воодушевлять доблестных хаоситов и сеять панику среди храмовников. Лесть на рожон не нужно. Не спускайтесь в Темницу, теснота ее коридоров и камер вполне может сыграть против вас, и чье-нибудь случайное заклятие прервет ваше существование. Когда Тульгарна выведут на поверхность, вы с помощью моего з'уартхила подадите сигнал, я немедленно вернусь за вами.

— Ты в силе переместиться сразу с тремя? — в голосе Энкрича впервые со дня его освобождения послышалось любопытство. Он не сильно спешил знакомиться с современным Энхором, назвав это бесполезной тратой времени. Долговязая смерть считал, что все политические, географические и прочие изменения людского общества, произошедшие за его вековое заточение, не имеют значения. Какая разница, кто восседает на императорском троне Джийята или именем какого мореплавателя назовут очередной открытый остров на востоке известного мира. Все это померкнет, когда, наконец, Энхор подчинится Великому Хаосу. Мир получит новые законы, теперь навсегда.

— Да, ты удивлен? — Ритайлина разгладила юбку на коленях, напомнив Шайе застенчивую студентку.

— До заточения я был способен переместить двух человек. А тех, кто мог захватить с

собой трех, среди н'уданов было мало. Не помню, чтобы кто-то из н'шастов сплетал подобный перенос, кроме Маггорайхена и Мальбзара.

— Ритуал, превративший меня в верного слугу Великого Саусесана, прибавил энергетической мощи. В основном это коснулось переноса и расхода силы, я теперь не так быстро устаю, но больше ничего нового я не чувствую.

Хашайя не знала про это. Зеленоглазая скрыла от нее факт роста жизненной энергии, но почему-то выложила его Энкричу. Шайя снова хотела мысленно обругать перекроенную, но тут ее озарило, почему она разоткровенничалась сейчас. Ритайлина намекала н'удану, имевшему репутацию могучего мага, что даже когда он восстановится, самым сильным среди них троих ему уже не быть. Интересно, дошел ли смысл сказанного до этого высушенного человека? Судя по его лицу, он еще не вник в самую суть слов бывшего врага. И дело было не в глупости, назвать долговязого глупцом — все равно, что объявить тиргезов травоядными зверями. О Хаос, какой же великолепный у них тройственный союз: наглая перекроенная магичка, опасный и чрезмерно уверенный убийца, и она сама. Та, которая в начале служила Порядку. Та, которая однажды осознала, что воюет не на правильной стороне.

— План выглядит простым, — произнесла Хашайя. Она вдруг почувствовала, что слегка запынела. — Выдвигаемся завтра?

— Нет, — возразила Ритайлина. — Хоть завтра наши доблестные союзники уже будут находиться в городе, спешить нельзя. Есть шанс, что так мы еще чуть-чуть, но притупим внимательность грелимарайских храмовников.

— Значит, послезавтра. — Энкрич поднялся со стула и, запустив руку в карман штанов, выудил наружу два перстня. Они выглядели серебряными, и каждый из них украшал крупный оникс. Хашайя ощутила дрожь, пробежавшую по телу. Перстни были пропитаны магией.

— З'уартхилы? — выдохнула Шайя.

— Именно! Самый богатый трофей, который я когда-либо забирал с тела убитого врага. Это было еще до того, как ты, Чисхаргана, получила свои восьмиконечные звезды у Источника. Н'шаст бился достойно, я даже лишил его жизни практически безболезненно.

— В них бушует пламя, — заключила Ритайлина, внимательно рассматривая перстни в ладони н'удана. Ониксы источали едва заметные искры.

— И не просто бушует, оно рвется на свободу. Эти з'уартхилы позволят нам с Хашайей метать огнешары.

Вот так удача! Освобождение Энкрича теперь хотя бы обернулось пользой. Да, потоки, которые Хашайя будет направлять, не принадлежат ей, но это уже магия! Чой-хуа — хороший способ сражаться с храмовниками, но с потоками огня все станет еще лучше. Долговязая смерть вручил ей один из перстней, а второй спрятал обратно в карман.

— Кстати. — Энкрич собирался уходить, но что-то внезапно вспомнил. — Вы сказали, что с Маггорайхеном все кончено, но при этом есть небольшая проблема. Пока я не вернулся в библиотеку, самое время рассказать о ней.

Ритайлина предложила Хашайе не сообщать Долговязой смерти сразу о таинственном человеке, который забрал личину последнего Хранителя Порядка. Она обосновала это тем, что сбежавшему н'удану необходимо немного отдохнуть, прежде чем полноценно влиться в их великое дело. Но Шайя догадалась, что Рита надеялась разгадать эту тайну самостоятельно. Теперь это не случится при любом желании.

— Какое-то существо приняло лик Аархина Маггорайхена, — сказала Ритайлина,

потерев висок, словно одна эта мысль причиняла ей боль.

— Что?! — воскликнул Энкрич. — И вы молчали?

— Теперь ты знаешь, день ты это не ведал или два, какая разница.

— Это же противоречит мирозданию!

— То есть такого раньше не происходило? — Хашайя зря надеялась, что Долговязая смерть что-то слышал про схожие случаи.

— Чтобы нарушались устои Вселенной? Нет. Даже сам Властелин не смог одарить гануров способностью превращаться в н'шастов или н'уданов. Никто из ныне живущих магов не владеет и толикой сил для такого потока. Откуда вы уверены, что это был не сам Маггорайхен?

— О Хаос, мы уже проходили это с Шайей. — Ритайлина картинно закатила глаза. — Знай, это не мой бывший соратник. И это такая же правда, как и то, что солнце встает по утрам!

— Что же, — произнес Энкрич, сложив руки на груди. — Я перерою всю библиотеку, будет чем заняться до наступления на Грелимарай.

Он отправился в книгохранилище. Хашайя с облегчением вздохнула, его общество очень тяготило.

— Придется изучать новые заклинания, когда наш драгоценный друг соизволит лечь спать, — задумчиво сказала Рита. — Совершенно не хочется находиться рядом с ним.

— Читаешь мои мысли. — Хашайя уже надела перстень на средний палец. з'уартхил сидел как влитой. Шайя почувствовала, как искры, брызжущие из ониксов, касаются кожи. — Пожалуй, я поупражняюсь с этим магическим оружием.

— Не подожги убежище, а то нам некуда будет возвращаться!

— Выберу помещение без мебели. — Шайя жалела, что нельзя обратить Риту с помощью огнешара в кучку пепла. И дело было не в том, что они союзницы, и не в том, что без нее перенестись никак не получится. Хашайя просто не представляла, как можно работать вдвоем с Энкричем. И не хотела представлять.

Сначала я проваливаюсь в странный сюрреалистичный мир, где обитает вселенское зло, а потом в довесок падаю в обморок второй раз в жизни. О таких захватывающих приключениях я даже и не мечтал, но не думаю, что хоть одно маломальское разумное существо было готово повторить мой волшебный трип. Главное, что с девочкой вроде бы все в порядке. Абсолютная пустота ушла из нее, а, значит, мерзкий Калар отпустил невинную душу. У меня же случился очередной насыщенный денек в дружелюбном Энхоре.

Я понятия не имел, где находился в данный момент. Единственное, что можно было сказать наверняка — я лежал в кровати, заботливо накрытый одеялом. Помещение выглядело незнакомо: голые серые стены, потолок без какого-либо рисунка и дверной проем без двери. Висящий в воздухе магический светильник подтверждал, что я по-прежнему не на Земле. Но где же тогда? Вариантов на самом деле не так чтобы много. Возможно, меня, потерявшего сознание, отнесли в чей-то дом на острове, где мной занялся местный лекарь или храмовник. Не сказал бы, чтобы что такой вариант мне не по душе, потому что второй казался сулящим только беду. Я вполне мог оставаться во владениях Великого Саусесана, а мое возвращение к девочке и ее исцеление всего лишь спектакль. Для чего? Да хрен его знает, этот Хаос непредсказуем. Оставалась, конечно, вероятность, что я очнулся в Акл-Миратэ, но тут тоже не все просто и даже очень странно. Обычно Аархин сразу встречал меня, ведь, по сути, виртуальный мир являлся порождением его мыслей, а в этой комнате я его не видел.

Спокойствие, только спокойствие, говаривал Карлсон, что живет на крыше. Я вытащил руки из-под одеяла и убедился, что они мои, а не месэра Маггорайхена. Интересно. Я хотел подняться, но остановил себя — вспомнил свое дебютное падение в обморок. Это было достаточно давно, я тогда еще проживал с родителями. Меня попросили сдать кровь для одного из друзей, которому предстояла операция. Я согласился и потому, что действительно хотел помочь близкому человеку, и потому, что было любопытно испытать на себе прелести донорства. Проснувшись рано утром, я собирался позавтракать, но мама стала утверждать, что перед сдачей крови не едят. Первой ошибкой было то, что я с ней согласился, хотя сомнения меня обуревали. Вторая ошибка — я поспал перед этим четыре часа, сказала долгая партия в компьютерную игрушку. В общем, я примчался в больницу, заполнил анкету и уселся ждать своей очереди. С собой я захватил пару шоколадок, потому что не раз слышал, что сладкое помогает после процедуры. Наконец, на удивление симпатичная медсестра пригласила меня в кабинет, где на нескольких столах для сдачи крови лежали доноры. Меня уложили на свободное место, закатали рукав и вскоре случился знак того, что все пройдет не так гладко. Когда женщина в белом халате вонзила мне иглу в вену, я почти ничего не почувствовал. Когда пришло время поработать кулачком, я понял, что ощущаю, как тонкая стальная штука шевелится при каждом сжатии. Это было не столько больно, сколько неприятно. Но в целом процесс завершился удачно. Я встал с кушетки, практически не замечая каких-либо изменений, произошедших со мной после потеря пол-литра красной жидкости. В коридоре меня встретила пожилая санитарка, сообщив, что мне лучше посидеть несколько минут на скамейке возле стены. Я все равно никуда не спешил, поэтому не стал с ней спорить, но сказал, что чувствую себя прекрасно. Минуты две или три мы с ней мило беседовали. Я успел поведать, что раньше не сдавал кровь и упомянул, что с утра ничего не

поел. Санитарка покачала головой, напомнив, что не едят перед сдачей крови на анализы, а донорам как раз рекомендован легкий завтрак. Потом она отвлеклась на другого человека, вышедшего из кабинета, и со мной случился казус. Я услышал непонятный звук, будто кто стучал металлом о металл. Этот шум быстро нарастал, а на глаза следом стал набегать туман. Я успел буркнуть, что закружилась голова. И вдруг — оказываюсь в кабинете, где сдавал кровь, и вижу Славдея — своего одноклассника, с которым не общался года четыре. Хотел поздороваться с ним, но тут пришла здравый вопрос в голову: откуда Славдей здесь и почему я не в коридоре? Внезапно вернулся металлический стук, и в следующий момент я уже лицезрел перед собой испуганные глаза санитарки, которая просила кого-то принести нашатырный спирт. Я сдавленно произнес, что со мной уже все в порядке, но меня проигнорировали. Понюхав этой гадости, я сбросил с себя пелену обморока и попытался сесть, так как меня положили на скамейку. Это удалось не сразу. Каждый раз, когда я предпринимал попытки принять вертикальное положение, я начинал чувствовать жуткую тошноту. Около получаса я был ванькой-встанькой, пока не догадался, что надо всего лишь проблеваться, что и сделал в пакет, который мне принесла милая работница больницы. Потом я еле добрался домой, захватив положенные за донорство четыреста сорок рублей, и завалился спать. Такой слабости с тех пор я никогда не испытывал.

Сейчас никаких признаков плохого самочувствия я не замечал, поэтому приподнялся, оперевшись на руки. Тут-то из пустоты прямо рядом со мной появился незабвенный Аархин Маггорайхен, последний н'шаст Энхора, мать его за ногу.

— Ты сдурел?! — выкрикнул я. — Я чуть под себя не сходил!

— Прости, Дима, — извинился трехсотлетний волшебник. — Я должен был убедиться, что ты в норме.

— А я в норме?

— Да, можешь не сомневаться.

— Так ты все время находился здесь?

— Конечно. — Аархин коснулся энергии, соткал из воздуха кресло и устроился подле моего ложа.

— Почему прятался-то? — уточнил я. — Мог бы встретить как всегда, а то твои резкие появления могут сказаться на моем сердце.

— Потому что не знал, кто ты.

— Так, отсюда подробнее, потому что я знаю, что я это я.

— До тебя дотронулся Хаос, сам Калар. Ты мог потерять свое я. Либо сойти с ума от его черной энергии, либо еще что хуже. Ведь он способен выбросить твой разум из моей головы и заменить своим. Как только ты потерял сознание, я сразу же втащил тебя в Акл-Миратэ и наблюдал. Ты стал думать о сдаче крови в качестве донора, а это означало, что твой рассудок не поврежден и не заменен. Кстати, в моем мире такую практику не используют. Надо внедрить в энхорскую медицину сдачу крови и переливание. Подумать только, сколько можно было бы спасти жизней хороших людей, если бы мы развивали не только магию.

— Вернуть домой он тоже меня способен? — я внимательно посмотрел на Аархина. Тот встретил мой вопрошающий взгляд с безмятежным лицом.

— Думаю, да. И еще раз благодарю Порядок за то, что моим телом владеешь ты, Дима. Человек слабый и внушаемый не отказался бы от такого подарка судьбы.

— С девочкой все будет в порядке?

— Без сомнения. Если бы Великий Саусесан хотел, она бы погибла сразу же после

твоего возвращения из его обиталища. — н'шаст протянул мне созданную силой кружку с ароматным кофе. — Бедняжка была нужна ему лишь в качестве приманки для тебя.

— Тогда объясни мне как так вышло. Ты предупреждал, что Хаос следит за моим передвижением, но если он все еще хиловат, чтобы обрушится всей мощью на Энхор, почему он сподобился затащить меня в свое измерение, от которого крыша может поехать.

— Уверяю тебя, что после этого случая, такое не повторится. Калар в самом деле собрал все крупицы своей разбросанной силы, чтобы осуществить поток. Теперь он будет действовать с помощью хаоситов. Скорее всего, и слезка за тобой уйдет в небытие. Великий Саусесан сыграл по-крупному, он не мог не рискнуть, ведь если бы ты не отказался от его щедрого предложения, царству Порядка в Энхоре пришел бы скорый конец.

— Проклятый Хаос, — буркнул я и отхлебнул горячего напитка. Сладкий и крепкий, как я люблю. — Тогда продолжим нашу игру в «вопрос-ответ».

— Мы здесь для того, чтобы обучать тебя, можешь задавать вопросы в любом количестве.

— Все о чем говорил Калар про Порядок и Хаос, это правда?

— Хаос изначален. Представь, что это так, — принялся читать новую лекцию Аархин. — Возьмем, к примеру, пустой стол, на котором нет даже пылинки. Пусть это будет вселенная без какого-либо разума, абсолютная пустота. Откуда на столе взяться Хаосу, если нечего разбрасывать? А теперь поставим на стол фрукты в корзине. Образовался порядок, неважно кто его создал. Теперь мы можем вытащить фрукты и разложить их в беспорядке. Видишь, пример прост как задача для ребенка, поэтому я тоже спрошу у тебя, неужели ты хоть на мгновение допустил, что в словах предателя и жнеца душ была правда?

— Нет само собой, — соврал я, зная, что Маггорайхен уже прочитал эту ложь. Но надо отдать ему должное, он промолчал. — А что по поводу душ?

— О да, он бережет их для нового мира, где все будут счастливы. Многие н'шасты обратились в н'уданов, поверив в эту чушь. Он просто питается ими. Они для него как наркотик, без которого он не может долго находиться.

— Пстой, — перебил я собеседника. — То есть Великий Саусесан контактировал с Хранителями Порядка? И с тобой, получается, тоже?

— Было дело. — Я заметил, как сжались челюсти Аархина, видимо, не самые приятные воспоминания.

— И как оно?

— Ну, скажу, что тебе не пришлось опробовать на себе всю мощь заклятий Хаоса. Он является всем, кто коснулся Источника истинной силы, уговаривает, соблазняет, убеждает. На кого-то его увещевания действуют, на кого-то нет. Тех, кто ему отказывает, он отпускает без последствий, другое дело, когда какой-нибудь смельчак пытается атаковать Калара в его владениях. Хорошо, что ты опустил Йенталстуакрахт, а не сотворил глупостей.

— Выходит, ты сотворил?

— О да, — сказал Аархин и потрогал несколько шрамов на груди. — Это была первая ночь, после того, как мои ладони получили знаки Порядка. Я пытался забыться сном, но боль от ожогов не сильно этому способствовала. Великий Саусесан воспользовался слабостью моего разума в эти часы. Он был многолик и многоголосен. И говорил убедительно, сулил мне вселенскую известность величайшего н'удана. Обещал, что вместе мы очистим все миры от скверны Порядка и докажем всем разумным существам, что Тибор и его отец лгуны. Этого я уже не вытерпел, гнев застелил мой рассудок. Я схватил Калара за

шею и со всего маху ударил его кулаком в нос.

— Ай да месэр Маггорайхен! — воскликнул я с неподдельным восхищением. Ну а как тут не восхититься-то? Простой человек, пусть и обладающий способностью использовать магию жизненной силы, врезал существу, которое по мощи было близко к богу! Или дьяволу, конечно.

— Звезды на руках в этот момент раскалились с удвоенной силой, но Великий Саусесан все-таки вскрикнул. Ему было больно. И он ударил обратно. Своим ревом я разбудил всех, кто ночевал рядом. Шрамы от его заклятий теперь напоминают мне, что прежде чем бить, нужно дважды подумать.

— Поспешись, людей насмешишь, так говорят на Земле.

— В каждом мире есть мудрости, может, они и звучат по-разному, но смысл один. — Хранитель Порядка изменил обстановку. Кровать из-под меня исчезла, вместо нее я оказался верхом на крупном булыжнике. Мы были в каких-то горах, и судя по тому, что отсюда пейзаж внизу виделся совсем маленьким, это были не горы, где проживал Аархин.

— Где это мы? — спросил я, поражаясь обнаруженной высотой.

— Эта местность — родина Хашайи из рода Чеенув. Она единственная выжившая из тех, кто сменил шкуру. Думаю, про нее стоит рассказать подробнее. — Маггорайхен уж находился на соседнем камне.

— Ага, потому что рано или поздно мне придется с ней столкнуться, помню.

— Она была сильной девочкой, когда ее приняли на обучение. Да, я видел, что она часто тоскует по дому, а слезы не раз выступали на ее красивых глазах. Но воля ее была стойкой. Предательства можно было ожидать, вот только не от нее. До сих пор я ломаю голову, чем же Великий Саусесан сбил ее с истинного пути. После какой-то атаки на хаоситов, я застал ее ожесточенно терзающую свои ладони. Осколком зеркала она наносила раны поверх восьмиконечных звезд, в точности повторяя изломанные линии Хаоса. Я был столь поражен, что упустил момент. Я мог снести ей голову Йенталстуакрахтом, но замешкался. Впервые видеть такое зрелище, когда н'шаст добровольно отворачивается от света, бьет не хуже аудиенции Калара. И моя ошибка в итоге принесла горькие плоды. Черная Хашайя не так жестока, как многие ее соратники, но беспощадна к врагам. Ее моральные устои позволяют жертвовать простыми людьми, хотя совершает она это лишь при крайней необходимости. Она умна и хитра, заболтать ее не сможет никто, даже ты, кто в своем мире на этом специализируется. Сейчас Хашайя истощена, но ее способности в чой-хуа не зависят от количества энергии, поэтому прямой встречи с ней нужно избегать.

— Что я скажу другим храмовникам, которые заметят, что единственный Хранитель Порядка сторонится вернувшегося н'удана? — спросил я. Я-то с превеликим удовольствием буду держаться подальше от предательницы, но ведь это вызовет очередные подозрения на мой счет.

— То, что Великий Саусесан пригласил тебя в свое обиталище, сыграет нам на руку, — ответил месэр Маггорайхен. — Когда ты проснешься после нашей беседы, первым делом сообщи об этом храмовнику, который окажется возле твоей кровати. Объясни ему, что Калар нанес существенный урон твоим силам и тебе потребуется время на восстановление. Храмовник сопроводит тебя в Грелимарай, а там твою безопасность обеспечит Мийэн Заурбанз. Ему ты откроешься, как и Крамди, по старому плану. У Мийэна хватит мощи сразиться с Хашайей даже один на один, а вдвоем вы наверняка сумеете ее одолеть. Я не гарантирую, что с ней ты увидишься до того, как мы подготовим детей, но подстраховаться

никогда не бывает лишним.

— Да, но ведь разнесется слух, что Аархин Маггорайхен потерял силу, разве это не даст хаоситам повод охотиться за мной?

— Они не знают, сколько продлится твое бессилие, Дима. Рисковать они вряд ли решатся, максимум — пошлют устранить тебя парочку из ордена д» рута.

— О, ну тогда вообще все проще пареной репы! — воскликнул я наиболее громким голосом.

— Сарказм тут не уместен, — произнес н'шаст назидательным тоном. — Ты великолепно показал себя на гугутикаре, поэтому справишься.

— Твоими устами да медок хлебать, дорогой сенсей.

— Твоей уверенности нужно расти. Ты за пару дней пережил столько событий, сколько не у каждого боевого мага случаются. Верь в себя, и Порядок тебя поддержит.

После разговора мы с Аархином немного потренировались. С потоками продвижений не было, но в чой-хуа наметились улучшения. Я стал быстрее реагировать на выпады учителя, при этом успевая продумывать контратаки. Под конец занятия хранитель продемонстрировал мне чудесное движение мечом, которое блокирует магические удары, сконцентрированные в сгустки энергии. То есть, если злобный черный колдун швырнет в меня воздухом камень или еще что-нибудь тяжеленькое, я скорее получу черепно-мозговую травму. А если он нехристь вздумает бросить в мою сторону огненный шар или колючую молнию, я без усилий их отобью. При хорошей ловкости, пояснил Аархин, я смогу даже направить смертельный снаряд обратно в нападавшего, но для повышения этого навыка требовалось еще несколько тренировок. Ох уж эти правила ролевых игр. Жаль, что я на самом деле не в игре, сохраниться мне никто не даст. Или я уже думал об этом?

Как и предсказал месэр Маггорайхен, возле моего ложа дежурил юный храмовник. Рыжий парнишка в голубой сутане аж подпрыгнул, когда я резко открыл глаза. В комнате пахло рыбой.

— Слава Порядку, вы целы! — радостно возопил он.

— Не совсем так, парень, — я изобразил хриплый голос. — Встреча с нашим Врагом меня определенно подкосила.

— О великий свет, вы видели Великого Саусесана?!

— Не только видел. Говорил и бился с ним. — Пришлось немного слукавить, да простит меня Аархин.

Я поведал храмовнику о приключениях в психоделическом измерении, естественно, утаив подробности. Мальчишка выслушал меня внимательно и сам предложил помощь в путешествии в Грелимарай.

— Вот только месэр Маггорайхен, на острове больше нет служителей Порядка, — сказал Екунек, так звали смышленного волшебника.

— Что значит — нет?

— Мы с Фаргжи живем здесь полмесяца, двоих магов хватает, чтобы обеспечивать здесь порядок. Но Фаргжи ослеп... И у вас нет сил, чтобы излечить его.

— Ты проводишь меня только до порта и вернешься назад, даже на берег не сходи, пересядешь на первый корабль, который будет отходить от берега. А направлю храмовников сразу, как доберусь до святилища Тибора.

Екунек согласился с моим предложением и рассказал, что было, пока я находился в отключке. Местные жители долго не решались войти в дом, где случилась трагедия.

Мертвый лекарь, ослепший храмовник: не мудрено, что их всех сковал страх. Наконец, подоспел сам рыжий маг. Он, по его же слова, долго переминался с ноги на ногу, но пересилил себя. Сплел в руке огненный шар и вошел внутрь. Девочку он обнаружил на полу, бедняжка пыталась привести меня в сознание. Екунек убедился, что Хаос оставил ее в покое, и кликнул народ, толпящийся снаружи. Меня перенесли в соседний дом, любезно предоставленный семьей, промышлявшей рыбной ловлей. Поэтому вокруг стоял духан. Выяснилось, что я провалялся в постели сутки. Капитан Юритыф и его гугутикара не дождались моего пробуждения, но я их не винил. В конце концов, кроме меня в Грелимарай хотели попасть многие. Возможно, они живой корабль уже достиг берегов города, и нас будут встречать в порту служителя Порядка.

Собирался я не долго, а вот Екунек медлил. Когда он возник на пороге дома, где меня приютили, я обнаружил у него за плечом громадных размеров сумку.

— Ну и зачем? — спросил я у него, поправляя Йенталстуакрахт.

— Мало ли что понадобится, — как-то неуверенно сказал он в ответ.

— Ладно, не знаю, что там у тебя такого важного на один день пути.

— Месэр Маггорайхен, раз уж Великий Саусесан в силе, значит стоит быть готовым ко всему!

— Это ты верно говоришь. — Я похлопал его по плечу и забрался на капита, которого мне одолжили, чтобы добраться до пристани. Екунек сел на своего, и мы двинулись в дорогу.

По счастью, в порту было несколько суден, готовых выйти в море в любой момент. Мы выбрали самое небольшое, но быстроходное. Капитана звали так заковыристо, что я даже не смог запомнить его имени. Он, как и пузатый владелец гигантской черепахи, всячески демонстрировал радость. Узнав цель нашей спешки, он на глазах посуровел, распрямылся и поклялся оказать любое содействие, вплоть до того, чтобы самолично кромсать приспешников Великого Хаоса своим огромным тесаком. Думаю, никому из них с этим человеком лучше не встречаться. Порежет на ленточки для бескозырок.

Я занял место на носу. Можно было пофантазировать, будто я капитан викингов, веду за собой верных людей на войну. Но к мыслям о войне лучше вообще без особой необходимости не обращаться. Тем более в мире, готовом вот-вот лопнуть пополам от сил, его раздирающих.

Успеется еще покумекать над этим. Позади меня оставался остров, где мне посчастливилось познакомиться с Каларом. Впереди ждал город Грелимарай и полнейшая неизвестность в придачу.

Согнав остатки сна, Мийэн Заурбанз опустил ноги на ковер и потянулся. Снов в эту ночь не было, впрочем, он уже давно не видел ночных грез. Он мог только догадываться почему, но в Энхоре было полно проблем, и отсутствие сновидений по важности следовало лишь за всеми остальными. Мийэн накинул халат, затянул пояс и подошел к письменному столику возле окна. Он открыл ставни, впустив с комнату утреннюю свежесть. Полумрак снаружи еще не растворился в первых солнечных лучах, поэтому пришлось зажечь светильник. Мийэн опустил в кресло. Перед ним на столе лежал журнал, где были записаны названия кораблей, прибывающих с разнообразными грузами. Мийэн нашел сегодняшнюю дату и принялся изучать строчки, внесенные заботливой и аккуратной рукой Фульмера. С утра ожидалось прибытие двух судов из Заркондая, в трюмах которых везли джийтское дерево, ценившееся в Энхоре дороже всех. Главный смотритель порта взял перо, обмакнул его в чернилах и пометил, что для осмотра груза необходимо послать за специалистом, превосходно разбирающимся в дереве. Эти корабли многократно посещали Грелимарай, а их хозяева вызывали доверие — купцы самых известных гильдий северной империи держались за свою репутацию, даже крепче, чем за свою жизнь. Но многолетний опыт показывал, что даже они иногда оступаются. Мийэн желал убедиться, что в судна доставят в город именно джийтское дерево, а не купленное за гроши в Каварахииче. В Грелимарае до сих пор не забыли историю, случившуюся при предшественнике Мийэна. Тогда в порту бросил якорь корабль с пятью десятками бочек с белым вином из Пердожалафа. Смотритель с помощниками проверили только половину из них, посудив, что с другими тоже все в порядке. Груз предназначался Наместнику короля, который устраивал пир для гостей из дальних уголков Виленсбашига. Лухаврин Базикувк сватал свою младшую дочь, поэтому поить потенциальных женихов желал исключительно дорогим и сладким вином. Уже в самом начале праздника выяснилось, что в нескольких бочках вместо напитка, приготовленного из лучших сортов зеленого винограда, растущего в западной части Пердожалафа, плескалась обыкновенная морская вода. Скандал удалось замять, благо в Грелимарае всегда можно достать вдоволь вина, пусть не такого редкого. А вот капитану судна пришлось горько. Как оказалось, это не купцы подменили товар, а матросы за длительное путешествие выпили вино, и чтобы бочки не были пустыми, набрали в них воды. Команду прилюдно высекли, капитана разжаловали и наложили запрет на выход в море в течение двух лет. Насколько Мийэн помнил, бедняга едва не спился после этого, но вроде бы теперь управлял рыболовецкой шхуной. А ведь в бочках могли прятаться хаоситы, в бочках могли быть трупы, зараженные смертельной лихорадкой, в бочках вообще могло быть все, что угодно. Поэтому при Мийэне в порту проверка велась тщательнее.

Возле пометки, оставленной Мийэном, расплзлась черная клякса. При виде такого Фульмер бы поморщил нос, но сам смотритель даже не ругнулся. Он закрыл журнал как раз в тот момент, когда в дверь громко застучали.

— Месэр Заурбанз, вы не спите? — раздался взволнованный голос служанки.

— Нет, Ябиза, входи. — На пороге спальни возникла молодая девушка в ночной рубашке.

— Там храмовник внизу, говорит, что срочные вести, и вас надо разбудить, — выпалила она.

— Он представился или еще что-нибудь сказал? — спросил Мийэн, поднимаясь из кресла.

— Нет, я не хотел его впускать без вашего разрешения, но он и слушать не стал. Сидит теперь внизу. Вернее, не сидит, а ходит туда-сюда, как ужаленный.

Мийэн отодвинул служанку в сторону и поспешил по длинному коридору к лестнице. Если кто-то в такую рань приходит из Храма Тибора и требует разбудить смотрителя порта, значит, хаоситы больше не медлили и нанесли удар. Порядок, что же успело произойти за эту ночь? Спустившись вниз Мийэн обнаружил Эвтея, действительно слоняющегося по всему залу.

— Рассказывай!

— Не желаю тебе доброго утра, учитель, потому что добрым для Грелимара я оно не будет, — произнес Песочная голова, наконец, замерев на месте.

— Напали на Темницу? — Мийэн ожидал услышать именно это, но ответ его бывшего ученика был другим.

— Нет. Хаоситы атаковали ту же самую деревню, где был захвачен Тульгарн и его люди в прошлый раз. Их много, очень много. Я предполагаю, что там все силы прихлебателей Великого Саусесана, которые существуют в Виленсбашиге. Наместник уже отправил солдат выбить их оттуда, Совет выделил большую часть наших боевых магов им в помощь.

— Для чего хаоситам нападать на деревню, да еще всей своей мощью? Только для отвлекающего маневра, а это лишь подтверждает, что Ульфязак Парагоенш не ошибся на счет Тульгарна!

— Что нам делать? — спросил Эвтей, потрогав рукоять меча, торчащую из ножен.

— Готовиться к удару на стенах. Какой-нибудь отряд верный Хаосу скоро подойдет к Грелимараю, скорее всего с той стороны, где сейчас будет меньше всего стражников, ибо их основные силы брошены на западную стену. Их цель — Темница, вероятнее всего, попытаются ворваться в город с севера или юга, рисковать со стороны моря они не станут.

— Надо сообщить совету твои мысли!

— Нет времени, — возразил Мийэн, а времени, в самом деле, было катастрофически мало. — Среди храмовников немало умных людей, вероятно, Дугшац Нерволджац уже пришел к такому же выводу, что и я. Поэтому стой здесь, я быстро соберусь.

Мийэн оделся, взял свой заточенный магией меч и один из з'уартхилов, имевшихся в его коллекции. Ябизу он послал в порт, чтобы предупредить работников о том, что смотритель сегодня не явится, по крайней мере, до вечера. Про атаку хаоситов, они уже в любом случае знают, поэтому будут готовы к угрозе.

Мийэн решил, что если второй отряд хаоситов нападет, то с большой вероятностью с севера. С южной стороны местность была скалистой, а это бы снизило маневренность вражеских воинов. Возле дома у ворот стояли два капита. Мийэн поежился, он недолюбливал этих животных, предпочитая передвигаться на своих двоих, но когда каждая секунда становится ценнее золота, поневоле забудешь об обычном отношении к ним. Эвтей помог бывшему учителю залезть на капита, сам забрался в седло, и вскоре они уже миновали конец квартала. На улицах было пустынно, лишь изредка по пути встречались одинокие горожане. Мийэн надеялся, что хаоситов удастся сдержать на подступах. Он, конечно, верил в то, что Темницы рабы Великого Саусесана не достигнут, но если стены падут, кто отважится сказать, как события понесутся дальше? Песочная голова скакал по левую сторону от Мийэна. Храмовник держался уверенно, он был готов столкнуться с любой опасностью.

Да, ученик вырос, возмужал и со временем станет великим служителем Порядка. Если бы не порча, погубившая источник жизненной силы, Эвтей удостоился бы восьмиконечных звезд на ладонях. Такой человек, как он, никогда не отвернется от света.

Они несколько раз свернули, чтобы объехать улицы, заканчивающиеся тупиком, миновали площадь, на которой теперь возвышалась статуя Ритайлины Чисхарганы. Мийэн до сих пор хранил в памяти день, когда Энхор лишился этой сильной женщины, истинного Хранителя Порядка. С ней Мийэн виделся гораздо реже, чем с Аархином, да и дружба их не связывала. Но в тот злосчастный день он понял, что погиб человек, бывший другом для всего мира. Никто не знал, сколько хаоситов понадобилось, чтобы убить Ритайлину. Тела приспешников Хаоса были повсюду на месте ее гибели. От некоторых остался лишь пепел или обугленные одежды. Свой последний бой месэра Чисхаргана провела на пике сил. Те, кто был там после, говорили, что потоки, сплетенные ей, ощущались так, будто она только-только коснулась энергии. Но даже такая мощь не спасла Ритайлину. Ее покоренное злобной магией тело погребли в Нагарских горах, и отныне лишь Аархин Маггорайхен защищал Энхор от Великого Саусесана.

Мысли Мийэна оставили месэру Чисхаргану и обратились к Тульгарну. Предводитель хаоситов ценный пленник, но бросать на его освобождение столь многочисленную армию? Здесь было что-то еще. И об этом поведать должен сам Тульгарн. Когда Аархин доберется до Грелимарая, Мийэн уговорит его взять себя на допрос. А тем временем, уже можно будет сформировать силы для атаки на логово Хаоситов, о котором сообщил Ульфязак.

— Почти добрались, Мийэн, — крикнул Эвтей. — Вроде тихо!

— Это не всегда хорошо, друг, — сказал бывший учитель храмовника. Но у северной стены действительно было смирно. У караульной будки их встретил стражник, вооруженный копьем.

— Чем могу служить, месэры? — спросил он. В голосе не слышалось даже намек на сонливость, значит, здесь понимали, что опасность способна явиться в любую минуту.

— Эвтей Щтарошим, храм Тибора, и Мийэн Заурбанз, главный смотритель порта, — представил их Песочная голова. — Что-нибудь подозрительное с момента объявления боеготовности произошло?

— Нет, тишь да гладь. Весь взвод сейчас на стене, с ними три храмовника.

— А где командующий?

— Там же, наверху. Всматривается вдаль, у него руки чешутся прибить парочку проклятых предателей света. — Стражник сплюнул под ноги, будто поддерживая своего командира.

— Мы к ним, расположи где-нибудь капитов, — сказал Эвтей и спешил. Мийэн с облегчением тоже спрыгнул на землю, так стало гораздо спокойнее.

— Сделаю, месэры!

Стена с этой стороны города возносилась на высоту в четыре человеческих роста. Прочная кладка была готова к любым ударам осадных орудий, а железные ворота были толщиной в локоть. Но история учила, что и стены рушатся, и на каждые ворота находится свой таран. Поэтому главной защитой любого города во все века оставались люди. Без них стена лишь мелкая помеха на пути врагов, пока на ней живы солдаты и маги, она настоящее препятствие. Каменная лестница привела Мийэна и Эвтея наверх. Тут было многолюдно. Воины тихо переговаривались, не спуская глаз с горизонта, лишь на мгновение они отвлеклись, чтобы посмотреть, кто почтил их присутствием. От одного из зубцов на стене к

прибывшим направился высокий мужчина. На его правой руке краснела в утреннем сумраке повязка.

— Капитан городской стражи Кгерай Мавылд, кто вы? — спросил он, внимательно изучая Мийэна и Эвтея.

Они назвали имена и объяснили причину прибытия. Кгерай выслушал их, не произнеся ни слова. Он некоторое время обдумывал их предположения, затем произнес:

— Если вы правы, то хаоситов здесь ждет горячая встреча. Храм Тибора прислал нам в помощь двух опытных боевых магов и одну целительницу, но, думаю, вы тоже принесете пользу. Храмовники сейчас прогуливаются вдоль стены, могу послать за ними.

— Не надо, — сказал Мийэн. — Скорее всего, они занимаются обследованием кладки на предмет хаоситских заклинаний. Мы дождемся их тут.

— Тогда могу предложить вам фукеры.

— А вот от этого не откажемся, капитан.

— Ты, — обратился Кгерай к ближайшему солдату, сжимающему в руке топор. — Сбегай вниз, передай повару, что мне нужна пара чашек горячей фукеры. Нет, стой. Три, я, пожалуй, тоже выпью.

Мийэн занял место у парапета между двумя зубцами, Эвтей расположился по соседству. Солнце еще не выползло из ночного укрытия, но небо посветлело на столько, что территория за стеной четко просматривалась до горизонта. Широкая дорога стремилась в северную часть Виленсбашига и была безлюдна. Луговые травы безмятежно отдавались едва заметному ветру. Картина была умиротворенной, не верилось, что на западе в сей тихий час бушевала битва со слугами Великого Хаоса.

— А вдруг все-таки с юга придут? — Эвтей оперся о зубец и обнажил меч.

— Свой выбор мы сделали, — сказал Мийэн, закончив изучение местности. — В конце концов, на южной стене людей не меньше, а лучникам будет легко брать на прицел появившихся на скалах врагов.

— В такие моменты я жалею, что перемещение недоступно для рядовых магов. Мы могли бы быть почти одновременно со всех сторон.

— О Порядок, и это мой лучший ученик!

— Проклятье, я замечтался и забыл, — виновато произнес Песочная голова.

— Таков закон мироздания, переместился несколько раз подряд, и сила не даст тебе сформировать подобный поток до следующего дня, даже самые могущественные н'шасты не обходили его, — напомнил Мийэн.

— Хорошо, что этот закон действует и на н'уданов, как бы Хаос не хотел его сломать.

— Месэры, — вмешался в разговор командир стражников, — фукера.

Они взяли по чашке и пригубили терпкий напиток. Повар знал, как правильно готовить столь капризную вещь, но до Фульмера ему было далеко. Утренние события еще раз доказали, что Мийэн поступил верно, отправив помощника с детьми прочь из Грелимарая. Родная деревня Фульмера находилась возле небольшого озера и была окружена лесом. В случае нападения хаоситов верный помощник нашел бы путь отступления, из города это сделать сложнее.

— Капитан! — спокойный рассветный час нарушил крик солдата. — Человек на дороге!

Чуть не пролив на себя фукеру, Мийэн повернулся обратно к просвету между зубцами. Впереди по дороге мчался всадник верхом на капите.

— Лучники приготовились! — скомандовал Кгерай. — Стрелять только по моему

приказу, возможно, кто-то из наших.

Эвтей и Мийэн переглянулись.

— На атаку хаоситов не похоже, — сказал бывший ученик.

— Пока не похоже. — Мийэн допил обжигающий напиток, поставил чашку на пол и закатал рукава. Пока таинственный наездник приближался, он коснулся энергии. Зачерпнул необходимый объем силы и начала плести поток. Кончики пальцев похолодели, будто их опустили в студеную воду. Теперь Мийэн был готов пронзить ледяными стрелами незнакомца, если тот вдруг окажется вражеским лазутчиком.

Человек уже почти достиг ворот и заметил, что стена в полной боевой готовности. Он резко осадил капита, зверь едва не свалился с ног.

— Назовись! — крикнул командир стражников.

— Это я, Жэлцук! Из таверны «Золотая корона»! Не узнали что ли? — ответил всадник сложив ладони возле рта.

— Кто бывал в этой таверне? — громко спросил Кгерай.

— Я, — отозвался пожилой солдат в круглом шлеме.

— Знаешь его?

— Так точно, месэр капитан. Это Жэлцук, он там музыкантом подрабатывает.

— Тебя узнали, — вновь обратился командир к человеку на капите. — Как ты оказался в столь ранний час за пределами Грелимарая?

— Я на север ездил, неделю назад еще уехал. Вот вернулся, а тут стена на осадном положении, что случилось-то?

— Спросишь в городе. Открыть ворота? — Кгерай задал этот вопрос Эвтею и Мийэну. Песочная голова посмотрел на учителя, словно передавая ему полное право решать за них обоих. Мийэн отпустил поток и задумался. Он увидел трех храмовников, возвращавшихся с осмотра. Они не спеша шагали, а это значило, что никаких хаоситских заклятий не обнаружили. Неужели, ложная тревога? Мийэн еще раз опустил взгляд на Жэлцука, замершего в ожидании. И вдруг почувствовал это. Гниль, ржавь, миазмы. Он уловил едва слышную энергию, испорченную Хаосом. Почему этого не произошло сразу?

— Убейте его! — крикнул Мийэн. Воины не поняли, что это был приказ, они в растерянности посмотрели на командира. Жэлцук же не стал медлить, он сорвался с места прямо к воротам.

— Что такое? — разом спросили Кгерай и Эвтей.

— Он шщиха!

Храмовники, посланные Советом, не замешкались. Они бросились к парапету, на ходу формируя потоки. Молнии и огненные шары ударили разом в хаосита, выбравшего для себя путь самоубийцы во имя Великого Саусесана. Часть заклинаний ударила мимо, другая угодили в капита и его всадника. Животное рухнуло в пыль, издав жалобный крик, Жэлцук вывалился из седла. Ему оторвало руку, но он, словно не чувствуя боли, поднялся на ноги и продолжил смертельный бег.

— Лучники, стрелять! — гаркнул командир стражников. Десятки стрел сорвались с луков, но вместо того, чтобы пригвоздить хаосита к земле, они отскочили от него.

— Кто-то поставил воздушный щит, — успел сказать Эвтей, посылая в шщиху уже бесполезный пламенный шар. Жэлцук добежал до ворот, а затем ужасный грохот и красный свет возвестил о том, что он выполнил возложенную на него миссию.

Стена треснула, и всех, кто на ней находился, подбросило в воздух. Мийэн немедля

сплел поток, который смягчил падение на землю, для тех, кто был рядом с ним, на большее не хватило времени. Удар даже не выбил дыхание из груди, но последствия для стражников поодаль были ужасны. Раздались крики и стоны раненых, кого-то придавило обломками укреплений. Пламя, вызванное взрывом, неистово бушевало, пожирая деревянные постройки у разрушенного участка стены. Прочные ворота более не существовали: развороченное толстое железо бесполезной грудой лежало рядом. Из-под него торчали окровавленные руки и ноги солдат. Мийэн встал и огляделся. Воины вытаскивали раненых из-под завалов, Кгерай выжил, но его левая рука безвольно висела. Командир стражников ошалело смотрел на последствия атаки ишшихи. Песочная голова пытался поднять массивный камень, который раздробил ногу одному из храмовников. Целительница, судя по всему, была жива, но без сознания. А вот третьему служителю Тибора не так повезло, от его головы практически ничего не осталось.

— Капитан, они наступают! — воин указывал мечом на брешь, появившуюся на месте стены и ворот. От дороги в город бежали хаоситы, среди них теперь отчетливо чувствовался как минимум один маг. Без з'уартхила здесь не обошлось. Предателей света было не больше пяти десятков, и накрыть невидимостью такой отряд мог либо н'удан, либо мощный предмет, заряженной жизненной энергией. Выходит, хаоситы охотились не только за тем з'уартхилом, про который говорил Дугшац! Количество грелимарайских солдат даже после взрыва все еще превышало противника, но воины были ранены, оглушены, а людей, способных касаться источника, уменьшилось до трех, хотя раненый храмовник вряд ли сможет плести в полную силу.

— Эвтей, будь наготове! — крикнул Мийэн.

Кгерай Мавылд строил своих солдат. Его приказы были четкими и хлесткими, словно плеть. Капитан пришел в себя и даже не обращал внимания на безжизненную руку. Истинный воин! Вражеский маг ударил по рядам воздушным потоком, чтобы сбить лучников с ног. Некоторые стражники удержались и выпустили стрелы. Авангард хаоситов не избежал жалищих снарядов, часть их них ранило смертельно, другие же не замедлили бега. Мийэн подбросил себя в воздух и приземлился прямо в середину атакующих. Хаоситы опешили, что дало смотрителю порта вдоволь пустить их крови. Меч Мийэна безжалостной смертью прошелся по тем, кому не повезло быть рядом. Слуга Великого Саусесана, обладающий даром, ударил огнем. Мийэн ловко подставил меч, и магия, пропитавшая клинок, поглотила заклинание. Позади зазвенела сталь, воины перешли к рукопашной. Хаоситы оставили Мийэна наедине с их магом. Человек был немолод, но сохранил все волосы на голове. Он плел очередной поток, сшивая нити, пронизанные воздухом и землей.

— Пора умирать, храмовник! — сказал хаосит с улыбкой.

— Я не храмовник. — Мийэн прыгнул на него, рубя справа. Противник вовремя прервал плетение и упал в сторону, перекатился, подхватил брошенный поток и ударил под ноги Мийэну. Брусчатка с треском раскрылась, словно пасть неведомого чудовища, и Мийэн провалился вниз. Хаосит тут же стал формировать обратное заклинание, чтобы раздавить его стенками ямы, но Мийэн не собирался умирать. Он вновь использовал воздух, чтобы стремительно поднять себя на поверхность, и сразу очутился лицом к лицу с черным магом. Тот не ожидал такой быстроты, поэтому получил мощный удар головой в нос. Хаосит упал на спину, не закончив поток, предназначенный для убийства. Мийэн проткнул гнилое сердце врага клинком.

Бой продолжался. Хаоситы еще держались, но только глупец не понимал, что их атака

захлебнулась. Песочная голова бился одновременно с двумя. Его левая рука уже была готова ударить молнией, чего никто из его врагов не замечал. Эвтей направил поток прямо в грудь хаоситу, который бился парой кривых сабель, энергия пронзила его насквозь. Второй получил удар меча прямо в горло и рухнул, захлебываясь.

— Отлично, — похвалил ученика Мийэн.

— Ты хотел сказать, что у меня была отличная школа. — Эвтей вытер пот со лба. Рядом с ним Кгерай зарубил огромного хаосита, который до этого пытался размозжить голову капитана молотом.

Солдаты Грелимарая добивали врагов. Битва закончилась также быстро, как началась.

— Мийэн, и это все?

— Не думаю, странно направлять в атаку не самый большой отряд и одного мага.

— Может, они надеялись, что щиха нанесет нам урон пострашнее, чем вышло в итоге?

— Такой вариант исключать нельзя, как и то, что это лишь дебютная волна хаоситов, — ответил Мийэн. — Поэтому...

Мийэн не успел договорить. Где-то в городе гроыхнуло, а к небесам взмыло пламя, сопровождаемое черным дымом.

— Проклятый хаос, — выругался Кгерай, опустившись на обломок крепостной стены. — Еще щиха!

— Но как они попали в город?! — Эвтей посмотрел на Мийэна. — Это же в стороне... О Порядок, там Темница!

Мийэн сорвался с места, надо было спешить. Сейчас бы он не отказался от капита, но бедные звери погибли при взрыве.

— погоди! — Песочная голова поравнялся с ним. — Мы успеем, Жгералих должен продержаться.

— Если самоубийца хаоситов не забрал его с собой.

— Где же Аархин, когда он так нужен.

— Он придет, обязательно придет, — успокоил ученика Мийэн. А про себя добавил, друг, пора бы тебе уже явиться, без тебя мы можем и не справиться.

Сначала они переместились в деревушку в паре часов пути от Грелимарая. Воздух здесь был наполнен звоном стали, криками и гарью. Энкрич глубоко вдохнул, и на его лице расплылась довольная улыбка. Конечно, он вернулся в родную стихию, вихрь боли, крови и смерти. Долговязый н'удан освободил чуть изогнутый клинок из ножен и молча направился к ближайшему полыхающему дому, во дворе которого местные жители еще сопротивлялись натиску хаоситов. Хашайя и Ритайлина не стали задерживать кровожадного компаньона. Они зашагали к центральной площади, где дважды в год проводилась ярмарка. На высоком шесте развевался стяг, украшенный кривыми линиями Хаоса. На широком помосте уже установили несколько виселиц, покорно готовых забрать жизни несчастных обитателей этой деревни.

Их встретили радостным дружным ревом. Хашайю вновь обступили люди, как и в прошлый раз каждый норовил коснуться ее или получить благословение. Здание, служившее местом заседания здешних старейшин, было свободно от огня. Внутри, как оказалось, разместились командующие хаоситами со всех сторон Энхора. Рита вошла внутрь первой, Шайя последовала за ней. Стены строения чуть приглушили шум еще не закончившейся бойни. Короткий коридор привел их в просторный зал с длинным деревянным столом, который окружали простые стулья. Правителям деревни роскошь была чужда.

На двух стульях рядом друг с другом сидели мужчина и женщина. Они рассматривали карту Грелимарая и его окрестностей, поэтому не сразу заметили гостей. Мужчина был молод, навскидку Шайя дала бы ему не больше тридцати. Он носил длинные волосы, которые сейчас собрал в хвост. Внушительный шрам отметил его лоб, нос, судя по всему, неоднократно ломался. Женщина годилась предводителю хаоситов в матери. Она была седа, а худощавостью могла бы поспорить с Долговязой смертью. Одежда обоих, испачканная в крови и саже, свидетельствовала, что командиры не чурались боя, как и Джикуя в Каварахииче. Хашайя любила таких полководцев. Да, безопаснее стоять за спиной своих солдат и раздавать приказы, но собственноручно убивать противника, рискуя жизнью, почетнее. Смелых и верных людей Великий Саусесан приближает в первую очередь.

Мужчина заметил Риту и Шайю и толкнул локтем седовласую. Они поднялись из-за стола, сразу же поклонившись важным гостям.

— Добро пожаловать, месэры, — сказал хаосит. — Рады, что вы присоединились к нам.

— Мы тоже рады, Чензмаш. — Ритайлина сняла перчатки и опустилась на стул напротив. — Хашайя, это Чензмаш и Бююхиа, они управляют хаоситами, пока Тульгарн содержится в Темнице.

— Это дар Хаоса, что вы вернулись и теперь с нами, месэра Чеенув, — еще раз поклонилась Бююхиа. — А где же великий Энкрич?

— Он помогает вашим воинам закончить с деревней. — Шайя тоже села. — Скоро присоединится.

— Может, немного вина? — предложил Чензмаш.

— Мне, пожалуй, можно, — согласилась зеленоглазая. — А месэре Хашайе лучше воздержаться, миссия, которая ей предстоит, потребует абсолютной ясности ума.

Хаосит достал из шкафчика в углу комнаты кувшин с вином и три чашки. Напиток весело зажурчал, заставив Шайю сглотнуть. Она не злилась на Риту, потому что сама знала,

что пить перед атакой на Грелимарай нельзя, но душистый аромат манил.

— За Великий Хаос и победу! — провозгласил тост Чензмаш.

— Теперь о деле, — начала Ритайлина, оставив чашку, — вы выполнили мое указание?

— Да, месэра Чисхаргана, — ответила Бююхиа. — Мы дали бежать нескольким жителям в город, чтобы они понесли весть о нашей численности.

— Когда это было?

— Где-то два часа назад, вероятно, чуть больше.

— Великолепно! Наместник и Храм Тибора уже должны готовить основную часть войск к выходу.

— Нас около пятисот, выдержим ли атаку их отрядов? — вступил в разговор Чензмаш. Полтысячи?! Ритайлина говорила, что хаоситов будет много, но столь весомое число? И все это ради освобождения третьего предводителя верных Великому Саусесану? Шайе уже не терпелось, наконец, увидеть этого человека и понять, чего он на самом деле стоит.

— Выдержите, — сказала Рита. — Наши агенты в Грелимарае выполняют свою задачу быстро. Вы увидите в небесах над городом знак, что дело сделано, и сразу же отступите. Солдаты Наместника и храмовники Тибора не станут вас преследовать. К этому времени, они узнают, что город штурмован с нескольких сторон, и приоритетным для них будет вернуться обратно, чтобы обезопасить Грелимарай от новых атак, которых, естественно не никто предпринимать не собирается. Пока не в наших силах захватить такой большой город, да и смысла в этом нет. Поэтому каждый выживший хаосит вернется домой, будь то Домридинша или Джийят. Корабли куплены, замаскированы, тайна личности всех, участвующих, в этой операции, сохранится.

— Когда же мы не будем скрываться! — хлопнула ладонью по столу седовласая хаоситка.

— Этот день близок, Бююхиа. Год, может два. Мы вытащим из белых пирамид остальных н'уданов, они восстановят силы и слуги Порядка не найдут, что им противопоставить.

— И хозяин окончательно воплотится в Энхоре!

Если все пройдет гладко, добавила Хашайя, конечно же, не вслух. Планы Ритайлины и хаоситов звучали убедительно, но где-то бродил неведомый в теле Аархина Маггорайхена, единственный, кто в теории способен спутать их карты. О его личности так ничего и не разузнали нового. Энкрич бесполезно проводил время в библиотеке убежища. Сам Великий Саусесан до сих пор не удостоил никого из троих н'уданов аудиенцией, а ведь повелитель мог пролить свет на тайну этого человека. Хотя Долговязая смерть сомневался, что в теле последнего н'шаста именно человек. Он склонялся, что это либо неизвестное существо из иного мира, либо сама жизненная энергия таким образом решила сохранить равновесие сил в Энхоре. И то, и другое звучало безумием и нелепостью, но ответа на этот вопрос все равно не было. А вдруг это сам Тибор закончил бесконечное отсутствие? Совсем уже с ума сошла, Шайя, обругала она сама себя.

Раздалась знакомая поступь, и в зал вошел Энкрич Долговязая смерть собственной персоной. Его меч покоился в ножнах, но заляпаные красным штаны и рубаха наглядно демонстрировали, что свой урожай смерти он собрал. Бююхиа и Чензмаш также встали в приветствии, рассыпаясь в словах радости. Хашайя верила, что они были искренни, ведь увидеть за нынешнее утро еще одного н'удана, чье имя обросло легендами, впечатлит любого, даже опытного, хаосита. Энкрич сдержано кивнул, беззвучно занял место возле

Шайи и произнес:

— Здесь есть что выпить?

— Не забыл, что твое участие в деле еще не началось? — поинтересовалась Ритайлина.

Долговязая смерть окинул ее безразличным взглядом.

— Пара глотков вина придаст мне дополнительной силы, — сказал он тоном, не терпящим возражений. Чензмаш взял из шкафа еще одну глиняную чашку, наполнил ее и с почтением подал Энкричу. Тот пригубил и огласил заключение:

— Пойло. Но что еще ожидать от деревни, где поклоняются Порядку. Когда в город, Ритайлина?

— Скоро, не спеши, мы ждем армию Грелимарая.

— Вот как. Не терпится встретить их магов.

— Встретишь их в городе. — Зеленоглазая сдерживала себя, чтобы не начать перепалку.

Возможно, будь они втроем, она бы вела себя с Энкричем посмелее, но при вождях хаоситов это было без надобности.

Собравшиеся еще раз обсудили весь план вдоль и поперек. Хашайя больше слушала, чем говорила, Энкрич же постоянно перебивал и что-то уточнял. Хотел добавить весомости своему участию, не иначе. В иногда комнату заходили воины, докладывающие обстановку. Деревня была полностью под контролем Хаоса, убитых местных жителей несколько сотен, потерь со стороны служителей Великого Саусесана на порядок меньше. Пленных и раненых согнали на площадь для казни. Было решено, что никто из этого места не переживет сегодняшнего дня. Так прихлебатели Тибора поймут, что сила хаоса растет, и не испытывает страха перед противником.

В зале появился хаосит, вооруженный секирой.

— Месэры, тут один человек молит о пощаде, говорит, что желает отвернуться от Порядка, — отрапортовал он.

— Приведи его, посмотрим на этого человека, — приказала Рита.

В зал втолкнули здорового мужика, получившего удар мечом в плечо. Он твердо держался на ногах, но глядел на совет хаоситов испуганно.

— Твое имя? — спросила Хашайя, скептически оглядев пленника.

— Хжил, месэра, — ответил он, сдерживая стон.

— Почему ты хочешь присоединиться к нам?

— Я всегда хотел этого. Просто... Просто я боялся своего желания...

— Кажется, ты и сейчас боишься. Боишься за свою никчемную жизнь, из последних сил хватаешься за нее. — Энкрич смотрел на Хжила, не скрывая презрения. — Поэтому и вдруг решил обратиться к Хаосу. А бояться стоит за душу, плоть лишь ничтожная оболочка. По мне так надо вырезать твое сердце, так от тебя хоть какая-то польза будет.

— Я докажу! Что угодно прикажите, хоть сейчас! — возопил деревенщина. Он водил глаза от одного хаосита к другому.

— Ты готов пожертвовать собой и стать шщихой? — спросил Долговязая смерть, поглаживая рукоять меча. С неодушевленными предметами он всегда обращался лучше, чем с живыми созданиями.

— Что простите?

— Готов ли ты отдать жизнь за Повелителя? Не в бою, нет. Готов ли ты стать вместилищем разрушительного заклятия? Готов ли ты войти в дом, где влачат жалкое существование верные Порядку?

— Я не знаю, — Хжил запнулся. — Я не знаю. Я напуган, плохо соображаю.

— Это мы заметили, — засмеялся Чензмаш. — Великие, считаю, что решать вам.

— Убить. — Слово Энкрича рубило сильнее топора. Бедняга задрожал, зажимая рукой рану.

— Пусть живет, — сказал Ритайлина. — Перевязать ему плечо и поставить в первый ряд, когда армия Грелимарая явится сюда. Хочет быть с нами, пусть будет, чтобы стать шпихой нужна истинная вера, пока ей он не обладает, но время рассудит. Что ты думаешь, Хашайя?

— Пусть живет, — согласилась Шайя с зеленоглазой. Либо Хжил докажет в битве, что его желание продиктовано не трусостью, а искренней жаждой служить Хаосу, либо смерть в любом случае его настигнет.

— Не так быстро, уважаемые.

— Что такое Энкрич?

— Пусть еще приведут пленного.

Воин с секирой поклонился и немедленно покинул комнату. Назад он возвратился со стариком. Тот в отличие от Хжила был невредим, только куртка порвана. Хаосит бесцеремонно ударил его рукоятью секиры по ногам, и пленник упал на деревянный пол. Энкрич указал бойцу на кинжал, висящий на его поясе, а потом на Хжила. Хаосит разобрался, что делать, он беспрекословно отдал клинок в руки раненого. Хжил недоумевающее смотрел на кинжал, словно не мог взять в толк, зачем ему доверили оружие.

— Перережь ему горло, — сказал Долговязая смерть и глотнул вина.

— Что?! — мужчина всхлипнул.

— Не притворяйся глухим или глупым. Ты прекрасно понял, что я имел в виду.

— Не слушай их! — подал голос старик. Он приподнял голову и продолжил:

— Бросайся на них, пока есть оружие, Хжил. Бей проклятых, этих ублюдков, продавшихся Хаосу!

— Заткни его, сейчас же. Желает служить Великому Саусесану — исполняй приказы н'удана, — рявкнул Энкрич. Шайя с интересом наблюдала за происходящей картиной. Хжил сжал кинжал в правой руке так, что было видно, как побелели костяшки пальцев. Что же он сделает? Осмелится атаковать кого-то из них или убьет старика. Хжил схватил распластавшегося деда за волосы и полоснул клинком по горлу. Старик захрипел, и, кажется, Хашайя разобрала, что тот пробулькала слово «предатель». Хжил уронил кинжал и тупо уставился под ноги.

— Солдат, — обратилась к хаоситскому воину Бююхиа, — отведи его к лекарю и вручи оружие. Приставь к нему опытного воина, чтобы следил за ним. Если выживет, после боя доложите.

Дрожащего мужчину вывели прочь, и импровизированный совет продолжил работу.

— Как поступаем с детьми? — задал вопрос Чензмаш, потрогав шрам на лбу. — Отправляем на обучение?

— Да, — ответила Чисхаргана. — Причем сделаем это сейчас, пока храмовники не атаковали. Прикажете собрать хороший отряд для сопровождения.

Молодой хаосит ушел отдавать распоряжение, оставшиеся же вернулись к обсуждению. Когда каждый этап дальнейших действий был разобран до малейших деталей, они направились к площади, где уже полным ходом приготавливались к казням. Виселиц, конечно, было мало, чтобы лишить жизни всех выживших в деревне, но души тех, кому не

хватит веревки, отправятся к Великому Саусесану другим способом. Энкрич явно намеревался насладиться предстоящим зрелищем, но разведчик на капите помешал ему.

— Месэры, войско Грелимарая покинуло стены, — доложил он, стряхивая с себя дорожную пыль.

— Не будем медлить. Бююхиа, Чензмаш, вы знаете, что делать. Следите за небесами над городом, я свяжусь с вами через три дня. — Ритайлина отдала приказ и положила руки на плечи Шайе и Энкричу. Хашайя ощутила энергию, складывающуюся в поток перемещения. Хороший знак для восстановления, предыдущие пространственные прыжки она практически не чувствовала. Зеленоглазая нашла точку, в которую они собирались попасть. Сила охватила троих н'уданов, и они окунулись в море искр и прохлады. Краски перед глазами смазались, закружились в урагане; в ушах будто засвистел порывистый ветер. Затем буйство цветов резко прекратилось. Казалось, что все это происходило минуту, если не дольше, на деле же в мире миновало мгновение. Троица компаньонов стояла в уличном тупике. Их появление никого не потревожило, город в основном еще спал. Хашайя покрутила головой, разминая шею. Она не знала, с чем это было связано, но всякий раз, как она перемещалась с Ритайлиной, мышцы шеи деревенели.

— Отсюда двинетесь на северо-запад, — Рита смотрела на Шайю, игнорируя Долговязую смерть. — Там на площади присоединитесь к нашим людям, через квартал будете в Темнице. Да прибудет с вами Великий Хаос. — Бывшая н'шаст распалась на красные искры, и Хашайя осталась наедине с Энкричем. Они зашагали из переулка по брусчатке, вдыхая утренний городской воздух, еще не наполненный запахом свежееиспеченного хлеба.

Грелимарай был богатым портовым городом во все времена. Здесь каждая улица была мощеной, а дома каменными, разве что на окраинах еще можно было найти деревянные. Во время последней войны Хашайя не принимала участия в атаках на территории Грелимарая. Здесь орудовала Каеска и ее верные хаоситы. Особо успешными их действия было сложно назвать, но все же урон они нанесли серьезный. Каеска при помощи ритуала призыва вытащила из зоны Хаоса ганура, который принял облик начальника стражи Наместника. Настоящего командира удалось похитить из собственного дома, меняющий лики скопировал его внешность и привычки, и на следующий день город лишился правителя. Правда, родственник наместника не допустил разброда, а ганура в итоге выследил и уничтожил Мальбзар. Тогда в Грелимарае жило достаточно верных слуг Великого Саусесана, не то, что спустя сто шесть лет. Любой агент хаоситов в любом квартале города без труда находил убежище. Насколько Хашайя поняла из слов Ритайлины, сегодня подобных домов легко сосчитать пальцами одной руки.

Сама Шайя находила Грелимарай приятным для пребывания. Здесь имелся великолепный театр, где выступали лицедеи всех школ актерского мастерства. Местная кухня радовала разнообразием блюд, а центральный парк являлся идеальным местом для отдыха. Она даже иногда сожалела, что сей достопочтенный город должен погибнуть, но в новом мире, мире истинного Хаоса, он возродится более величественным и, к тому же, бессмертным.

Они прошли мимо закрытых лавок старьевщиков, свернули на улицу, где обитали кондитеры, чьими лакомствами всегда хотелось наесться до отвала. Навстречу из соседнего проулка выбежали стражники. Хашайя и Энкрич замерли, положив руки на рукояти клинков. Но солдаты промчались мимо, видимо, спешили с донесением.

— А ведь когда-то нас каждый знал в лицо, — заметил Долговязая смерть. Он с сожалением посмотрел вдогонку стражниками, вечно голодный до убийства ублюдок.

— Они забыли. — Шайя двинулась вперед. — Но не все. Кто-то помнит. А после сегодняшнего дня вспомнят и узнают заново.

Внезапно впереди послышались крики, смешанные со звенящим металлом. Следом затрещала молния, затем еще одна — кто-то активно использовал магию. Н'уданы ускорились, на ходу обнажая мечи. Они вбежали на нужную площадь и застали сражение, которое уже затихало. Из громадного изваяния, изображавшего Ритайлину Чисхаргану, выбирались люди. Часть из них билась с немногочисленными стражниками и храмовниками. О Хаос, зеленоглазая превзошла сама себя. Энкрич с ревом влетел в гущу сражения. Его меч нес голову замешкавшемуся солдату, при этом тощий н'удан умудрился развернуться и проткнуть служителя Тибора, который сплетал поток огня против хаоситского мага. Шайя выбрала себе противника, могучего воина с широким мечом. Их клинки столкнулись, и Хашайя поняла, что не ошиблась. Еще один достойный человек, бьющийся не на той стороне. В их противостояние хотел вмешаться бородастый храмовник в забрызганной кровью голубой сутане. Шайя блокировала удар здоровяка, одновременно активируя з'уартхил, которой нашел пристанище на ее среднем пальце левой руки. Кисть слегка обожгло, и огненный шар величиной с крупное яблоко угодил в лицо храмовнику. Тот завизжал, пытаясь сбить огонь руками, но пламя лишь охватило рукава его одежд. Мечник пытался найти слабое место у Хашайи, он не знал, что такого не существует. Шайя даже не применила чой-хуа, и буквально через мгновение воткнула сталь в живот противника.

— Н'уданы! Н'уданы! — храмовник, только что прикончивший хаосита, который пытался сбить его с ног заклятием, наконец, уразумел, кто вступил в бой. Он бросился наутек. Трус? Нет, одернула себя Хашайя, тиборский служитель спешит рассказать совету. Шайя вновь использовала магический предмет. Храмовник обернулся, словно спиной почувствовав приближающуюся гибель, коснулся силы и отбросил сгусток яркого пламени обратно. Хашайя выругалась, прыгнула в сторону, тем самым сохранив себе жизнь. Хуже пришлось хаоситу, который, не подозревая опасности, отступил от атаки грелимарайского стражника. Бедняга получил огненный шар в бок и заревел от боли. Его противник проявил ненужное милосердие и добил мужчину ударом в грудь. Сбежавший храмовник успел скрыться на одной из улиц. Остальных неверных добили. Энкрич довольно осматривал место битвы. Хаоситы опустили на колени.

— Великие, это честь для нас, — сказал воин с видом матерого ветерана. Он поднялся на ноги. — Мы прятались в статуе по приказу месэры Чисхарганы. Мышцы затекли, но мы вели себя тише, чем мыши.

— Как вас не ощутили храмовники? — спросила Хашайя.

— З'уартхил. Мощный и единственный в своем роде.

Шайя пересчитала хаоситов. Двенадцать, включая пятерых магов. Еще восемь погибли. Итого двадцать человек просидели почти два дня в тесной фигуре из камня. Поистине, некоторые люди поражают искренней верой в Хаос, в Энхоре еще не все потеряно.

— С нами шшиха. — Ветеран указал на парня, который последним вылез из «Ритайлины Чисхарганы».

— Действуем по плану, — дал команду Долговязая смерть. Юноша снял с себя одежду и стал бродить среди бездыханных тел врагов. Парень был красив и имел великолепную фигуру, Шайя почувствовала жалость, что такая красота сгинет через несколько минут.

Молодой хаосит нашел подходящего стражника и принялся стягивать с него вещи. Когда юноша облачился солдатом Грелимарая, все двенадцать бегом направились к Темнице. Свидетелей гибели охраны не было, площадь окружали закрытые утром купальни и пара пустующих в эту ночь складов. Ритайлина подготовила все до мелочей.

Где-то вдали гроыхнуло. Еще один отвлекающий маневр сработал как следует. Хашайя обратила внимание, что улыбка не сходит с ее лица. Еще бы, только недавно гнила заживо в Белой пирамиде, а теперь участвует уже во второй успешной атаке. Повелитель будет доволен.

Их отряд замедлил бег, когда в просвете между домами показалось здание Темницы. Хаоситы распределились вдоль стен, чтобы несильно маячить на глазах стражников. Но те пока еще глазели туда, откуда раздался взрыв. Шщиха шепотом обратился к Хашайе:

— Месэра, я могу попросить вас об одолжении?

— Проси, — она не стала отказывать дерзкому мальчишке.

— Позвольте поцеловать ваш меч, месэра. Я буду знать, что последним, чего я коснулся в этой ложной жизни, будет ваша вещь. Великой Хашайи из рода Чеенув.

Шайя без слов вытащила из ножен клинок. Парень опустил на одно колено, приложил губы к окровавленной стали и улыбнулся. Спустя мгновение он уже мчался к Темнице.

— Нападение! Предательство! — кричал юный хаосит. Он добрался до ошеломленных воинов и упал. К нему бросились на помощь, было видно, как его спрашивают. Кто-то выскочивший из Темницы, вероятно, ее начальник, дал указание нести беднягу внутрь. Другому стражнику он что-то сказал, и тот ветром улетел с площади. А потом молодой хаосит лопнул с ужасающей силой, и здание знаменитой тюрьмы Грелимарая расколосось, словно глиняный кувшин. Энкрич первым кинулся к площади, чтобы вновь утолить свою кровавую жажду, остальные последовали за ним. Ну что же, подумала Хашайя, еще немного, и я увижу этого таинственного Тульгарна.

Сердце стучало в такт ударам сапог о брусчатку. Казалось, они бежали целую вечность, а мир вокруг как будто перестал существовать. Все иное, кроме бесконечно бега, потеряло значимость. Каменные дома, закрытые лавки торговцев, пустые рынки и площади словно иллюзорные проносились мимо. Кое-где в окнах появлялись призраками люди. Они слышали грохот и понимали, что наружу выходить опасно, но любопытство не оставляло их. Храм Тибора все еще молчал, над Грелимараем не раздавались усиленные магией голоса. На веку Мийэна в городе такое случалось редко, но нападение слуг Хаоса было достаточным основанием, чтобы оповестить жителей. Совет либо боялся преждевременной паники, либо на храм тоже напали. Мийэн и Эвтей свернули в очередной проулок, где в них едва не врезался человек в сутане служителя Порядка. Он был испуган, отпрыгнул кошкой в сторону и коснулся энергии.

— Стой! — крикнул Эвтей, подняв руки. Песочная голова отвлек внимание на себя, а Мийэн незаметно подготовил защитный поток на всякий случай. Когда человек на взводе, он способен сначала ударить и лишь потом сообразить, что атакует своих.

— Слава Порядку, вы не хаоситы, — храмовник отпустил энергию. Он выдохнул и утер пот со лба. Голос молодого мужчины не дрожал, но был сбит быстрым бегом. — Я направляюсь к Храму, идите со мной.

— Откуда ты? — спросил Мийэн. — Мы слышали взрыв, Темница?

— Нет, я охранял статую Ритайлины Чисхарганы, когда они обрушились на нас.

— Как же они проникли в город?

— Просто — статуя была полой. Хаоситы прятались там до сегодняшнего утра, мы не чувствовали их присутствия, проклятье, а они все время сидели у нас под носом. Мы почти одолели этих предателей, но им пришли на помощь. Можете счесть меня трусом, месэры, я почти сразу покинул поле боя, но совет Тибора должен знать.

— О чем ты толкуешь?! — воскликнул Эвтей. Он как и Мийэн не понимал, что могло заставить верного Порядку человека сбежать от битвы с врагом.

— Н'уданы вернулись. Двое. — Три слова острыми ножами вонзились в голову, три слова, которые прозвучали страшнее самых злобных угроз смерти.

— Страх отнял твой разум, друг. Ты уверен?

— Да, месэр Заурбанз, — ответил храмовник, сжимая кулаки, — Энкрича Долговязую смерть и Черную Хашайю я никогда бы ни с кем не спугал.

Эвтей перевел взгляд на бывшего учителя. Мийэн словно выпал из жизни, он не верил в услышанное, но верил молодому храмовнику. Н'уданы выбрались из Белых пирамид, а это считалось абсолютно невозможным. Как, каким образом? Мийэн скорее поверил бы, что Хаос сотворил замену своим старым слугам, чем в то, что двое мощнейших хаоситов сбежали из энергетических гробниц, закупоренных лично Аархином и Ритайлиной. Откуда у вражеских магов сила для разрушения заклятий, с помощью чего они смогли распутать потоки, державшие н'уданов в вечном плену. Зато Мийэн теперь знал, для чего хаоситам понадобился тот з'уартхил, о котором ему рассказал Дугшац. Но как они так быстро перебросили его? На это явно ушло много ресурсов, значит, кто-то из могущественных людей Энхора оказывает хаоситом покровительство. Предатели Порядка у власти могли принести не меньшие проблемы, чем изменники среди служителей Тибора.

— Для чего все это представление с атаками на город? — Эвтей покусывал губу, словно вновь стал неопытным мальчишкой на первом занятии по основам строения потоков. — Двое н'уданов без усилий успели бы ворваться в Темницу, прежде чем мы всем скопом дали им отпор?

— Это означает, что у них нет сейчас этих сил. — Мийэн стал объяснять собственную догадку. — Источник отравлен, а они долгое время находились отрезанными от всякого контакта с Энергией. Им не с чего себя подпитать.

— Да, я заметил, что ни Энкрич, ни Хашайя не плели сложные потоки, — сказал храмовник. — Они бились на мечах и несколько раз атаковали огненными шарами.

— Тогда беги в Храм и сообщи совету об этом, а мы к Темнице, если еще не опоздали.

И снова бег, но теперь они стремились к опасности, о которой даже не думали в самые мрачные времена. Энкрич Долговязая смерть и Черная Хашайя. Самый жестокий приверженец Хаоса, отъявленный убийца и мучитель, а с ним та, кто добровольно отказалась от чести н'шаста. Мийэн вспоминал все, что он знал об этих н'уданах, а знал он многое, ибо готовился стать Хранителем Порядка столько лет назад. И знания эти не сулили доброго, их с Эвтеем миссия могла стать последней для обоих. Осознавал ли Песочная голова, какая вероятная участь его ждет? Мийэн хотел отправить Эвтея вместе с тем храмовником, но понял, что ученик все равно последует к Темнице. Единственное, что давало надежду на иной исход — состояние н'уданов. Они ослаблены, а значит их можно победить.

Энкрич — великий маг и умелый воин. Судя по книгам, столетие назад он однажды выдержал продолжительный бой с парой н'шастов, тяжело их ранил, а потом бежал. Потоки, которые он формировал играючи, другие н'уданы создавали с трудом. Он считал себя любимым слугой Великого Хаоса, и никто из его союзников это не оспаривал, ведь он был способен убить даже того, кто сражался на его стороне. Имел ли такой ужасный человек уязвимое место? Энкрич легко выходил из себя и черпал дополнительные силы из гнева и ярости. Но ведь это можно обратить и против него. Раззадорить, возвести его гнев в абсолют, тогда он потеряет бдительность. Вместе с Эвтеем Мийэн избавит Энхор от него раз и навсегда, то, что не произошло век назад, случится сегодняшним утром. Долговязая смерть заплатит за все зверства, которые творил в древности. За вырезанную деревню, за пытки женщин и детей, за поедание человеческой плоти.

Другое дело Хашайя из рода Чеенув. Умная, хитрая, рассудительная женщина, знающая Порядок изнутри и владеющая искусством чой-хуа. Энкрича ненавидели, но ненависть к Хашайе всегда была выше. Предать светлое имя н'шаста, сколько же черноты должен хранить в себе дух человека для такого поступка? Переметнуться к врагу, лишать жизни тех, с кем раньше дружил и учился? Конечно, злодеяния Долговязой смерти не меркли по сравнению с преступлениями Хашайи, но тот изначально служил Хаосу.

Мийэн был уверен, что бой на мечах с Энкричем он сдюжит, но с Хашайей? Чой-хуа было связано не только с духом, но и с телом, вряд ли слабость, вызванная отравленным Источником, повлияла на ее умение. Аархин приблизил способности Мийэна в фехтовании к максимуму, но хватит ли этого, чтобы отражать удары, напрямую связанные с энергией? Все это предстояло выяснить на месте. Как и ответ на самый важный вопрос: кто же такой Тульгарн, если на его освобождение брошены невиданные силы хаоситов и двое восставших н'уданов? Мийэн несколько дней размышлял о таинственной причине. Возможно, Тульгарн знает что-то важное, что-то способное склонить чашу весов в пользу Хаоса. В равной

степени это может быть особенное заклинание или другая информация, ценная для адептов зла. Именно поэтому, Энкрич и Хашайя, словно рядовые бойцы, оказались в гуще боевых столкновений. Любой из них имел право провозгласить себя лидером всех хаоситов Энхора. Пленного же предводителя было проще оставить гнить долгие годы в Темнице, чем тратить на его спасение время, силы и деньги. Порядок, мысль на столько захватила главного зрителя Чиризанского маяка, что он едва не поскользнулся на куче капитского дерьма, которую не убрали с улицы. Расшибиться раньше времени, что может быть глупее! Мийэн не пожалел бы глаза, чтобы выяснить этот секрет, но теперь оставил эти думы на потом. Только бы отбить Темницу у хаоситов и не дать Тульгарну бежать из Грелимарая. Дальше дело возьмет в свои крепкие руки Аархин Маггорайхен, а он уже не позволит сорнякам зла вырасти в толстые побеги, выкорчует все без остатка.

— Мы почти у площади, где статуя. — Эвтей замедлил бег и обнажил меч. Они вошли в проулок и замерли, вслушиваясь в грозное утро. Ветер принес крики, звон стали и треск заклятий, но, похоже, все это было чуть дальше, у Темницы. Мийэн первым оказался на месте, где недавно бушевала битва. Площадь, усеянная трупами, ужаснула бы, если Мийэн никогда до этого не видел бы подобного. Изваяние Ритайлины Чисхарганы мрачно смотрело сверху на прибывших воинов. Она будто вопрошала, как вы позволили опорочить мое имя, позволить слугам Великого Хаоса использовать мой лик таким образом? Мийэн понял, что тот, кто спланировал нападение, сознательно выбрал н'шаста для ловушки, чтобы посмеяться над храмовниками. Очередное кощунственное преступление, но когда у хаоситов было хоть малейшее уважение к противнику? Среди мертвых они обнаружили множество врагов, храмовник не обманул — они действительно могли победить. Одно присутствие Энкрича и Хашайи изменило ход сражения, о том, что будет, если н'уданы восстановят силы, Мийэн даже думать не хотел.

Эвтей поискал раненых служителей Тибора и стражников Наместника, но таковых не нашлось.

— Поспешим! — скомандовал Мийэн. Через пару минут они достигли площади, где стояла Темница. Древнее сооружение дымилось, словно деревянный амбар. Темница треснула, но не разрушилась до конца. Хаоситы верно рассчитали мощь заклятия, помещенного в щиху. Здесь тоже лежали тела, но многие подавали признаки жизни. Слуги Хаоса торопились, поэтому не удосужились добить раненых. Внезапно из искореженного здания выбежали двое вооруженных людей. На них не было формы людей Жгералиха или суган, поэтому Мийэн ударил почти сразу. Поток смел одного из хаоситов в сторону на десяток шагов, опустив его головой в камень. Второй противник метнул копье прямо в Эвтея. Песочная голова не стал использовать магию, а ловким движением отбил смертельный снаряд. Хаосит замешкался. Это дало мгновение, необходимое для формирования потока. С руки Мийэна сорвалась искрящаяся молния, но удар не достиг цели — из Темницы выбежал еще один враг, на этот раз умеющий касаться силы. Он поставил воздушный щит, и заклятие Мийэна растеклось по нему голубыми полосами. Хаоситский копейщик нырнул обратно в курящееся здание, а маг заставил ближайший труп подняться над землей, затем бросив его в надвигающихся противников. Эвтей отпрыгнул в сторону, в полете дотронулся до энергии и ударил по слуге Хаоса. Тот вновь воспользовался щитом, но не учел кое-чего. Этому потоку Эвтея когда-то научил сам Мийэн. Ошибкой многих магов было то, что они ставили защиту прямо перед собой, забывая об открытом тыле. Поток энергии превратился в тонкую стальную линию, которая прямо перед щитом резко взмыла

вверх, чтобы потом вонзиться хаоситу прямо в спину. Он захрипел и упал замертво.

— Отлично, ученик. — Мийэн подошел к входу в Темницу, тщательно вглядываясь через клубящийся дым. Хаоситы выставили небольшую стражу, но доносящиеся из здания крики и ругань сообщили, что полностью овладеть древней тюрьмой они не успели. Воины Грелимарая продолжали сражаться внутри.

— Мийэн, сюда, — позвал Эвтей. Он склонился над человеком, в котором было легко узнать начальник Темницы. Жгералиха серьезно ранили в живот, но он не успел потерять много крови, слава Порядку! Мийэн сосредоточился, вспоминая потоки исцеления. Он аккуратно зачерпнул нужное количество силы, сплел нити в небольшой сверкающий клубок и опустил его на рану Жгералиха. Кровотечение почти сразу замедлилось, а вскоре и вовсе прекратилось. Начальник Темницы открыл глаза.

— Не думал, что буду рад видеть твою физиономию, Мийэн.

— Лучшего комплимента от тебя и не услышать, старый плут. Ты оказался крепок, а мы вовремя сюда подошли.

— Можешь залатать меня?

— Нет, нужен сведущий в исцелении храмовник, я не отвечаю за последствие моего заклинания. Рана может открыться в любой момент, а ты сегодня уже вдоволь навоевался.

— Проклятье, — выругался Жгералих. — Я зарубил троих, прежде чем этот гад подкрался сзади. Его я тоже отправил в Хаос, но он успел воткнуть клинок прямо мне в кишки. Идите в Темницу, правда, кроме хаоситов там...

— Мы знаем про н'уданов, — перебил его Эвтей. — Ты уверен, что это они?

— Мать говорила мне в детстве, что всех непослушных деток ждет в темноте дух Энкрича Долговязой смерти, а я, естественно тогда в это верил. Поэтому, став старше, познакомился с его портретом, чтобы понять, как выглядел ужас, от которого я прятался под одеялом. Это был он. Вторую опознал мой помощник, прежде чем сгореть от ее заклинания. Ты спрашиваешь, уверен ли я, Песочная твоя башка? Естественно! — начальник Темницы вдруг застонал и потерял сознание.

— Я бы не оставлял его здесь, но у нас нет другого выбора. — Мийэн зачерпнул силы и окружил Жгералиха прозрачным коконом энергии. — Надеюсь, моя защита выстоит, если сюда явятся еще хаоситы. Вперед.

Они вбежали в задымленный проход, задержав дыхание. Дым поражал густотой, он полностью заволок коридор, словно плотный туман. Мийэн разогнал его рукой, и перед ним предстала картина разрушений от заклятья, вырвавшегося из тела пщихи. Колонны, поддерживающие потолок местами треснули, две из них превратились в каменные обломки. Пол и стены закоптились до черноты. Языки пламени вырывались из боковых помещений, будто дикие звери из клетки. Эвтей направил несколько энергетических нитей в сторону огня и затушил пожар. Запах гари и сгоревшего человеческого мяса забивал ноздри. Эта вонь пробудила воспоминания прошлой жизни Мийэна, когда он служил рядовым боевым магом. Он не раз уже вдыхал такой аромат войны и отдал бы многое, чтобы этот раз стал последним. Мийэн быстрым шагом направился по разрушенному коридору к главному залу, Эвтей не отставал. На белых гранитных плитах там краснела кровь. Среди мертвых не было верных Порядку людей, хаоситы дорого платили за вход в Темницу Грелимарая. На ступенях, ведущих вниз, лежала чья-то рука.

Следующий уровень тюрьмы встретил их тихо. Шум битвы заглушали стены. Павшие воины лежали на полу, словно сломанные куклы. Заключение в страхе жались по углам

своих камер. Одному из преступников не повезло — чье-то заклинание снесло решетку, и металл проткнул его грудь. Несчастный так и стоял пригвожденный к стене. Когда Мийэн и Эвтей дошли до выхода на следующий ярус, сзади раздался крик:

— Осторожно!

Эвтей обернулся первым и успел оттолкнуть Мийэна. Покойный хаосит внезапно ожил и метнул дротик в спину врагам. Снаряд вонзился Эвтею в плечо, поэтому Мийэн, не поднимаясь с пола, ударил энергией. Тело отступника смяло ужасающей силой, и на этот раз он умер по-настоящему. Песочная Голова вытащил дротик из плеча и выругался. Темное пятно расплзлось по его рукаву. Он подошел к камере, где сидел их спаситель.

— Как тебя зовут? — спросил Эвтей.

— Ильиг, месэр храмовник, вор.

— Если я вернусь живым, Ильиг, я попрошу Наместника пересмотреть твоё дело.

— Благодарю, но я сделал это не для собственной выгоды. Хаос для меня зло, хоть я и преступник.

Эвтей вернулся к Мийэну, его лицо было напряжено.

— Я не могу пошевелить рукой, — сказал он сквозь зубы. — Похоже, меч сегодня я больше не подниму.

— Тогда дальше я продолжу без тебя.

— Это ещё почему? Я буду использовать энергию.

— Если станет жарко — понадобится и оружие, а следующий хаосит может быть удачливее этого. — Мийэн сам не радовался принятому решению, ведь шансы выстоять против сбежавших н'уданов в одиночку невелики. Но рисковать жизнью бывшего ученика было выше его сил. — Поднимись наверх к Жгералиху и жди подмогу.

— Учитель...

— Я давно тебе не учитель, а друг, поэтому прошу послушать меня.

— Хорошо, — согласился Эвтей. — Да прибудет с тобой Порядок.

Мийэн начал спуск по ступеням на второй ярус Темницы. Он плавно вышел на свет факелов, освещавших помещение, где следы битвы не отличались от тех, что были наверху: повсюду тела убитых и отметины от смертельных заклинаний. Мийэн аккуратно шагал среди погибших, не забывая оглядываться назад. Кто знает, может и тут затаился недобитый враг. Стены коридора, скрывавшие заключённых, в некоторых местах выглядели плачевно. Кое-где они просто потрескались, а где-то энергия, облаченная в потоки, разрушила камень полностью. Преступники, попавшие под магические удары, завершили свой земной путь. Мийэн без труда добрался до площадки, где оставалась последняя лестница вниз. У колодца его ждал Энкрич Долговязая смерть. Он выглядел точно так, как изображали его старые картины — высокий, тощий, с безумным лицом. Одежда н'удана была заляпана кровью, кровью верных Порядку людей.

— Долговязая смерть, — произнес Мийэн.

— Ещё свежее мясо подоспело. — н'удан улыбнулся, и это была улыбка хищника, готового вонзиться зубами в мягкую плоть. — Судя по всем, неглупое.

Мийэн почувствовал шевеление сбоку. За почти непострадавшей колонной прятался другой хаосит. Мийэн коснулся энергии и услышал, как заревел Энкрич:

— Активируй! Сейчас же!

Из-за столба выпрыгнул молодой парень, но слишком медленно. Мийэн успел направить в него пучок чистой силы, которая отбросила хаосита прямо в следующую

колонну. С руки врага в последний момент сорвался странный предмет, но он не долетел до Мийэна, а упал в шаге от него. Что это еще за... В голове вдруг резко загудело, Мийэн едва не упал, ибо звук причинил дикую боль. Однако это длилось лишь пару мгновений. Энкрич за это время не сдвинулся с места, хотя у него была возможность убить растерявшегося противника. Почему? Долговязая смерть все еще улыбался. Мийэн дотронулся до Источника, но ничего не вышло. Он попробовал снова, результат тот же. Порядок, его же только что отрезали от магии.

— Я не прикончил тебя только потому, что хотел посмотреть на твое лицо, когда поймешь, что произошло, — сказал Энкрич, поглаживая лезвие меча большим пальцем. — з'уартхил сработал как надо, и прежде чем действие его потока закончится, я попробую твоей крови.

— Ты? — Мийэн сразу взял себя в руки. Н'удан сам помог справиться с оцепенением от блокировки, сообщив, что поток временный. Знает ли Дугшац, что слуги Хаоса располагают куда большим запасом з'уартхилов, чем ведомо совету? — Не думаю, что ты отведаешь что-нибудь, кроме моего меча.

Лицо Энкрича искажилось, будто от удара плетью. Он поднял руку, и Мийэн заметил мерцающее кольцо на его пальце. Так н'уданы в самом деле очень слабы, если вооружились простыми магическими предметами.

— Хочешь сжечь меня с помощью этой игрушки? — спросил Мийэн. — Я удивлен. Меня учили, что Энкрич Долговязая смерть хоть и жесток, но предпочитает честное сражение. Видимо, история тебя немного облагородила, а ты — всего лишь трус, почему-то одаренный Великим Саусесаном.

— Ты пожалеешь о сказанном, червь. — н'удан не стал использовать кольцо, он поднял меч и бросился на Мийэна. Удар был умелым, но бывший служитель Храма Тибора владел клинком не хуже. Аархин Маггорайхен ведал, как преподавать владение холодным оружием. Противники закружились в стальном танце, лабиринту среди павших воинов. Глаза Энкрича горели яростью, Мийэн же старался смотреть на него безразлично, зная, что это вызовет еще больший гнев. Н'удан двигался стремительно, долгое заточение никак не повлияло на его скорость. Мийэн ушел в оборону, понимая, что если хотя бы на ничтожный миг откроется, Энкрич, не мешкая, этим воспользуется. Долговязая смерть был пока сосредоточен, будто наверняка знал, что выйдет из схватки победителем. Он осыпал Мийэна градом ударов, не давая малейшей передышки. Такой темп мог сыграть на руку слуге Великого Хаоса. Поэтому Мийэн провел хитрую атаку из арсенала последнего н'шаста. Она позволила на секунду перехватить инициативу. Мийэн тут же сменил позицию на стойку, позволяющую применить чой-хуа, это выбило н'удана из равновесия. Энкрич замер в недоумении, и Мийэн получил время для короткого перерыва.

— Кто ты? — спросил Долговязая смерть. — Ты не можешь быть Хранителем Порядка!

— Я не н'шаст, не волнуйся, а ты, как я погляжу, уже не легендарный н'удан. Ты всего лишь бледная тень того, что когда-то внушал ужас добрым людям. — Мийэн продолжил злить врага.

Их клинки снова столкнулись. Энкрич сбавил скорость, но бил с удвоенной силой, словно желал разрубить металл, а затем и тело Мийэна. Он рычал как потревоженный тиргез, и Мийэн решил не останавливаться, хоть слова давались с огромнейшим трудом.

— Ты сражаешься с бывшим храмовником, не верится, что столетие назад ты убивал н'шастов. Может, ты просто присвоил заслугу других н'уданов?

— Заткнись! — Энкрич орал, не переставая жестко атаковать. В следующий его замах, Мийэн нырнул под руку н'удана и резанул ему ногу. Долговязая смерть пошатнулся, но устоял и отразил удар, которым Мийэн хотел добить слугу Хаоса. Энкрич отпрянул в сторону, сильно хромая. Кровь струилась по его штанам, и это был хороший знак.

— Ты, кажется, ранен? — спросил с издевкой Мийэн.

— Пес! Ты всего лишь пес Тибора, эта царапина не помешает мне закончить дело!

В зал внезапно вбежал Аархин Маггорайхен с обнаженным мечом. Мийэн даже не поверил глазам, а потом понял, что его друг практически пуст. Встреча с Великим Саусесаном нанесла ему большой урон, слухи оказались правдивыми. Долговязая смерть тоже пришел к этой мысли и поднял руку с з'уартхилом. Он не собирался нарушить слово, он собирался убить другого. Мийэн в этот момент ощутил, что Аархин не сможет отразить клинком огненный шар. Он не знал почему, но уверенность горячей волной накатила на него. О Порядок! Мийэн стиснул зубы и опять попробовал коснуться энергии. Неведомым образом у него получилось, поток з'уартхила испарился, а Мийэн зачерпнул жизненной силы, но опоздал. Заклятие сорвалось с сияющего кольца. Мийэн закричал, и зачерпнул еще энергии. Все его естество отозвалось приступом жалящей боли, но ему удалось взять столько силы, сколько он ни разу до этого не брал. Время замедлилось. Шар, который уже должен был спалить последнего Хранителя Порядка, проделал лишь половину расстояния до цели. Мийэн лихорадочно соображал, что способен успеть помимо этого, но то самое неведомое чувство вернулось и подсказало — выход только один. Мийэн сплел поток, который никогда не творил обычный маг. Заклинание, подобное перемещению, сработало сразу же. Аархин вдруг очутился там, где стоял главный смотритель маяка, а сам Мийэн уже был на пути сгустка яркого пламени. Ты видел, Аархин, подумал Мийэн, и пожар мгновенно охватил его тело.

Наше судно стремилось к Грелимараю, разрезая спокойную сейчас поверхность воды. Скорость гугутикары действительно была выше и не зависела от ветра. Утро только-только начиналось, но света уже хватало, чтобы посматривать по сторонам. Иногда из воды выпрыгивали рыбы, в том числе уже знакомые мне круглые шишагалы. Они забавно сталкивались в воздухе, отскакивали друг от друга как теннисные мячи и вновь возвращались в родную стихию, поднимая множество брызг. Уж не знаю, брачные игры у них такие или это происходило случайно. Другие жители моря поражали своим разнообразием. Здесь попадались длинные, словно пожарный шланг, двухголовые шуки, которые взлетали над водой метра на четыре, а их тела извивались змеями. Одна такая рыба приземлилась прямо в нашу лодку на радость матросам. Они с криками и улюлюканьем держали чудо-щуку, пока капитан пытался ее обезглавить. Теперь добыча варилась в большом котле на каменной печке. Запах, расползавшийся по палубе, уже сводил с ума. Иногда над водой показывались ярко-розовые рыбешки, чью спину занимал белый плавник, похожий на веер знатной дамы. За ними всеми было увлекательно наблюдать, но, к сожалению, это быстро приелось. Бесконечно смотреть на что-нибудь вообще занятие бесполезное, а тут кругом море, куда не поверни голову. Я отошел от борта и сел на бочку, которую сразу облюбывал. Екунек расположился неподалеку. Бледный вид молодого храмовника напомнил, что час назад его накрыл приступ морской болезни. Беднягу тошнило без передышки, поэтому он оставался единственным, кому аромат готовящейся ухи причинял неудобство. Но надо отдать должное, не смотря на неважное самочувствие, Екунек всякий раз касался энергии, когда ветер утихал, и снова наполнял парус воздухом. Капитан за такую помощь был готов даже придержать храмовника во время рвоты, чтобы тот не свалился за борт при очередном приступе. Я же еще раз поблагодарил судьбу за то, что тело Аархина стойко переносило путешествие по воде.

— Месэр Маггорайхен, — слабый голос Екунека отвлек меня от мыслей.

— Слушаю тебя.

— Каково это — увидеться лицом к лицу с Великим Саусесаном?

— Почему тебя это интересует? — спросил я на это.

— Ни один человек не ведает, что с ним случится в будущем, я хочу быть готовым, — ответил юноша.

— Что же, тогда не буду скрывать. Это страшно. Мир, в котором обитает Великий Хаоса, чужд рациональности. Там все нереально и служит только одному — сбить тебя с толку. А когда ты встретишь его... Когда он, наконец, покажется, ты не узнаешь его истинного лица. Он словно носит тысячу масок, которые меняются каждое мгновение.

— Он может переманить на свою сторону?

— Он приложит все усилия, чтобы это сделать. — Считаю, что предложение вернуть меня домой — это веский аргумент и нечто большее, чем простое усилие. Но я выбрал другое. — Если ты истинно верен Порядку, то бояться нечего. Если сомневаешься, что же, возможно он Великий Саусесан найдет, чем тебя соблазнить.

Екунек кивнул и замолчал. Вот знал же, балда, что плохо переносит море, а все равно полез меня сопровождать. Тоже мне, смельчак нашелся. Но кто знает, вдруг через десяток лет, он вырастет в могучего мага, который станет надежным щитом Энхора от посягательств

Хаоса? Капитан принес мне глубокую глиняную миску, где в парящем бульоне плавало пара крупных кусков двухголовой щуки. Капитан бросил взгляд на Екунека, но храмовник лишь отвернулся. А зря — наваристый бульон был шикарным. Его вкус заставлял блаженно жмуриться. Мой желудок с благодарностью принял эту волшебную уху. Мясо прекрасно жевалось, а кости сварились так, что я их даже не заметил. Облизав миску, я поставил ее на палубу и заметил, что пара матросов уселась играть в кости. Эх, сюда бы шахматы, в который раз подумалось мне. Екунек задремал, и я воспользовался тем, что на меня никто не смотрит. Я сосредоточился и коснулся энергии. Жизненная сила не спешила даваться мне в руки. Но я продолжил, не получилось раз, получится на двадцатый. Опустив глаза на миску, я мысленно приказал ей сдвинуться. Она меня, естественно, проигнорировала. Снова касание, на мгновение мне почудилось, что моя правая кисть похолодела, будто я засунул ее в снег. Надо повторить еще! Не помню, на какой раз, но мне удалось вернуть это ощущение. Я почувствовал, что рука дотронулась до чего-то незримого, а потом миска, словно по волшебству, оказалась чуть дальше первоначального положения. Твою мать, это и было волшебство! Я, наконец, сумел коснуться долбаной энергии! И даже не надо было представлять, что пустая миска может напасть на меня. Хотелось подпрыгнуть от нахлынувшей радости, но пришлось сдерживать этот порыв души. Желание продолжить магические эксперименты тут же обуяло меня, но корабль, несущийся по волнам, не подходящее для них место. Потерпеть до Грелимарая, а там найду, где развить свои способности. Господи, звучит-то как гордо. Интересно бы было увидеть, как отреагировала Марина, если б я дома заставил переместиться, скажем, кастрюлю с борщом? Наверное, предложила бы вызвать испанскую инквизицию из ее любимого скетча «Монти Пайтона». Ну да ладно, на Земле у меня такое бы и не вышло, о чем тут гадать.

Я достал Йенталстуакрахт из ножен. Тренировки в Акл-Миратэ приносили пользу, однако я принял решение упражняться и наяву, причем как можно чаще. Думаю, что это подозрение не вызовет, любой боец должен оттачивать мастерство, даже если ему триста лет. Высоко подбросив клинок, я вскочил с бочки. Как только меч оказался на уровне глаз, я обхватил рукоять и провел выпад, заведя локоть за спину. Члены команды тут же оживились — их голоса шелест воды не заглушил. Я проделал несколько трюков из арсенала Маггорайхена, кое-что из чой-хуа, а потом начал крутить восьмерки, все ускоряясь и ускоряясь. Йенталстуакрахт послушно исполнял мой любой каприз.

Достигнув Грелимарая, я должен был открыться только Мийэну Заурбанзу. Этот человек занимал пост главного смотрителя маяка, поэтому шансы встретить его сразу по прибытию, внушали здоровый оптимизм. От совета храмовников я вполне мог услышать вопросы, на которые ответы мне неизвестны, а он сведущ во всех делах Аархина. Я представил, что стою перед людьми, чьи заклятия без труда сотрут меня в порошок, и на их расспросы отвечаю: месэры, мне надо отойти, поспать еще разок. Да уж, друг н'шаста скоро станет моей палочкой-выручалочкой в Энхоре. Надеюсь, мы подружимся с этим статным мужчиной далеко за шестьдесят. В конце концов, все остальное время, пока я не дома, мы проведем вместе. Мийэн будет обучать найденных талантливых детей, а я буду у него на подхвате.

— Месэр Маггорайхен! — Капитан с непроизносимым именем окликнул меня. Я спрятал меч и покорно подошел к нему.

— Да, капитан.

— Грелимарай на горизонте, скоро будем в порту, — сказал он, улыбнувшись.

— Великолепно, вы оказали неоценимую помощь. Я поговорю с Наместником, вы достойны щедрой награды.

— Что вы, великий, я всегда готов помочь служителям Порядка, а уж вам! Если бы не вы Энхор бы уже целый век томился под гнетом хаоситов.

— Спасибо. — Я хлопнул капитана по плечу и направился на нос корабля.

Вдали возвышался маяк. Уже отсюда я видел стену, окружавшую город. Чем ближе мы подплывали, тем больше она росла. Грелимарай был огромным городом, Шантайз уступал ему, как, например, Воронеж Москве. Скорее всего, здесь все улицы были вымощены камнем, а население насчитывало несколько сотен тысяч. В порту стояло не так много кораблей, гугутикары Юритыфа я не заметил. Вероятно, капитан гигантской черепахи уже вышел в следующий рейс. Еще через некоторое время я обратил внимание, что на стене есть люди, много вооруженных людей. Это что, меня так встречают?

— Дело недоброе, месэр Маггорайхен. — Капитан встал возле меня. — Что-то произошло.

— Но что именно? — я ломал голову. К нам на встречу по воде двигалась лодка. Матросы бросились к оружию, но я жестом приказал им успокоиться. Парус судна, идущего в нашу сторону, украшала восьмиконечная звезда Порядка. Я разглядел храмовника в голубой сутане на носу. Когда мы поравнялись, маг поприветствовал меня:

— Месэр Аархин, рад встречи!

— И мы тоже. Что с городом?

— Крупный отряд хаоситов атаковал деревню неподалеку от Грелимарая. Наместник и Совет Тибора отправили войско, чтобы выбить их, — ответил храмовник. — Стражу выставили на стены в утроенном количестве для подстраховки.

— Хорошо, — одобрил я действия более опытных людей. — Мне нужен Мийэн Заурбанз.

— Смотритель еще не приходил, мы можем послать за ним человека.

— Предлагаю обсудить это на берегу.

В порту нас ожидал вооруженный отряд. Меня были рады видеть, еще бы! Прибыл сам последний Хранитель Порядка в Энхоре, как раз вовремя. Только я ощущал тревогу, ведь едва выжив после аудиенции у Великого Саусесана, я снова угодил в опасность. Из огня да в полымя, иначе не скажешь. А вдруг меня сейчас попросят присоединиться к войску Грелимарая? Отказать я не имею права, но и рисковать я не имел ни малейшего желания, по крайней мере, сейчас. Екунек был счастлив ступить на твердую землю, он даже как-то сразу перестал походить на тяжелого больного. А ведь я собирался отправить беднягу сразу обратно на остров. Пусть лучше тут отдохнет от передвижения по морю.

— Аархин! Давно не виделись. — Ко мне шагали двое пожилых мужчин в белых одеяниях, они не были вооружены. Рукава их сутан усеивали звезды Порядка. Так, теперь бы не опростоволоситься. Эти старички-храмовники знали Маггорайхена лично, а я не понятия не имел даже, как их зовут. Первый обладал внушительным животом, который поспорил бы с пузом капитана гугутикары за звание самого объемистого. Второй наоборот, судя по всему, не доедал. Тонкий и толстый, прямо как у Антона Павловича Чехова. Я решил, что про себя так и буду их звать.

— Давно, — согласился я, — от того встреча и гораздо приятней. Если бы не обстоятельства.

— Верно, — кивнул Тонкий. — Хозяин гугутикары рассказал нам о то, что случилось на

острове. Последствия сильны?

— Порядок хранил меня, я ограничен в манипуляциях с энергией, но восстановление не займет и месяца. — Я лукавил, но пусть эти служители Тибора считают, что их защитник уверен в себе и скоро вернется к потерянным силам.

— Совет соберется сегодня в полдень, — взял слово Толстый, — полагаю, ты будешь говорить?

— Да, конечно. Гонец из Шантайза уже был?

— Гонец? Нет, пока ничего, там тоже проблемы?

— Не там. В Тримашлонапе сбежала Хашайя Черная. — Я понизил голос так, чтобы меня слышали лишь маги. Я не собирался сеять панику среди стражников.

— Сбежала?! — храмовники переглянулись. Выходит, что даже с задержкой из-за козней повелителя Хаоса, я доставил эту тревожную новость раньше, чем шантайзские члены партии Порядка.

— Пока я не понимаю, каким образом ей это удалось. Она обессилена, поэтому пока угрозы не представляет, но хаоситы почему-то начали действовать.

— Ты, — Тонкий позвал мечника, стоявшего справа от нас. — Срочно в Храм. Сообщи, что прибыл Аархин Маггорайхен, и что из Белой пирамиды на свободу вырвалась Хашайя из рода Чеенув. Об этом никому, только Храму.

— Слушаюсь!

Солдат побежал в город, неся тяжелую весть. Не прошло и минуты после того, как он затерялся в проходе между высокими каменными зданиями, как где-то в другом конце города громыхнуло. Воины на стене зашевелились, всматриваясь вдаль. Это что еще такое? Я бы подумал, что взорвалась бомба, но в Энхоре не изобрели порох, по крайней мере, пока. Опять магия?

— Сохрани нас Порядок! — воскликнул худой храмовник. — Похоже, хаоситы ударили с восточной части.

— Неужели использовали шщиху? — его товарищ произнес очередное незнакомое слово. Может быть, это название потока или з'уартхила, почему мне знать. — Проклятые хаоситы! Жаль приказ нельзя нарушить, придется ждать.

— Оставайся с нами, — предложил мне Толстый. Я бы с удовольствием посидел тут в порту, в окружении людей, способных меня защитить, но чем быстрее я свяжусь с Мийэном Заурбанзом, тем лучше для всех. Если друг Маггорайхена не явится в течение десяти минут, я попрошу сопроводить меня к нему домой. Хотя как я пойму, что прошло десять минут? Часы, подаренные Мариной, как лежали на столе дома, так там и покоятся. Ладно, как-нибудь да сориентируюсь.

Напряжение среди людей теперь чувствовалось, словно нечто осязаемое. Воины крепко сжимали оружие, казалось, они готовы отразить любую внезапную атаку. Молодой солдат принес поднос, на котором дымились четыре кружки. Я взял одну, другие достались Екунеку и Тонкому с Толстым. Пригубив горячий напиток, я чуть не закричал от удивления. Это был кофе! Ну не совсем кофе, конечно, вкус немного отличался, но сходство было поразительное.

— Превосходно! — сказал я, делая второй глоток.

— Да, — согласился Тонкий, — фукера нас взбодрит, хотя мне думается, что сейчас никто из нас не хочет спать.

Значит, фукера. Что же, вернусь домой, буду в кафе требовать чашку фукеры, пусть

разбираются, что я имею в виду. Пока мы потягивали терпкий напиток, меня никто не донимал расспросами. Легкий ветер обдувал нас, и на секунду мне показалось, что вокруг нет готовых к бою солдат. Чувство безмятежности обволокло меня, а плеск близких волн ласкал слух. Затем до наших ушей донесся грохот второго взрыва. Порядок, да что же происходит?

— Это центральный квартал, похоже, — произнес Толстый.

— Быть не может, как они проникли в город? — Тонкий занервничал. — Неужели прорвались с востока?

— Даже если стражники погибли, и хаоситы прорвались, они бы не успели добраться до Темницы за такое время.

— А что с Темницей? — я, естественно, не понимал, о чем шла речь, но молчать бесконечно не мог. Должен же единственный живой Хранитель Порядка интересоваться происходящим.

— Вся эта ситуация, как мы думаем, связана с пойманным предводителем хаоситов. Он и его сообщники уже несколько дней ожидают суда. Мийэн как раз предположил, что его попытаются освободить, — пояснил толстый храмовник. Он посмотрел на меня, добавив:

— Аархин, тебе решать, что делать. Мы можем отправиться к Жгералиху на подмогу, либо дальше сидеть здесь без дела.

Замечательно, не успел я насладиться вкусным кофейком, как мне на плечи взвалили тяжелейшую задачу. Я прекрасно знал, что настоящий н'шаст приказал бы храмовникам продолжать контроль порта, а сам бы бросился к Темнице. Но Дмитрий Ладыженский даже не ведал, где она находится. Он то и Грелимарай пока не видел, не считать же городом вот эту акваторию, здания складов и прилегающие участки крепостной стены. Придется импровизировать. Я допил фукеру, опустил кружку по ноги и сказал:

— Будьте здесь, возможно, это лишь их заклятья, а удар они нанесут с моря. Я к Темнице.

— Один? — в этом слове Тонкого прозвучало возражение. — Без силы, ты рискуешь.

— Знаю, но сколько раз я уже рисковал за триста лет? Чой-хуа вполне заменит мне энергию.

— Тогда возьми пару солдат, пусть прикрывают тылы, если что.

От этого предложения я благоразумно не отказался. Нам выдали капитов, и я вместе с двумя стражниками покинул порт. Екунек, судя по его взгляду, хотел предложить свою помощь, но я бы в любом случае ему отказал. Парня слишком измотала морская болезнь, вряд ли бы в бою от него сейчас вышел толк. Ха, а сам я вообще не был готов сражаться. Передряги, случившиеся со мной после плавания на гугутикаре, притупили впечатление от гибели Црагыыла, виновником которой был я. Теперь же дело летело к очередному столкновению с врагом, а запасного з'уартхила в моем кармане не лежало. С каждой минутой приближался момент, когда мне придется задействовать Йенталстуакрахт. То есть кого-то убить или умереть самому.

Я позволил воинам скакать чуть впереди, чтобы они сами привели меня к Темнице. Я понял, что это была городская тюрьма то ли для хаоситов, то ли для всех преступников вообще. Мы проезжали по Грелимарая, а у меня пропало всякое желание осматривать его. Улицы действительно здесь были не земляными, дома попадались сплошь из камня, да к тому же одноэтажных почти не встречалось. Наконец, мы выехали на площадь. И я почувствовал, что покрываюсь мурашками. Я никогда в жизни не видел столько мертвых.

Тела хаотично лежали в лужах крови, некоторые обгорели. Я кое-как сдержал рвотные позывы. Твою мать, война — это точно не моя стихия. Глядеть военное кино по телику и лицезреть последствия бойни по-настоящему — вещи, которые нельзя сравнить. Чуть впереди дымилось строение, видимо, в порту мы и слышали, как оно взорвалось.

— Проклятые хаоситы! — воскликнул один из моих провожатых. Его глаза метались по трупам. У разрушенной Темницы стоял человек. Мы направили капитов к нему, на ходу обнажив оружие. Но это был не хаосит.

— Аархин, слава Порядку! — сказал он. Это был парень примерно моего возраста с волосами песочного цвета. Его окровавленная одежда свидетельствовала, что он принимал участие в битве, да к тому же получил ранение — его рука висела безвольно. У ног парня лежал мужчина преклонных лет. Я поначалу подумал, что он мертв, но заметил, что его грудь вздымается.

— Что здесь произошло? — спросил я, ловко спрыгивая со страшилища.

— Хаоситы все тонко спланировали. Они внутри, пытаются вытащить своего предводителя. Там еще наши люди и Мийэн.

— Мийэн? — вот это совпадение. Я почти благодарил судьбу, что она свела нас с человеком, которого я желал видеть больше всего в Энхоре.

— Да, мы расстались у колодца на второй уровень камер, он отправил меня обратно наружу, а сам остался. Остался, чтобы остановить н'уданов.

— То есть как н'уданов?! — я опешил, но сразу взял себя в руки, Хранитель Порядка воспринял бы эту весть не так эмоционально. — Я знаю, что сбежала Хашайя, кто второй?

— Энкрич Долговязая Смерть, — ответил парень. Маггорайхен упоминал это имя, не что толку? Я ожидал встретить только одного н'удана и не так скоро. Что я смогу сделать с двумя прислужниками Великого Саусесана? Я надеялся, что Мийэн Заурбанз уже справился хотя бы с кем-то из них. Не говоря ни слова более, я бросился внутрь Темницы. Я мчался среди покореженных стен и колонн, словно меня подгоняла чужая воля. В голове было пусто, я не осознавал, что уже спускаюсь по винтовой лестнице вниз. Пот выступил на спине, и это я почти не замечал. Спустя минуту я выбежал на площадку с колоннами и увидел двух людей. Первый был мужчина лет сорока пяти, он застыл, едва я показался из коридора. Второй — вылитый Кощей Бессмертный, стоял ко мне боком. По его ноге струилась алая кровь. Он обернулся в мою сторону, а через миг поднял руку, на которой сверкал перстень. Я застыл, словно меня заколдовали, лихорадочно соображая, что делать. А потом случилось сразу несколько вещей, природу которых составляла магия. Перстень Энкрича вспыхнул и в меня полетел небольшой пламенный шар. Вместо того чтобы использовать Йенталстуакрахт и отразить этот фаербол, как учил меня Аархин, я просто зажмурился. Но огонь не ударил по мне, меня внезапно охватило странное чувство, что все мое тело сжимается, словно пружина, а затем я перестал ощущать под ногами твердую поверхность. Я открыл глаза и обомлел. Я уже находился не у входа, а на том месте, где стоял первый человек. Он же оказался там, где секунду назад я был истуканом, и заклятие н'удана угодило прямо в него. Пламя будто вонзилось ему в грудь, одежда вспыхнула. Мужчину отбросило в сторону, при этом он не издал ни звука. Огонь быстро погас, но человек уже не шевелился. О Порядок! Только не говорите мне, что я только что видел смерть Мийэна Заурбанза. Только не говорите. Я готов был кричать. Кричать и рыдать, ибо все мои надежды исчезли, как исчезают надписи на песке, когда на них набегают волны. Я остался один на один с высоким хаоситом. Даже с расстояния в несколько шагов, я видел,

как горят его глаза, как злоба, переполняющая его, поддерживает этот пожар гнева.

— Я ждал сто шесть лет, чтобы лишиться это тело силы, — произнес долговязый, слегка покачивая изогнутым клинком. — Но, к сожалению, оно отныне не принадлежит Аархину Маггорайхену.

— Что с того? — спросил я, чувствуя, что ни страха, ни слабости во мне не осталось. Только внутреннее равновесие. Теперь я должен сам справиться с этим страшным врагом.

— Кто бы ты ни был, я сильнее. Тебе известно, кто я? Можешь не говорить. Я Энкрич, долговязая смерть! Самый преданный н'удан Великого Саусесана.

— Н'удан? Когда-то да, а сейчас ты лишь человек, энергия которого требует восстановления. Я не боюсь тебя.

— Не боишься? — Энкрич сделал шаг по направлению ко мне. Нога, которую, скорее всего, ранил Мийэн, у него плохо работала. Это уже давало кое-какую надежду, что я выдержу противостояние. А там, может, и храмовники поспеют.

— Нет, я ничего не боюсь, — соврал я, стараясь придать голосу силу.

— Кто ты, чужак? Как завладел телом н'шаста?

— Этого ты никогда не узнаешь.

— Ты Равновесие?

— Нет. — О чем он толкует, какое равновесие?

— Я не могу обнаружить твою силу. — Убийца приблизился еще на три шага. — Ты не владеешь способностью касаться энергии. Кто ты?

— Пришелец из другого мира.

— Так значит, путешествия возможны!

— О да, только тебе такое не светит, каланча ты недоделанная.

— Я выпущу твои кишки и без потоков магии, чужак. Ты будешь молить о пощаде, но я не соизволю прекратить твои мучения.

— Тогда начнем. — Я занял оборонную стойку, предоставляя Энкричу сделать дебютный ход. Слуга Хаоса бросился на меня, и я поразился, с какой прытью этот тощий ублюдок двигается даже с раненой ногой. Если бы не уроки Аархина, н'удан не потратил бы много времени на мое устранение. Я отразил атаку Энкрича, чуть отступил и нанес ему удар в правый бок. Хаосит подставил саблю, но он не знал, что в эту же секунду я ощутил, как энергия вновь побежала от моего плеча к мечу. Чой-хуа не подвело — клинок н'удана словно живой выскочил из его руки. Я замешкался, понимая, что сейчас должен проткнуть сталью человека, поэтому Энкрич успел отскочить в сторону. Он упал неудачно, ударился окровавленной ногой об пол, но почти сразу вновь воспользовался перстнем. На этот раз я нашел силы подставить Йенталстуакрахт, огненный снаряд ударился в меч и лопнул, словно был обыкновенным воздушным шариком. Мой противник уже поднялся на ноги, я атаковал сверху, но он с легкостью отбил удар. Чтобы Энкрич вновь не активировал з'уартхил, я начал держаться ближе к нему. Он должен был понимать, что магическое пламя заденет и его. Каким-то чудом мне удалось легко задеть предплечье Энкрича, и он отступил. Я быстро отбежал к ближайшей колонне и встал так, что в любой момент мог спрятаться за нее. Нужно было передохнуть. Но мне помешали новые гости. Из колодца показались люди, интуиция подсказала, что это не храмовники. Среди них я увидел черноволосую женщину, на руке которой светился такой же перстень, как и у Энкрича. А вот и Хашайя из рода как ее там. Мы все замерли, словно решили сыграть в «Море волнуется раз». Краем глаза я заметил, что Мийэн пошевелился, хотя я уже смирился с его гибелью. Он что-то в воздухе рисовал

рукой. Плетет поток? Дальнейшие события подтвердили мою догадку. Появившиеся хаоситы дружно атаковали меня энергией, без слов и лишней телодвижений. Но напрасно — меня уже окружал невидимый щит, который принял в себя молнии и очередной фаербол. Все произошло очень быстро, поэтому они не обнаружили, что поток силы сформировал не я. Хашайя крикнула:

— Уходим, Энкрич, мы итак слишком задержались!

Хаоситы бегом пересекли зал, не спуская с меня глаз, но что я мог им противопоставить? Они скрылись в коридоре. Долговязая смерть сплюнул и захромал к выходу.

— Мы еще встретимся, — прошипел он. Я не знаю, какой черт меня дернул, но я громко бросил ему в тощую спину:

— Трус!

Энкрич обернулся и плавно поднял руку. З'уартхил исторг из себя огненный шар, но на этот раз я был готов полностью. Йенталстуакрахт не просто поглотил энергию, из которой соткался фаербол. Резким поворотом клинка, я отправил его прямо в н'удана. Энкрич не успел и рта открыть. Шар пламени ударил его в голову, и она взорвалась. Тело верного слуги Великого Саусесана рухнуло безжизненной кучей. Е-мое, я только что убил древнего мага его же оружием.

Я быстро подбежал к лежащему Мийэну Заурбанзу. Его состояние было критическим — одежда почти вся сгорела, кожа обуглилась, мои ноздри вдыхали запах его сгоревший плоти. Однако друг последнего н'шаста Энхора смог поднять веки. Его поврежденные огнем губы разлепились, и он тихо произнес:

— Дети с Фульмером, Эвтей знает, где они. Обучи их и спаси наш мир.

— Обязательно, друг, обязательно, — сказал я ему в ответ, но Мийэн уже не слышал. Я присел рядом и закрыл глаза человека, дважды сохранившего мне жизнь.

Они сидели в просторном кабинете, стены которого занимали картины горных пейзажей. Хашайя успела пробежаться глазами по ним всем, отметив невероятную работу художников. Казалось, что эти произведения искусства вышли не из-под человеческих рук, а сама энергия каким-то неведомым образом запечатлела скалы, до того изображения выглядели правдоподобными. Среди нарисованных возвышенностей было легко найти и Нагарские горы, обиталище слугителей Порядка, и далекие северные хребты Джийятской империи, и знаменитый потухший вулкан в юго-западной части Домридинши. Наместник Тримашлонапа Тхеонир Октарэгон не скупился на украшения места, где располагалась ставка хаоситов. Он старался угодить тем, с кем уже долгое время состоял в тайном союзе, поэтому казна города обеспечивала врагов города. Знали бы храмовники, куда утекают эти деньги! Но Тхеонир не был глупцом, прежде он тратил собственные средства, пока в итоге не выработал идеальную схему финансирования.

Замок стоял в четырех часах пути от Тримашлонапа среди утесов, острыми клыками целящих в небеса, и считался заброшенным и непригодным для жилья. Сто шесть лет назад хаоситы захватили это место, и при отступлении кто-то из н'уданов отравил здание ядовитым потоком. Спустя полвека заклинание рассеялось само, но в крепости больше не нуждались. И Наместник, два десятилетия назад решивший присоединиться к истинной стороне вечной войны, предложил на секретном собрании организовать тут штаб, взяв все расходы на себя. Так он хотел выслужиться перед Великим Саусесаном, и Хашайя его не осуждала. Каждый выбирает путь по душе. Замок со стороны по-прежнему выглядел полной развалиной: трещины в стенах, одна обвалившаяся башня, рухнувший подвесной мост, под остатками которого бежала тонкая река. Но таким он представлял только для непосвященных в тайну. Мощные потоки, сформированные самыми сильными магами из числа хаоситов, оплетали стены, пряча от посторонних глаз истинный вид крепости. Несколько десятков человек было принесено в жертву ради такой мощи. Даже сам Аархин Маггорайхен не сразу бы разгадал обман. Но слава Хаосу, он никогда не проявлял внимания к этому месту, да и зачем? По всему Энхору полно покинутых замков и храмов; любой из них мог стать прибежищем его противников.

Хашайя удобно расположилась в мягком кресле с широкими подлокотниками. Она бы с удовольствием сейчас поспала часов десять, но ей, наконец, предстояло узнать, в чем ценность спасенного хаосита, поэтому сон мог подождать. За время побега Шайя так и не разглядела в Тульгарне что-то особенное. Рослый, крепкий мужчина с длинными волосами, наверняка умный, раз находился в числе предводителей хаоситов. В чем его важность?

Напротив Хашайи на софе, оббитой дорогой кожей, сидели рядом Ритайлина и сам Тхеонир Октарэгон. Наместник что-то рассказывал бывшему н'шасту, но его Шайя не слушала. Лизоблюд, он и есть лизоблюд, пусть и очень полезный. Хашайя ждала момента, когда к их маленькому собранию присоединится Тульгарн, а ее терпение уже заканчивалось. Хаосит принимал ванну, чтобы смыть с себя следы пребывания в грелимарайской Темнице.

Прошло около двух часов с того времени, как они вырвались из города. Ритайлина перенесла с собой только Хашайю и Тульгарна, предоставив прочим выжившим и освобожденным выбирать за стены самостоятельно, хотя вполне могла взять кого-нибудь вместо Энкрича. Тоций ублюдок погиб, не успев даже восстановить утраченные силы. Шайя

не жалела, что так случилось, Долговязая смерть сам виноват. Он всегда лез на рожон, слишком верил в себя и свою значимость для Повелителя. Она сама едва не лишилась жизни, последовав за ним в тесные коридоры Темницы, а ведь Рита предупреждала, что рисковать не стоит. В итоге, Шайя приказала двум хаоситам сторожить вход, и присоединилась к отряду, вгрызающемуся внутрь тюрьмы. Потоки несколько раз пролетали мимо Хашайи в опасной близости, причем не только созданные энергией храмовников, но и сотворенные хаоситами. В Темнице было слишком мало места для маневров. Однако они пробились до конца, оставляя позади множество бездыханных тел. Энкрич решил задержаться на предпоследнем уровне на случай, если подоспеет подмога из Храма Тибора. И там он встретился с тем, кого никто не ожидал увидеть. Аархин Маггорайхен, точнее тот, кто владел его телом, волею судьбы оказался там же, где они с кровью шли через врагов. Хашайя уже через секунду была уверена, что перед ней не ее наставник. Настоящий Аархин посмотрел бы только на Шайю, не удостоив ее спутников вниманием. Таинственный незнакомец не атаковал их и даже позволил хаоситам сплести потоки, но сразу же выставил превосходную защиту. Силы нескольких магов не коснулись его. Хашайя не почувствовала его ауры, словно он не был способен управлять энергией. Но голову Энкрича неизвестный уничтожил быстро; Шайя успела пронаблюдать это, убегая по коридору. Лишь один вопрос мучил ее до сих пор: почему тот человек позволил им уйти? Эта короткая встреча с ним не прояснила ровным счетом ничего.

Ритайлина ожидала их в условленном месте. Зеленоглазая зачерпнула силы и отправила в рассветные небеса сигнал для тех хаоситов, что заняли деревню. Огромный символ Хаоса черным цветком расцвел над Грелимараем. А затем они втроем переместились сюда, в забытый всеми замок.

Дверь в кабинет отворилась, но это был лишь слуга, молодой парень. Проклятье, этот Тульгарн там кожу с себя пытается смыть? И часа достаточно, чтобы привести себя в порядок. Хашайя начинала злиться. Каким бы ценным не был этот хаосит, кто он такой, чтобы заставлять н'уданов томиться в ожидании? Слуга подошел к Тхеониру и что-то прошептал ему на ухо. Лицо Наместника нахмурилось, он жестом велел юноше уйти и принялся разглаживать свои рыжие усы. Тхеониру было за пятьдесят, голова уже полысела, поэтому за усами он тщательно ухаживал. Теперь же он теребил их так, что через минуту они могли превратиться в пару тонких волосков. Какая весть его взволновала? Тульгарн захлебнулся? Наместник, наконец, оставил усы в покое, но ничего не сказал. Ритайлина тоже заметила беспокойство Тхеонира.

— Что-то не так, месэр Октаэрэгон? — спросила Рита.

— Есть проблемы, уважаемые. — Голос Наместника совсем не подходил ему. Скорее таким бы обладал прославленный воин, а не этот лысый лизоблюд. — Но Тульгарн тоже должен знать. А вот и он!

Хаосит возвышался в дверях. Он слегка улыбнулся и направился к свободному стулу без спинки, который находился возле стеклянного столика. Тульгарн опустился на сиденье и закинул ногу на ногу.

— Прошу простить за задержку, — произнес он. — Но в Темнице было не до мытья. Я столкнулся со слугой сейчас в коридоре. Что-то важное?

— Да, как раз собирались обсудить.

— Слушаем вас, Тхеонир.

— Из Грелимарая прибыл гонец с сообщением от Наместника Грелимарая и

храмовников.

— Так быстро? — уточнил Тульгарн.

— Вести не связаны с вашим побегом. — Октарэгон вновь потянулся к усам, но передумал их терзать. — Гонца послали раньше. Кто-то выдал наше расположение!

Хашайя не удивилась — всегда находился хаосит, из которого прихлебателям Тибора удавалось выдать нужную им информацию.

— О, я, кажется, знаю кто.

— И кто же этот предатель, Тульгарн? — Ритайлина внимательно смотрела на хаосита. Странно, в ее взгляде читалось некое подобие почтения. Шайя терялась в догадках, что послужило этому причиной.

— Новообращенный Ульфязак, — ответил предводитель хаоситов. — Я предупреждал Сиглиену, чтобы поменьше болтала при нем, но девчонка уверовала, что ради нее сей благородный юноша искренне обратился к Великому Саусесану.

— И мы его тоже освободили, — сказала Хашайя. — А надо было убить на месте.

— Не волнуйтесь Великая. Перед тем, как нас переместила месэра Ритайлина, я успел шепнуть верному Хаосу Мурддинху, чтобы он позаботился о предателе. Сиглиене теперь придется найти новую любовь.

— Но что же делать? Нас раскрыли! Я уже должен собирать войска, а Храм Тримашлонапа, вероятно, в данный момент готовит отряд боевых магов.

— Уходить, дорогой Тхеонир, — спокойно произнесла Ритайлина, поглаживая колено. — Сиглиена будет искать новую любовь, а мы — новое место.

Для Наместника Тримашлонапа это решение было подобно катастрофе. Все его старания отныне потеряли ценность, ведь никому отныне не придет мысль основывать штаб в округе его города. Храмовники обязательно прочешут всю прилегающую местность в поисках хаоситов.

— Я считаю, что сейчас мне пора услышать ответ на старый вопрос, Рита, — сказал Хашайя, опережая раздосадованного Октарэгона.

— Что за вопрос, месэры? — Тульгарн улыбнулся. Он слегка покачивал ногой, чем окончательно вывел Шайю из себя.

— Кто ты такой? — воскликнула она. — Почему на твое освобождение были брошены такие силы? Ради чего погибло столько наших людей?

— Это три вопроса, месэра!

— Вздумал сострить? — Хашайя поразилась такой наглости, а Ритайлина молчала, словно одобряла этого хлыща, неизвестно кем себя возомнившего.

— Что вы, ни в коем случае. — Хаосит покачал головой. — Вы на самом деле задали три вопроса. Отвечаю на каждый из них. Я — Тульгарн. На мое освобождение были брошены такие силы потому, что я очень важен для всех вас. А погибли наши доблестные войны ради того, чтобы Великий Саусесан овладел Энхором навсегда.

— Это не ответы! — Шайя направила на Тульгарна руку с мерцающим перстнем. — Кто ты? Говори, иначе я сожгу тебя до того, как ты успеешь коснуться источника.

— Я - Хаос Возрожденный!

Хашайя опешила. Она была готова услышать все, что угодно, но не этот бред, не это богохульство! Она бросила взгляд на Ритайлину и Тхеонира. Они с любопытством следили за их перепалкой с Тульгарном.

— Ритайлина, объясни, что говорит этот червь!

— Тульгарн, — обратилась зеленоглазая к хаоситу. — Своим ушам наша верная соратница не доверяет, может, поверит своим глазам?

— Что же, месэра Хашайя из рода Чеенув, будь готова.

Тульгарн опустил ногу на пол и сложил ладони вместе у груди. Он склонил голову, и Шайя поняла, что Тульгарн читает древнюю молитву на мертвом языке. Языке Хаоса, на котором когда-то изъяснялись во многих землях, пока слуги Великого Саусесана от него не отказались. Так было легче скрываться среди других людей, и Повелитель сам одобрил их выбор. Верующие в Порядок и Тибора считали, что этот язык груб, точно неотесанный камень, но на самом деле он звучал иначе. Плавно, тихо и прекрасно. Хашайя почти не знала этого языка, но Тульгарн все равно пел негромко. Так продолжалось довольно долго. Вскоре Шайя ощутила колебания силы. Они окружали молящегося хаосита, воздух вокруг него стал искажаться энергией. Тульгарн резко замолчал. Затем он резко поднял голову. Его лицо осталось прежним, но глаза изменились. Они исчезли, а вместо них Хашайя увидела изломанные линии Хаоса, которые горели, словно раскаленный металл.

— Я приветствую тебя, Хашайя, — произнес Тульгарн тысячью голосов. Дрожь охватила все части тела Шайи. Она упала на колени, даже не почувствовав удара о твердую поверхность. Ритайлина и Наместник тоже опустились на пол.

— Повелитель, — благоговейно прошептала Шайя. Она пребывала одновременно в радости и ужасе, от того, что дерзила Великому Саусесану. Он, как всегда, услышал ее мысли.

— Ты не дерзила мне, дитя, — возразил Великий Хаос. — Ты беседовала не со мной, а с Тульгарном. Он — мой сосуд, с помощью которого отныне я способен пребывать в Энхоре до того, как полностью случится мое возрождение в его теле.

— Но как, как вы сумели сделать это?

— На этот вопрос тебе отвечу не я. Любой сосуд имеет свойство разбиваться, а этот пока не настолько крепок, чтобы держать меня длительное время. Поэтому я лишь могу немного помочь вам сейчас.

— Помогите нам, Повелитель! — влезла Чисхаргана. Сука перекроенная! Ты вообще не имеешь права с ним говорить! Хашайя была готова наброситься на нее с кулаками.

— Это касается человека, чей разум находится в теле Аархина Маггорайхена. — Тысяча сменяющих друг друга голосов зазвучала громче. — Он из иного мира, мира, чей черед однажды настанет. Его имя — Дмитрий. Он никто, но Аархин связывается с ним с помощью Акл-Миратэ, что для нас неприемлемо. Его надо устранить.

— Мы все сделаем, — сказала Хашайя.

— Я знаю. — Тысяча голосов смокла, а через мгновение голова Тульгарна поникла. Хаосит несколько минут не шевелился; Шайя уже подумала, что хаосит на этот раз не выдержал присутствия Великого Саусесана. Но вот он распрямился, воздух перестал ощущать воздействие жизненной энергии. Тульгарн распахнул глаза. Знаки Хаоса испарились, будто их и не было.

— Ну, полно вам на коленях сидеть, Великие, — произнес с усмешкой Тульгарн. — А вы, месэр Октарэгон, можете продолжать, не каждый день передо мной преклоняются правители больших городов.

Наместник зло посмотрел на хаосита, но вернулся на софу. Ритайлина присоединилась к нему, а Хашайя возвратилась в облюбованное кресло.

— Я, пожалуй, пойду спать, — сказал, поднимаясь со стула Тульгарн. — Уж пару часов

перед тем, как покинуть это гостеприимное место, у меня есть. А вы как хотите.

Хаосит вышел за дверь. Воцарилась тишина, казалось, три человека в кабинете стараются даже не дышать. Хашайя прочистила горло.

— Жаль, что Энкрич не дожил до этого момента. — Шайя сейчас действительно сожалела. Тощий н'удан был достоин хотя бы раз перед смертью услышать Великий Хаос.

— Жаль. — Зеленоглазая поджала губы. — Я бы многое отдала, чтобы посмотреть, как Долговязая смерть падает ниц. Месэр Тхеонир, отдайте распоряжение, чтобы все обитатели замка покинули его в течение трех часов, затем отправляйтесь в Тримашлонап и собирайте войско. Надеюсь, вы не выдадите нас.

— Вы плохо обо мне думаете, Ритайлина. — Октарэгон быстрым шагом покинул кабинет, оставив бывших врагов наедине.

— Расскажи мне, — попросил Шайя.

Тульгарн, как выяснилось, был тем самым хаоситом, которому удалось совершить обряд перекройки, обратив н'шаста в н'удана. Он досконально изучил забытый язык и проводил много времени в развалинах старого убежища. Он искал книги, свитки и другие записи, чтобы повысить свою мощь и единолично возглавить силы верных Великому Саусесану. Однажды Тульгарн обнаружил древнюю молитву, которую произносили тысячелетия назад перед контактом с повелителем. Твердо решив добиться возможности услышать того, кому посвятил жизнь, он несколько дней подряд медитировал и пел слова на языке Хаоса. Пока Повелитель не ответил ему. Он подсказал, как сформировать заклинание, которое никто из н'уданов до этого не сплетал. Поток потребовал десятки душ, но результат оправдал все с лихвой.

— Что дальше? — Хашайя забыла про сон. Неудивительно — после такого забудешь не только сон, но и свое имя.

— Тульгарн уйдет в Пердожалаф, мы вернемся в убежище и хорошенько отдохнем, — ответила Ритайлина. — После вместе разработаем план по освобождению Оорташи и Щамерта.

— У тебя уже есть идеи?

— Есть, но вряд ли их можно назвать заслуживающими внимания. Когда Тульгарн попался, я боялась, что мы проиграли. Поверь, меня он тоже бесит. Зная свою важность, он продолжает рисковать. Все мои мысли были направлены на его спасение, поэтому я сильно не задумывалась о тех, кто еще заточен в Белых пирамидах. И не спрашивай, почему я сразу не рассказала о Тульгарне вам с Энкричем.

— Мы бы не поверили, — сказала Хашайя.

— Именно. Не забудь про иномирияна Дмитрия, мы обязаны исполнить волю Повелителя.

— Орден д» рута еще существует?

— Да, не столь многочислен, как раньше, но боеспособен. — Рита поняла, куда клонит Шайя. — Завтра я отправлюсь к ним и выберу самого умелого из убийц.

— Есть вероятность, что этот Дмитрий уйдет из Грелимарая.

— Не беспокойся, д» рута отыщет его в любом уголке Энхора, где бы тот не спрятался. Пусть не сразу, но Дмитрий умрет.

Конечно, умрет. На пути Хаоса умрут все, кто не с нами, подумала Хашайя. Так будет. Скоро.

Если бы я вел дневник, то сейчас уже сидел бы в ступоре, подбирая нужные слова. Я бы не знал с чего начать, что упомянуть подробно, что вскользь, а о чем вообще промолчать. Сражения, новые знакомства, встречи, долгие разговоры — день, когда я ступил на землю Грелимара, вполне заслуживал звания самого тяжелого за двадцать пять лет. Казалось, что сегодня мир вращался лишь вокруг меня. Стоило побыть одному, чтобы в тишине усвоить каждое из многочисленных событий, свалившихся на мою несчастную голову, но в Грелимаре об этом я мог забыть со спокойной душой. Все требовали Аархина Маггорайхена: Храм Тибора, Наместник города и даже простые жители, для которых появление последнего защитника Энхора стало глотком свежего воздуха после удушливой вони, принесенной хаоситами. Я старался уделить время всем, постоянно импровизировал, будто выступал в качестве стендап-комика перед зрителями. Мои собеседники иногда замечали некую отстраненность во мне, но подозрений о самозванстве не возникало. Я догадывался, что люди понимали — даже великий н'шаст, самый могущественный человек в этом мире, скорбит по погибшему другу. Я скорбел и делал это искренне, не играя роль. Ведь Мийэн был той тонкой нитью, по которой я собирался добраться до дома, словно эквилибрист, шагающий по натянутому канату. Теперь эта нить оборвалась, причем я чувствовал, что отчасти по моей вине. Когда я впопыхах ворвался в тускло освещенный зал, н'удан не стал метаться между двумя противниками, а избрал приоритетную цель. Мийэн, по-видимому, не нашел иного способа спасти меня, и бесстрашно пожертвовал собственной жизнью. За это я ему благодарен, видит Порядок, очень благодарен. А если бы я не ринулся сломя голову в гущу сражения? Возможно, друг Маггорайхена одолел бы Энкрича, но что потом? С нижнего уровня Темницы как раз поднялись бы другие хаоситы, и любой из них без сожаления убил бы меня. Поздний вечер только приближался, и больше всего на свете я желал уснуть, чтобы, наконец, увидеться с Аархином. Я хотел услышать, что он скажет: обвинит в самонадеянности или признает, что я поступил правильно.

Избавившись от собеседников, я занял кабинет Мийэна Заурбанза в порту. Рабочее место главный смотритель обставил скромно. На столе лежала куча документов, требующая скорейшего разбора. Кто теперь займется ими? По крайней мере, мне до этого не было дела. Я всего лишь хотел пару часов одиночества, поэтому запер дверь и прикрыл окно плотными занавесками коричневого цвета. Как быстро меняются люди — в начале своих приключений я опасался, что кроме меня никого в новом мире нет, а спустя неделю мечтаю, чтоб так оно и было. Помнится, что я еще радовался телу, в которое угодил мой разум, однако пребывание в любом ином человеке уже не представлялось мне чем-то ужасным. Глупости, Дима, одернул я себя, тогда бы домой вернуться ты не смог бы ни при каких обстоятельствах.

Я опустил в кресло и положил руки на крепкий стол. Мой взгляд зацепился за письмо, то самое, которое Аархин отправил другу. Оно лежало сверху ближайшей кипы бумаг, значит, Мийэн не раз перечитывал его. Я пробежался глазами по строчкам, наконец, добрался до подписи, оставленной н'шастом. Ее придется заучить, ибо не верилось, что неизвестно за какое еще время в Энхоре мне не доведется отправлять посланий. Я взял чистый лист, обнаружившийся в верхнем выдвижном ящике стола, перо и опустил эту письменную принадлежность в чернильницу. Перо, кстати, чудесное, чем-то похожее на павлинье, но сочетание цветов было совсем другим. Затем старательно, словно первоклашка

на занятиях по правописанию, начал повторять закорючку Аархина. Минут пять я только и делал, что размазывал чернила по бумаге или оставлял кляксы. Мама бы сказала — как курица лапой. Когда место для следующих попыток закончилось, я достал второй лист. Теперь я водил рукой гораздо аккуратней, и раза с пятнадцатого подпись вышла такой, какой должна быть, сам Хранитель Порядка ее бы признал.

Я уже собирался отложить перо в сторону, как понял, что еще не пробовал писать слова. Подделать автограф — дело нетрудное и не пыльно, а подчерк? Я написал слово «Привет» и тупо уставился на него после. Я долго пялился на буквы, пока не врубился, что передо мной кириллица, которая поначалу показалась тарабарщиной. Еще бы, разум то перестроился так, чтобы понимать местный язык. Твою мать, выходит, что если я буду писать, то только на русском? Дополнительной проблемы мне только не хватало. Я закрыл глаза и сосредоточился, пусть память тела Аархина поможет. Если тело помнит чой-хуа, то и с простым заданием справится. Когда я взглянул на надпись, выдох облегчения вырвался сам собой. «Привет» состоял из энхорских букв, а самое важное — подчерк почти не отличался от хозяевского.

Освободив место на столе, я улегся на сложенные руки. Желания спать не ощущалось, но, тем не менее, в сон удалось провалиться достаточно скоро.

Обстановка вокруг не переменилась, я по-прежнему, был за столом в кабинете главного смотрителя порта, но на стуле передо мной, глядя в сторону, сидел последний н'шаст Энхора. В руке он держал золотой кубок. Я не думал говорить первым, но молчание затянулось.

— Учитель?

— За триста лет я успел потерять многих. От старости умирали те, кого я любил, поэтому я поклялся больше не поддаваться этому светлому чувству. Мои друзья гибли в войнах с хаоситами, поэтому я старался больше ни к кому не привязываться. Но без друзей моя долгая жизнь стала бы серой, как сутаны вопрошающих, — тихо произнес Аархин, отпивая из кубка. — И сегодня я лишился еще одного друга. Вот, выпей со мной за Мийэна Заурбанза.

На столе энергией соткался точно такой фужер, наполненный прозрачной жидкостью; я принюхался — что-то крепкое.

— Я обещал тебе отказаться от алкоголя.

— Сегодня можно. Сегодня можно все. Пить, горевать и вспоминать.

— За Мийэна! — я провозгласил тост и отправил жидкость в себя. Ух, ядрена мать, что за алхимическое пойло? Водка мной отныне будет считаться напитком легким, даже приятным на вкус. Из чего гонят эту энхорскую сивуху?

— Она зовется баргашта, и гонят ее, как ты выразился, из горькой травы маульянц, которая растет в северной части Джийятской империи. — Голос н'шаста звучал не так, как обычно. Да ведь он пьян! Сколько же он успел выпить, я же только-только появился.

— Пять стаканов баргашты мне хватало, чтобы почувствовать легкое головокружение. Но в Акл-Миратэ я немного усилил градус, глотка теперь довольно, чтобы напиться. Будь осторожен.

— Ты злишься на меня? — спросил я, ощущая, как тепло разливается по телу, а голову окутывает приятный туман.

— За что? Поступи ты по-другому, наша тайна была бы под угрозой. Мийэн же поступил так, как посчитал нужным. Он был смелым, искренним в своем служении Порядку.

Из него вышел бы превосходный н'шаст, жаль, что судьба распорядилась иначе. Ищешь виновного? Его имя Хаос. Энкрич Долговязая Смерть лишь его орудие.

— Я забрал его жизнь взамен, хотя уже думал, что буду следующим трупом.

— Ты справился отлично, выше моих ожиданий. Я боюсь предположить, что ожидало Энхор в будущем, если бы он восстановил силы. Жертва Мийэна не напрасна, и ты завтра доведешь до Совета Тибора, что похоронить его должны на территории Храма. Таково мое желание, Аархина Маггорайхена.

— Сделаю. Я видел и Хашайю, — сказал я. — Но не рискнул ничего предпринять.

— Это ты тоже верно поступил. — Хранитель Порядка швырнул кубок сторону, и тот разлетелся на мириады осколков, испарившихся через мгновение. — Я заточен на земле, а в Энхоре действуют хаоситы, словно не было этого века без н'уданов! Нагло, дерзко, возле крупнейшего города в Виленсбашиге. Откуда такая мощь? Каким образом они вытолкнули меня, как освободили двух слуг Великого Саусесана? Столько вопросов, а я не могу найти ответа даже на один!

— Это как-то связано с предводителем хаоситов, которого они освобождали. Я не частный детектив, конечно, но все указывает на это.

— Дима, ты читаешь мои мысли; он краеугольный камень всего, что сейчас происходит в стане врага. Ты молодец, прекрасно держался перед храмовниками и Наместником.

Похвальба Аархина была заслуженной. Я актерствовал на пределе способностей. У тела Мийэна меня нашел молодой маг, который встретил нас с бойцами у входа в Темницу. Его, как чуть позже, я выяснил, звали Эвтей, и он был учеником погибшего. Мы вынесли покойного наружу, когда на площади появился вооруженный отряд из Храма Тибора. Я тогда сдержал себя, хотя были мысли высказать им пару ласковых за такую медлительность, и поступил разумно. Храмовники прямо там доложили причину задержки, встав на колени передо мной. Неизвестные маги хаоситов незамечено оплели здание храма заклятием тишины. Как удалось им так близко подобраться к самому защищенному месту в Грелимарае, никто не ведал. Пока в Храм не вбежал маг, которого видели по дороге к Темнице Эвтей с Мийэном. Только после этого поток обнаружили и разрушили. Хранитель Порядка не ошибался — мощь хаоситов выросла. И хитрости им было не занимать. Я не думал, что Троянский конь обретет двойника в далеком от Древней Греции мире. Но храмовники подробно объяснили, как поклоняющиеся Великому Саусесану проникли в город. Подобно греками, они выжидали наступления нужного момента, а после обрушились на ничего не подозревающих троянцев. Тьфу, грелимарайцев, конечно же!

Меня отвели в Храм Тибора, невысокое, но величественное здание, с множеством пристроек. Я бы не удивился, если бы его территория равнялась целому жилому кварталу. Сложенная из дерева и кирпича, с несчетным количеством окон и изображений на стенах, обитель слугителей Порядка представляла собой настоящий шедевр энхорской архитектуры. Он вполне заслуживал звания восьмого чуда света, если б находился на земле.

В одном из залов, в который меня провели бесчисленными коридорами, я оказался перед Советом Тибора. Вернее, это Совет выступал передо мной. Мне рассказали с последних событий, о том, что войско Грелимарая в данный момент выбивает хаоситов из соседней деревни, о принятых мерах и так далее. Я внимательно слушал и одобрил все их решения. Пришла моя очередь поведать этим волшебникам о беспокойном пути в их славный Город. Я не стал ничего утаивать, понадеявшись, что Аархин меня не осудит. Упомянул про д» рута Црагыыла, естественно, заменив спасение при помощи з'уартхила на

хитрый поток, для которого понадобилась уйма энергии. Рандеву с Каларом я не расписывал подробно, но не забыл сообщить, что понятия не имею, сколько понадобится времени, чтобы вновь касаться Источника с прежней силой. Храмовники кинулись предлагать помощь: кто-то рекомендовал остаться тут в Грелимарае, кто-то упорно советовал отправиться в святилище в Нагарских горах. Я поднял руку, прекратив созданный ими гвалт, и добавил, что уже имею план, который поспособствует в восстановлении. К этому моменту в зал вбежал человек, огласивший, что месэра Маггорайхена ожидает карета от Наместника, и как только он закончит здесь, его ждут во дворце. Я был готов ехать хоть сию минуту, поэтому распустил Совет. В толпе я выцепил Эвтея, попросив проводить меня. Парень еще не сменил одежду со следами боев, но раненую руку ему перевязали. По его глазам было видно, что смерть учителя сильно ударила по нему. Я повторил Эвтею последние слова Мийэна, и он сам вызвался сопровождать меня в нужное место завтра.

Экипаж вез меня по улицам большого города, который постепенно оживал, после тяжелого утра. Люди спешили кто куда, но даже из кареты я улавливал обрывки их разговоров о произошедшем. Да, утро у Грелимарая не задалось. Сейчас там, где бушевали битвы, лекари занимались ранеными, а солдаты грузили тела павших на телеги. Хорошо, что я лишен счастья смотреть на это печальное зрелище. Где-то через полчаса мы остановились у четырехэтажного здания, окруженного резной металлической решеткой. Повсюду патрулировали стражники в полном боевом облачении. Меня сопровождал высокий слуга в смешной одежде. Мы поднялись по ступеням внутрь, и моему взору открылся шикарный зал, украшенный позолотой и драгоценными камнями. Посреди зала находилась широкая лестница наверх, по которой мы не преминули подняться. Пройдя через сводчатый, словно в Эрмитаже, коридор, мы оказались в средних размеров комнате, где был накрыт богатый стол. Наместник с великолепным именем Лухаврин Базикувк восседал не во главе, а сбоку, уступая место последнему н'шасту Энхора. Я человек скромный, но соответствовать своему положению, пусть и не совсем честно, обязан. Боже, как я хочу есть! Прошло не так много времени с моего завтрака на корабле, но голод внезапно напомнил о себе.

— Рад, что вы пришли на помощь, месэр Маггорайхен, — взял слова Наместник. — Угощайтесь.

— Благодарю, Лухаврин.

Я набросился на еду и мигом умял тарелку какого-то густого горячего супа с пряным ароматом. Второе блюдо пришлось есть руками, потому что ничего похожего на вилку на столе я не обнаружил. Когда я справился с мясом, по вкусу напоминающим кролика, и сваренными неизвестными овощами, Базикувк, как и храмовники поинтересовался моим мнением, о его действиях. Я также подтвердил, что он достойный Наместник Грелимарая, и его приказы принесли только пользу. До десерта я не успел дойти, в столовую ворвался гонец и доложил, что войско города не нашло хаоситов в деревне, а почти все жители либо умерщвлены, либо уведены в неизвестность. Лухаврин дрожащим голосом отправил гонца прочь и посмотрел на меня. Я предоставил ему самому решить вопрос с погибшим селением, на то он и правитель. Мне стоило труда заставить себя говорить спокойно, потому что... Потому что они вырезали деревню! Деревню, твою мать! Несколько десятков, а может и сотен мирных людей, убили ради отвлекающего маневра. Да пусть этот хаос хоть трижды изначален, нормальный человек никогда не встанет под его знамена. Хаоситы! Настоящие гитлеровцы, вот кто они на самом деле. О десерте, разумеется, я после не думал.

Обсудив еще кое-какие вопросы, Лухаврин уточнил, смогу ли я выступить перед

горожанами на площади Гласа, где, как я догадался, всегда объявляли важные вести в Грелимарае. Я не стал отказывать, и вскоре карета везла нас с Наместником прямо туда. Толпа уже собралась колоссальная, видимо, Лухаврин заранее отправил людей, чтобы те зазвали народ. Знал, что Хранитель Порядка согласится. Стоя на помосте в окружении волнующегося человеческого моря, я едва не да стрекача. Все-таки, для меня это в новинку — говорить перед тысячью глаз, я не батюшка Владимир Ильич Ленин или император Наполеон Бонапарт. Но сжав волю в кулак, я выдавил из себя слова. Храмовник за моей спиной усилил голос так, что слышали его, вероятно, во всех окрестностях города. Я вещал, словно прирожденный оратор, призывал сплотиться, чтобы не позволить Хаосу погрузить Энхор во тьму. Мне внимали и одобрительно кричали.

— После погребения Мийэна, — начал Аархин, — не теряй время. Берите с Эвтеем капиталов и сразу же к Фульмеру.

— А дальше, как я в одиночку обучу их? — поинтересовался я.

— Я полагаю, Эвтей согласится в память о наставнике заменить его. Совет Тибора не будет возражать, если ты заберешь Песочную Голову с собой.

— Чего? Какую голову?

— Прозвище Эвтея Щтарошима, — пояснил н'шаст уже более трезвым тоном. — Только никому не сообщайте куда направляетесь и с какой целью.

— Ты действительно считаешь, что в Грелимарае есть хаоситские шпионы? Зачем такая скрытность?

— Хаоситские шпионы есть всегда и везде. Вряд ли среди здешних храмовников, но у каждого из них есть друзья, родственники, знакомые. Если кто-то проговорится — быть беде. А дальше, дальше станет видно, Дима.

Аархин встал со стула и зашагал к двери. У нее он обернулся и сказал:

— Запрет на пьянство я не снимаю, но ты волен пробовать легкие напитки. В конце концов, мне кажется жестоким лишать тебя возможности попробовать наши чудесные вина и разнообразные сорта пива. Занятий сегодня не будет. Я должен вспомнить каждую мелочь о Мийэне, такого друга у меня уже не будет.

Хранитель Порядка хлопнул дверью, и я проснулся. Судя по пробивающемуся через занавески свету, я проспал до утра, и никто меня не беспокоил. Я сбросил остатки дремы; хорошо бы было принять ванну после нескольких дней дороги, но она подождет.

Путь к Храму Тибора я на этот раз нашел сам. Жители Грелимарая, попадающиеся мне по дороге, здоровались, просили их благословить. Мне это очень быстро надоело, но я никем не пренебрег. У храма толпились люди, скорее всего те, кто знал Мийэна; они тоже хотели почтить павшего защитника Порядка. Я протиснулся сквозь них. У главных ворот меня отыскал Эвтей, умытый и переодетый; его руку удерживала свежая перевязь. Мне не пришлось просить служителей Тибора хоронить Мийэна здесь, они обо всем догадались сами. Изувеченное врагом тело Мийэна Заурбанза завернули в белый саван. Оно лежало на некоем подобии носилок, которые должны были нести четверо. Я знал, что обязан стать одним из них. Я встал впереди слева, рядом со мной занял место пожилой храмовник, который с утра уже принял на грудь — от него прилично разило. Но кто обвинит его? Если он несет тело погибшего, значит, он был его другом. Сам Аархин Маггорайхен не постеснялся надраться, пусть и не в реальности, а в Акл-Миратэ. Позади меня оказался слуга Мийэна, чье лицо походило на камень, видимо, смерть господина задела его сильно. Возле него встал Эвтей, который на уговоры подменить его, показал всем здоровую левую руку.

Мы дружно подняли Мийэна и медленно пошли по коридору. Процессию сопровождали песни и молитвы Порядку. Я не вслушивался в слова специально, но они будто закрадывались мне в голову. Храмовники просили Порядок и Тибора принять душу верного им человека и обеспечить ему достойное существование до тех пор, пока он не возродится в новом теле. Мы держали путь вниз, в подземелья Храма. Я буквально заставлял себя не озираться по сторонам, потому что посмотреть было на что. Арки, колонны, ниши в стенах, статуи людей и зверей, освещенные магическими светильниками, — мои глаза разбегались. Мы достигли зала с низкими потолками, здесь темноту разгоняли лишь факелы. Возле стен лежали на полу саркофаги, где нашли покой те, кто сражался всю жизнь с хаоситами. Вдали я заметил открытый каменный гроб. Место для Мийэна Заурбанза, человека, которого день назад потерял Энхор. Наша четверка донесла тело до саркофага, затем мы аккуратно поставили носилки возле него и бережно взяли тело Мийэна. Опустив его внутрь, я дотронулся рукой до его груди и произнес, разрушив тишину склепа:

— Прощай, друг.

Спустя час мы с Эвтей уже запрыгивали на капитов, которых он заранее приготовил. Совет, как и сказал, Аархин, не перечил, Песочную Голову отпустили. Что за странная кличка, узнать бы ее историю. Спрошу в следующий раз у н'шаста. Грелимарай мы покинули через массивные ворота и пустили капитов во весь опор. Потрясающее ощущение! Утренний воздух бил в лицо, солнечные лучи ласкали взор. Мы мчались по лугам, которые вскоре сменились вспаханymi полями. Мы дважды вброд пересекали тонкие речушки. Звери под нами весело фыркали, умудряясь пить на ходу своими страшными пастями. С Эвтей мы не разговаривали, он переживал гибель учителя, а я друга, это потом, позже мы обязательно найдем общий язык, пока для нас важной была только дорога. После полудня на горизонте показался лес, который с радостью принял нас под свою сень. Теперь я удобно чувствовал себя на капите, вероятно, сказывалась память тела Аархина. Все-таки когда вернусь домой, свожу Марину покататься на лошадях, она давно предлагала, а я все откладывал в дальний ящик.

Лесная дорога вывела нас к деревянному частоколу, окружавшую деревню, где родился помощник Мийэна Фульмер. Привратник узнал меня, отворил калитку и радостно крикнул, что приехал сам последний Хранитель Порядка. Мужчины, женщины, детвора тут же сбежались на зов. Я всех поприветствовал и спросил, где найти Фульмера. За ним послали бойкого босоногого мальчугана, который скоро возвратился с тем, кого мы искали. Улыбка Фульмера сошла с его лица, когда он увидел, что Мийэн не с нами, а Эвтей утрюм. Я спешил и подошел к нему.

— Месэр Маггорайхен, — обратился ко мне писарь. — Где же месэр Заурбанз?

— Мужайся, он погиб от руки н'удана Энкрича Долговязой Смерти, но сумел ранить его.

Люди вокруг заохали, услышав имя из давних времен. Они испуганно стали переговариваться, некоторые даже увели детей подальше.

— Энкрича я убил, хотя Мийэна, это не вернет, — продолжил я.

— Спасибо. — По лицу Фульмера побежали слезы. Я обнял незнакомого человека, разделяя его боль от потери. Эвтей тоже спустился с капита и похлопал Фульмера по плечу.

— Знаю, тебе будет не хватать его, как и всем нам, — негромко сказал он.

— Спасибо, Эвтей. Пойдем в дом. Или вы хотите сразу увидеть детей?

— Да, думаю, мы здесь надолго, поэтому успеем насладиться гостеприимством. Они не

в доме?

— Нет, они у озера с моими братьями, — ответил Фульмер, утирая слезы тыльной стороной ладони. — Скачите напрямик через деревню, не ошибетесь.

Мы снова забрались на наших чудесных скакунов. Уже через недолгое время мы услышали смех и плеск воды. Когда мы спустились на поросший травой берег, на нас обратили внимание. Двое парней вряд ли могли зваться детьми. Они стояли по пояс в воде и ловили рыбу, пока их не отвлекли. Оставались две девчонки и юноша. Девчонки были в легких платьях, парень же без рубахи и в одних штанах что-то показывал им. Сейчас они все смотрели на нас. Точнее, на Аархина Маггорайхена. Я спрыгнул на землю, собрался духом и зашагал к ним. На озеро легла тишина. Я остановился в паре метров от них и произнес:

— Здравствуйте, мои ученики. — И да поможет нам всем отныне Порядок.

Больше книг на сайте - Knigolub.net